Т. Карлейль.

Этика жизни.

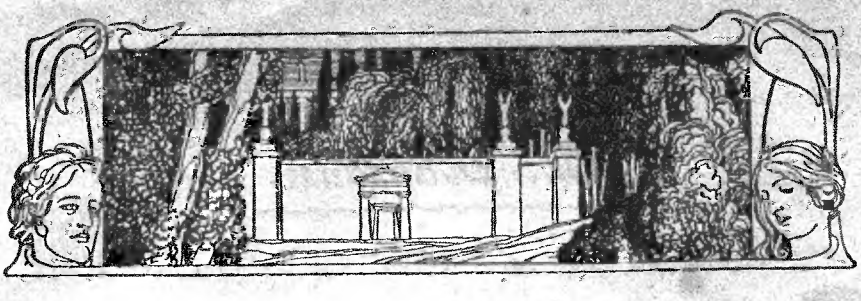
Трудиться и не унывать!

Переводъ Е. Синерукой,

подъ редакціею и съ предисловіемъ В. В. Битнера.

Съ портретомъ Карлейля и многими рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1906.



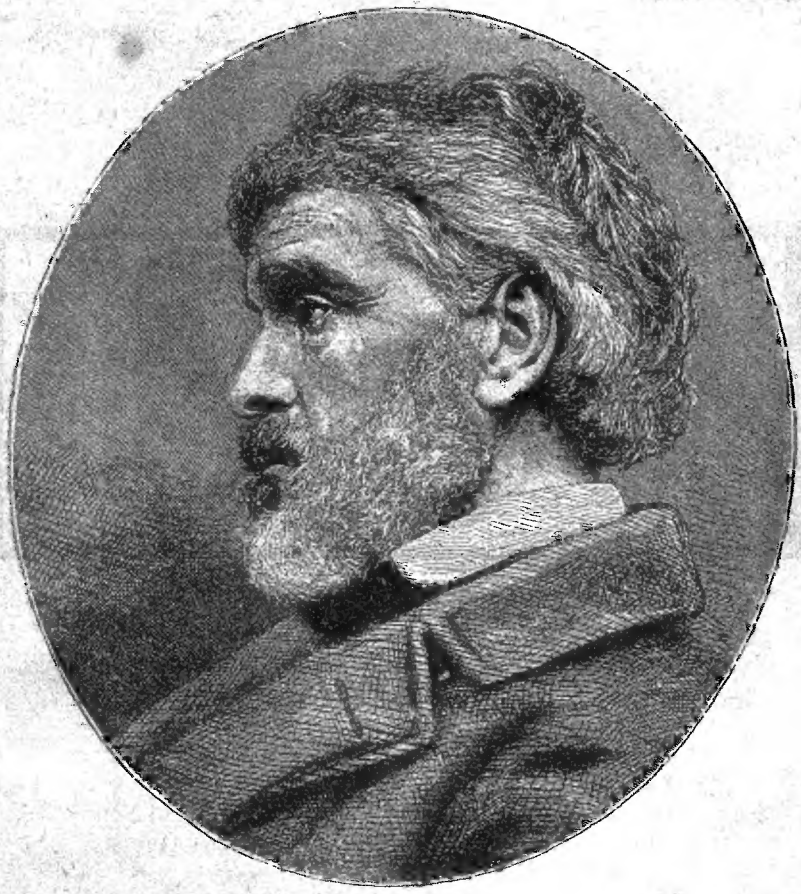
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателей книга Т. Карлейля, представляющая собою извлеченіе изъ его сочиненій, сдѣланное М. Кюнъ и А. Кречмеромъ, въ нѣмецкомъ изданіи разошлось въ короткое время въ 60 тысячахъ экземплярахъ. Одно уже это обстоятельство могло бы говорить въ пользу нашего желанія ознакомить читателей съ «Этикой жизни»—произведеніемъ, проникнутымъ духомъ бодрости и чувствомъ вѣры въ благодѣтельное значеніе труда въ жизни. Но, останавливаясь на выборѣ Карлейля, какъ автора, съ идеалами и міровоззрѣніемъ котораго, по нашему мнѣнію, было бы полезно ознакомиться читателямъ, мы имѣли въ виду не столько безусловную цѣнность взглядовъ великаго англійскаго историка и философа, сколько ихъ значеніе относительное. Читателямъ нашего журнала приходится въ цѣломъ рядѣ даваемыхъ нами статей и книгъ, проникнутыхъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, имѣть дѣло со взглядомъ, который отводитъ личности въ исторіи въ высшей степени незначительное мѣсто. Карлейль, ко взглядамъ котораго въ этомъ отношеніи примыкалъ у насъ покойный Н. К. Михайловскій, напротивъ, признавалъ крупное значеніе личности въ исторіи и боролся противъ крайностей матеріалистическаго ея пониманія. Давая, такимъ образомъ, настоящую книгу, мы имѣемъ въ виду избѣгнуть упрека въ односторонности подбора предлагаемаго нами матеріала для самообразовательнаго чтенія съ цѣлью выработки міросозерцанія.

Другимъ неоспоримымъ достоинствомъ произведеній Карлейля является ихъ великолѣпный полный поэтическихъ образовъ языкъ, создавшій ему большой кругъ читателей среди противниковъ его міросозерцанія, проникнутаго стремленіемъ свести прогрессъ человѣчества къ жизни отдѣльныхъ выдающихся людей-героевъ, положить въ основу цивилизаціи исключительно нравственный долгъ и проповѣдывать трудъ, чувство нравственности и вѣры. Правда, рѣзко бьющая въ глаза религіозность Карлейля, наложившая на всѣ его прозведенія особый отпечатокъ, многимъ казалась весьма крупнымъ недостаткомъ его, какъ автора, но еще больше число людей находитъ въ томъ особую прелесть: одни изъ нихъ въ религіозныхъ образахъ Карлейля видятъ красоты и символы, подобные тѣмъ, какіе олицетворялись богами Гомеровой Иліады, но имѣющими болѣе глубокій смыслъ, соотвѣтствующій современному міровоззрѣнію;—другіе находятъ у Карлейля, кромѣ того, отвѣты на свои духовныя стремленія... Въ общемъ, однако, эта особенность произведеній англійскаго философа-индивидуалиста, являясь для однихъ читателей крупнымъ плюсомъ,

никому, конечно, не можетъ мѣшать отнестись къ основнымъ мыслямъ автора съ соотвѣтствующимъ складу ума каждаго чувствомъ уваженія или симпатіи.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, всякій, кто не считаетъ для себя возможнымъ, при выработкѣ міросозерцанія, полагаться, такъ сказать на «чужое мнѣніе», долженъ, на ряду съ сочиненіями, основанными



Томасъ Карлейль.

на матеріалистическомъ пониманіи исторіи, ознакомиться и со взглядами авторовъ, признающихъ вліяніе личности на ходъ историческихъ событій, а Карлейль является едва ли не самымъ яркимъ выразителемъ этого взгляда.

Въ заключеніе считаемъ не безполезнымъ указать на немногіе имѣющіеся на русскомъ языкѣ переводы сочиненій Карлейля и статьи посвященныя его характеристикѣ. Изъ сочиненій Карлейля переведены только, первый томъ его «Исторіи французской революціи», вышедшей по англійски въ 1837 г., «Историческіе и критическіе опыты», «Герои и героическое въ исторіи («Современникъ» 1856 г.) и «Нибелунги» («Библ. для чтенія» 1857 г.), а изъ критико-біографическихъ очерковъ можемъ указать на статью въ «Вѣст. Евр.» (№№ 5 и 6) за 1881 г.—годъ смерти Карлейля, далѣе, въ новѣйшей англійской литературѣ» И. Тэна и «Автобіографіи Дж. Ст. Милля» имѣются цѣнныя данныя о Карлейлѣ и наконецъ, ука-

жемъ еще на книжку Яковенко «Карлейль» (Біогр. Библ.» Павленкова) и Окольскій «Фома Карлейль и англійское общество въ XIX столѣтіи». Знакомымъ съ англійскимъ языкомъ можемъ указать на его «Sateer-day pamphlets»—Памфлеты послѣднихъ дней»,—сочиненіе, ярче всего выражающее взгляды Карлейля и возбудившее противъ него даже многихъ поклонниковъ его таланта, такъ какъ осмѣивались многія, казалось-бы, «незыблимыя» истины.

В. Битнеръ.

Т. Карлейль.

Этика жизни.

Трудиться и не унывать!
Трудиться...

Надо жить! вотъ они роковыя слова!
Вотъ она, роковая задача!
Кто надъ ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья надъ ней не ломилась отъ думъ голова?..
С. Я. Надсонъ.

I. *Надо жить, а не прозябать.* Да, подумай о томъ, что надо жить! Жизнь твоя, хотя бы ты былъ самый жалкій изъ смертныхъ,—не праздная греза, а дѣйствительность, полная высокаго смысла! Твоя жизнь—твое достояніе; это все, съ чѣмъ ты можешь пойти навстрѣчу вѣчности. Дѣйствуй, поэтому, подобно звѣздамъ, «не торопясь, но и не зная отдыха».

II. Сколько возвышеннаго, торжественнаго, почти страшнаго заключается для каждаго человѣка въ мысли, что его земное вліяніе,—вліяніе, имѣвшее начало,—никогда, во вѣки вѣковъ не прекратитъ своего дѣйствія, хоть бы человѣкъ этотъ былъ ничтожнѣйшій изъ насъ. Что сдѣлано, того не воротишь, то слилось уже съ безграничнымъ, вѣчно-живущимъ, вѣчно дѣятельнымъ міромъ, то вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуетъ людямъ на пользу или вредъ, явно, либо тайно, на вѣчныя времена.

Жизнь всякаго человѣка можно сравнить съ рѣкой, начальное образованіе коей ясно для всѣхъ; дальнѣйшій же бѣгъ ея и ея назначенье, когда она змѣей извивается по широкимъ плоскостямъ, одинъ только Всевидящій можетъ отличить. Сольется ли она съ сосѣдними рѣками, увеличивая собою ихъ объемъ, или приметъ ихъ въ себя? Останется ли она безымянной рѣчкой; своими мелкими водами вмѣстѣ съ милліонами другихъ рѣчекъ и рѣкъ будетъ ли она питать какую-нибудь міровую рѣку? Или изъ нея образуется новый Дунай или Рейнъ, и потоки водъ ея явятся вѣчной пограничной линіей на земномъ шарѣ, оплотомъ и водянымъ путемъ для цѣлыхъ государствъ и материковъ? Мы этого не знаемъ; намъ извѣстно лишь одно, что путь ей лежитъ въ Великій Океанъ, и что воды ея, хотя бы ихъ было не болѣе горсточки, существуютъ и не могутъ быть уничтожены, не могутъ быть и надолго задержаны.

III. Тебѣ дано *время испытанія*. Никогда не получишь ты второго. Вѣчность пронесется, но тебѣ не будетъ дано второго такого времени.

IV. Ясныя звѣзды и вѣчныя солнца сіяютъ и понынѣ для тѣхъ, кто способенъ это узрѣть. И въ наши дни, какъ и въ дни минувшіе, раздаются голоса боговъ вокругъ и внутри всякаго человѣка, голоса—всѣмъ повелѣвающіе, если даже никто ихъ не слышитъ,—голоса внятно произносящіе слова: «Встань, сынъ Адама, сынъ времени, позаботься о томъ, чтобъ то-то и то-то стало чище, лучше, и ты самъ раньше всего! Трудись и не дремли, потому что настанетъ ночь, когда никто не сумѣетъ работать». У кого уши есть, чтобъ слышать, тотъ можетъ услышать эти слова и нынѣ.

V. Есть что-то облагораживающее и даже святое въ трудѣ. Какъ бы мало человѣкъ ни думалъ о своемъ высокомъ призваніи, онъ все еще даетъ право возлагать на него надежды, покуда онъ дѣйствительно серьезно трудится; лишь въ праздности—вѣчное отчаяніе. Трудъ, какъ бы онъ ни былъ низокъ или корыстенъ, всегда тѣсно связанъ съ природой.

Уже одно желаніе трудиться ведетъ все ближе и ближе къ Истинѣ, къ тѣмъ законамъ и предписаньямъ природы, которыя суть Истина.

Новѣйшее Евангеліе нашего времени: Познай свое дѣло, и исполни его. «Познай самого себя!»—твое бѣдное «Я» долгія годы промучило тебя, но ты, по-моему, никогда не сумѣешь познать его. Не считай же своей задачей познаніе самого себя, потому что ты представляешь собою личность, которой тебѣ никогда не познать. Познай же лучше, надъ чѣмъ ты можешь трудиться, и работай, какъ Геркулесъ! Эта система много лучше прежней.

Говорятъ: „Значеніе труда не поддается учету". Человѣкъ совершенствуется при помощи труда!

Пространства, заросшія сорной травой, расчищаются, на ихъ мѣстѣ появляются чудныя нивы, воздвигаются дивные города, и самъ человѣкъ перестаетъ быть пашней, заросшей плевелами, или безплодной, чахлой пустыней. Вспомните, что даже самый низменный трудъ въ извѣстной степени приводитъ душу въ состояніе истинной гармоніи. Сомнѣнья, жадность, заботы, раскаяніе, разочарованье, даже унынье,—всѣ эти исчадья ада мучительно осаждаютъ душу бѣднаго поденщика точно такъ же, какъ и всякаго другого человѣка. Но стоитъ лишь человѣку свободно и бодро приняться за трудъ, какъ всѣ они умолкаютъ, и, ворча, прячутся по своимъ конурамъ. Человѣкъ становится воистину *человѣкомъ*. Священный жаръ труда похожъ на очистительный огонь, истребляющій любой ядъ, сквозь самый густой дымъ дающій свѣтлое, чистое пламя!

У судьбы нѣтъ, въ сущности, другихъ средствъ, чтобы сдѣлать людей культурными. Безформенная хаотическая масса отъ вращенья становится все круглѣе и круглѣе, и вслѣдствіе одной только силы тяжести располагается сферическими слоями. Это ужъ болѣе не хаосъ, а круглая, компактная земля. Что сталось бы съ землей, еслибъ она перестала вращаться? По бѣдной старой землѣ разсѣяны всякія неровности и шероховатости, но все неправильное на ней безпрестанно становится правильнымъ.

Видали ли вы когда-нибудь, какъ вертится гончарный станокъ, предметъ почтенный, временъ пророка Іезекіиля и даже древнѣе того? Безформенные комья глины однимъ только быстрымъ вращеньемъ превра-

ются въ красивые, круглые сосуды. Представьте же себѣ самаго прилежнаго въ мірѣ горшечника, но безъ станка, поставленнаго въ необходимость изготовлять посуду, или вѣрнѣе безобразный бракъ, формуя глину руками и затѣмъ обжигая ее! Такимъ горшечникомъ явилась бы судьба по отношенію къ душѣ человѣка, еслибъ та захотѣла отдыхать, расположиться поудобнѣе, не работать и не кружиться. Изъ лѣниваго, неподвижнаго человѣка самая благосклонная судьба, подобно самому старательному горшечнику безъ станка, не создастъ ничего, кромѣ брака. Сколько бы судьба не потратила на него дорогой живописи и позолоты, онъ останется навѣки лишь бракомъ. Изъ него никогда не получится сосудъ, а выйдетъ лишь неустойчивый, безобразный, кривой, косоугольный, безформенный бракъ, раскрашенный и позолоченный сосудъ безчестья! Пусть подумаютъ объ этомъ лѣнивые.

Благословенъ тотъ, кто нашелъ себѣ дѣло. Да не пожелаетъ онъ иного благословенья. Разъ онъ обрѣлъ его, онъ послѣдуетъ за нимъ. Подобно свободно протекающему каналу, съ благородной настойчивостью проведенному черезъ гнилое болото человѣческаго существованія, подобно все болѣе и болѣе глубоко пролагающему себѣ путь потоку, трудъ мало-по-малу уноситъ съ собой даже изъ отдаленнѣйшихъ корней мелкой травки кислую, сгнившую воду и превращаетъ вредоносное болото въ зеленый, цвѣтущій лугъ, съ прозрачнымъ ручьемъ. Благотворно вліяетъ рѣка на лугъ, какъ бы она ни была мала, какъ бы ни была незначительна.

Трудъ есть жизнь. Изъ сокровеннѣйшей глубины сердца работника подымается Богомъ дарованная сила, святая, небесная жизненная эссенція, которую всемогущій Богъ вдохнулъ въ человѣка. Всей душой пробуждается человѣкъ, чутко воспринимая все благородное,—и всякое знанье и «самопознанье» и многое другое, какъ только онъ правильно примется за трудъ. Знаніе? Крѣпко держитесь того знанія, которое при работѣ доказываетъ на дѣлѣ свое значенье, потому что сама природа оправдываетъ такое знаніе, подтверждаетъ истинность его. Въ сущности, у человѣка и нѣтъ другихъ знаній, кромѣ тѣхъ, что пріобрѣтены путемъ труда; все остальное лишь—научныя гипотезы; гипотезы, о которыхъ спорятъ въ школахъ, гипотезы, несущіяся въ облакахъ и кружащіяся въ безконечномъ логическомъ водоворотѣ, пока мы не провѣримъ ихъ на опытѣ. «Сомнѣнью, какого бы рода оно ни было, можетъ положить предѣлъ одна только дѣятельность».

Извѣстно ли вамъ, далѣе, значеніе терпѣнья, мужества, выдержки, готовности сознать свою ошибку и постараться въ другой разъ лучше исполнить свою работу?

Всѣмъ этимъ добродѣтелямъ нигдѣ нельзя научиться, какъ только въ борьбѣ съ суровыми силами дѣйствительности. Посадите какого-нибудь добраго сэра Кристофера среди развалившейся кучи почернѣлыхъ камней, глупыхъ, несочувствующихъ архитектурѣ епископовъ, педантовъ-чиновниковъ и вялыхъ поборниковъ вѣры и посмотрите создастъ ли онъ когда-нибудь при такихъ условіяхъ соборъ Св. Павла! Грубыми, неотесанными, неподатливыми оказываются и вещи и люди, начиная съ мятежныхъ каменщиковъ и ирландцевъ-подносчиковъ, кончая инертными поборниками

вѣры, педантичными чиновниками, глупыми, не сочувствующими архитектурѣ епископами. Все это существуетъ на свѣтѣ не ради сэра Кристофера, а само для себя. Кристоферу нужно всѣхъ побѣдить, всѣхъ пересилить, если только онъ на это способенъ. Всѣ эти условія противъ него. Даже всегда справедливая природа и та лишь отчасти за него, и грозитъ стать и вовсе противъ него, если ему не удастся ее покорить! Даже денегъ достать неоткуда! Благочестивая щедрость Англіи разсѣяна по странѣ, далека, неспособна заговорить и сказать: «Я тутъ», ее надо прежде окликнуть, и тогда только она отзовется. Благочестивая щедрость и вялая готовность помочь такъ тиха и невидима, какъ боги, а затрудненія и многочисленныя препятствія говорятъ такъ громко и стоятъ такъ близко! О, бодрый сэръ Кристоферъ, надѣйся тѣмъ не менѣе на первыхъ и выступи противъ всѣхъ остальныхъ. Покори и побѣди ихъ трудомъ, терпѣніемъ,

умѣніемъ, выдержкой и силой, и установи, наконецъ, побѣдоносно послѣдній ключъ въ сводѣ купола Собора Св. Петра, твоего памятника на многія столѣтія!

Да, помощь всякаго рода и благочестивый откликъ людей и природы всегда безмолвны и не могутъ заговорить или выйти на свѣтъ Божій, пока съ ними не заговорятъ. Всякое благородное дѣло вначалѣ «невозможно». На самомъ дѣлѣ возможность осуществить такое дѣло всегда есть, но ее нужно отыскать въ Неизмѣримомъ пространствѣ, а это доступно одной только вѣрѣ. Подобно Гедеону ты долженъ разложить свое руно у входа въ свой шатеръ, чтобъ узнать не найдется ли подъ обширнымъ небеснымъ сводомъ немного благодатной росы. Твое сердце и твоя жизненная цѣль должны походить на чудесное руно Гедеона, распростертое съ безмолвной мольбой къ небу, и изъ безконечности на тебя низойдетъ благословенная, удовлетворяющая тебя роса.

Всякій трудъ человѣка похожъ на работу пловца. Необозримый Океанъ грозитъ поглотить его, и если пловецъ не будетъ мужественно бороться, Океанъ сдержитъ свое слово. Но человѣкъ безпрерывно и разумно противится волнамъ, мужественно борется съ ними, и послушно несетъ его море и побѣдителемъ доставляетъ къ цѣли. «Точно также», говоритъ Гете, «обстоитъ дѣло со всѣмъ, за что берется человѣкъ въ этомъ мірѣ».

Отважный мореплаватель, сѣверный морской властелинъ,—Колумбъ, мой герой, самый царственный изъ повелителей моря! Не радостная окружаетъ тебя обстановка здѣсь на чудовищныхъ, глубокихъ волнахъ. Вокругъ тебя мятежные, малодушные люди, позади тебя гибель и позоръ, нередъ тобой повидимому непроницаемый мракъ ночи. Братъ, эти дикія водныя горы съ безконечно-глубокимъ основаніемъ не ради тебя одного очутились здѣсь. На мой взглядъ у нихъ много своего дѣла, и не заботятся онѣ о томъ, чтобъ нести тебя впередъ; а ревущіе вѣтры, пляшущіе гигантскій вальсъ сквозь царство хаоса и безконечности, не думаютъ о томъ, какъ надуваютъ они маленькіе паруса твоего корабля, не больше

орѣховой скорлупы въ ихъ глазахъ; ты не стоишь среди членораздѣльно разговаривающихъ друзей, братъ мой; ты окруженъ неизмѣримыми, безмолвными, дикими, ревущими, обгоняющими другъ друга чудовищами. Глубоко въ нѣдрахъ ихъ скрыта одному твоему сердцу лишь видимая помощь тебѣ; постарайся добыть ее. Терпѣливо обождешь ты, пока безумный юго-западный штормъ пронесется, ловко пользуясь своими знаньями ты спасешься, и смѣло, рѣшительно пустишься впередъ, когда подуетъ благопріятный восточный вѣтеръ—олицетвореніе Возможности. Ты сумѣешь строго обуздать мятежъ экипажа; ты весело ободришь малодушныхъ, впавшихъ въ унынie; но жалобы, неразумныя рѣчи, утомленье, слабость и другихъ и свою собственную ты спокойно оставишь безъ вниманія. Въ тебѣ должна найтись, въ тебѣ найдется сила молчанія, глубокаго, какъ море,—молчанія безграничнаго, извѣстнаго одному только Богу. Ты станешь великимъ человѣкомъ. Да, мой міровой боецъ, ты долженъ стать *выше* этого шумнаго, безконечнаго міра, окружающаго тебя. Сильной душой, какъ руками борца, охватишь ты міръ, и заставишь его нести тебя дальше—къ новымъ Америкамъ,—или куда еще захочетъ Богъ!

VI Въ сущности говоря, всякій истинный трудъ—религія, и всякая религія, которая не является трудомъ, можетъ нравиться браминамъ, пляшущимъ дервишамъ, кому угодно, только не мнѣ. Я преклоняюсь передъ изреченіемъ древнихъ монаховъ: Laborare est orare, трудиться значитъ молиться.

Старше всѣхъ проповѣдуемыхъ Евангелій было Евангеліе непроповѣдуемое, невысказанное и тѣмъ не менѣе неискоренимое, вѣчно живущее, гласящее: Трудись и въ трудѣ находи благоденствіе. Человѣкъ, сынъ земли и неба, развѣ въ глубинѣ сердца твоего не скрытъ духъ бодрящей дѣятельности, сила, призывающая къ труду, воспламеняющая тлѣющій огонь, не дающая тебѣ покоя, пока ты не развернешься, пока ты не дашь силѣ той воплотиться въ добрыхъ дѣлахъ! Что несистематично и неясно, то ты приведешь въ порядокъ и обработаешь, заставишь повиноваться тебѣ и нести плоды. Всюду, гдѣ царитъ безпорядокъ, ты долженъ выступить въ качествѣ непримиримаго врага. Подави безпорядокъ; водвори порядокъ, покорный не хаосу, а Разуму, Божеству! Если на пути твоемъ растетъ репейникъ, выкопай его, чтобъ на его мѣстѣ могла вырости полезная травка. Попадется тебѣ неупотребленный досель кусокъ хлопчатника, собери его бѣлый пухъ, начни прясть и ткать его, чтобъ вмѣсто безполезной соломы получить хорошую ткань и прикрыть ею нагое тѣло человѣка.

Но первымъ дѣломъ, какъ только столкнешься ты съ невѣжествомъ, глупостью и грубостью, нападай на нихъ неустанно, не знай отдыха, пока ты живъ, и, благословясь, наноси имъ ударъ за ударомъ. Всевышній Богъ явственно повелѣваетъ тебѣ такъ поступать, если есть у тебя уши, чтобъ слышать. Но то же самое повелѣваетъ Онъ тебѣ и своимъ неизреченнымъ голосомъ, болѣе внушительнымъ, чѣмъ громъ Синая или ревъ бури; развѣ ничего не говоритъ тебѣ *молчаніе* глубокой вѣчности, міровъ, лежащихъ по ту сторону утренней звѣзды? Еще не родившіяся столѣтія, старыя гробницы съ истлѣвшимъ въ нихъ прахомъ, даже давно засохшія слезы, когда-то орошавшія его,—не говорятъ они тебѣ развѣ того, чего не слыхало еще ни одно ухо? Глубокое царство смерти, звѣзды, никогда не останавливающіяся на своемъ пути, и пространство, и время, все возвѣщаетъ тебѣ непрестанно и безмолвно: трудись, пока день, потому что настанетъ ночь, когда никто не сумѣетъ дѣйствовать.

Всякій истинный трудъ святъ; въ каждой истинной работѣ, хотя бы то было просто рукодѣліе, есть что-то божественное. Трудъ широкій, какъ

земля, упирается вершиною въ небо. Трудъ въ потѣ лица, въ которомъ принимаютъ участіе и мозгъ, и сердце, трудъ, породившій вычисленія Кеплера, разсужденія Ньютона, всѣ знанія, всѣ героическія поэмы, всѣ совершенные на дѣлѣ подвиги, всѣ страданія мучениковъ, до «кроваваго пота смертнаго страха», признаннаго всѣми божественнымъ, о братья! если это не — молитва, тогда молитву надо пожалѣть, потому что это — самое высокое, что до сихъ поръ извѣстно намъ подъ Божьимъ небомъ.

Что ты такое, что ты жалуешься на избытокъ труда и работы въ жизни? Не жалуйся. Взгляни вверхъ, усталый братъ мой. Ты увидишь тамъ, въ Божьей вѣчности, своихъ сотрудниковъ. Они еще живы, они одни еще продолжаютъ жить,—святая толпа безсмертныхъ, небесные тѣлохранители царства человѣчества. Даже въ слабой людской памяти долго живутъ они, какъ святые, какъ герои, какъ боги! Одни они переживаютъ, одни они населяютъ неизмѣримую пустыню временъ! Небо, хоть и сурово, но не безъ милости по отношенію къ тебѣ. Небо благосклонно къ тебѣ, какъ благородная мать, какъ та спартанка, что говорила сыну, подавая ему щитъ: «съ нимъ, сынъ мой, или на немъ»! Такъ и ты долженъ съ честью вернуться домой; такъ и ты — не сомнѣвайся въ томъ,—съ честью появишься въ своей далекой отчизнѣ, если ты въ бою сохранишь свой щитъ! Въ вѣчности, въ глубокомъ царствѣ смертныхъ ты не будешь чужимъ, ты всюду явишься полноправнымъ гражданиномъ! Не жалуйся; даже спартанцы не жаловались.

А ты кто, что ты позволяешь себѣ хвастаться своей праздной жизнью и самодовольно выставляешь напоказъ блестящіе, позолоченные экипажи съ мягкими подушками, гдѣ ты сидишь, сложа руки, словно собираясь уснуть? Взгляни наверхъ, внизъ, вокругъ, впереди и позади себя, не увидишь ли ты гдѣ-нибудь хотъ единаго празднаго героя, свѣтлаго, Бога или хотя бы чорта? Ничего этого ты не увидишь! На небѣ, на землѣ, въ водѣ и подъ землей нѣтъ ничего, похожаго на тебя. Ты единый въ своемъ родѣ изъ всѣхъ твореній и принадлежишь ты нынѣшнему необычайному вѣку или пятидесятилѣтію! На свѣтѣ существуетъ лишь одно чудовище, и это—праздный человѣкъ. Въ чемъ его вѣра? Что природа—созданіе мечтателей; что хитрый попрошайка и воръ можетъ иногда хорошо прокормиться; что Богъ—ложь, и что человѣкъ и жизнь человѣческая тоже лишь ложь.—Ахъ, кто изъ насъ можетъ сказать: Я поработалъ? Прилежнѣйшіе изъ насъ лишь безполезные слуги, и чѣмъ они прилежнѣй, тѣмъ больше сознаютъ они это. Самые старательные люди вправѣ сказать: «Часть жизни своей потратилъ я зря». Тотъ же, кто, за исключеніемъ «оффиціальныхъ случаевъ», не имѣетъ другого дѣла, какъ только то, чтобъ граціозно или неграціозно предаваться бездѣлью и порождать сыновей, столь же праздныхъ, что долженъ такой человѣкъ сказать о себѣ, если онъ хочетъ быть справедливымъ!

Что касается вознагражденія за трудъ, то можно бы многое сказать по этому поводу, и многое еще скажутъ, многое еще напишутъ объ этомъ.

«Честная поденная плата за честный поденный трудъ», вотъ минимальное требованіе людей! Денежное вознагражденіе «такихъ размѣровъ,

чтобъ работникъ могъ жить и дальше работать», также необходимо для благороднѣйшаго изъ тружениковъ, какъ и для ничтожнѣйшаго, если вы хотите, чтобъ онъ остался въ живыхъ!

Мнѣ хочется сдѣлать только одно замѣчаніе по отношенію къ первому классу, благородному и самому благородному, бросающему свѣтъ и на другіе классы и на улаженье этого затруднительнаго вопроса о вознагражденіи: награда за всякое благородное дѣло дается на небѣ, либо нигдѣ. Ни въ какомъ банкѣ на свѣтѣ тебѣ, героическая душа, не учтутъ твоего векселя. Людьми созданные банки не знаютъ тебя или узнаютъ лишь когда пройдутъ вѣка и поколѣнія, и тебя уже не сумѣетъ достигнуть людская награда.

Но нужна ли тебѣ, собственно говоря, награда? Развѣ ты стремился къ тому, чтобъ за свой героизмъ набить себѣ брюхо лакомыми кусками, вести пышную, комфортабельную жизнь и достичь въ семъ мірѣ или въ иномъ того, что люди называютъ «счастьемъ»? Я за тебя отвѣчаю съ увѣренностью: нѣтъ. Вся духовная тайна новой эпохи въ томъ и заключается, что ты со спокойной головой отъ всего сердца можешь за себя рѣшительно отвѣтить: нѣтъ!

Братъ мой, мужественный человѣкъ долженъ подарить свою жизнь. Подари ее, совѣтую тебѣ; или ты ждешь случая приличнымъ образомъ ее *продать*? Какая же цѣна, примѣрно, удовлетворила бы тебя? Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ, все пространство во вселенной, вся вѣчность временъ и все, что въ нихъ есть, — вотъ что ты бы потребовалъ, и на меньшемъ ты бы не помирился, въ этомъ ты долженъ сознаться, если хочешь быть правдивымъ. Твоя жизнь—все для тебя,—и взамѣнъ ея ты пожелалъ бы себѣ—все. Ты—неразумный смертный, или вѣрнѣе, ты—бѣдный одаренный вѣчной жизнью смертный, и въ тѣсной темницѣ міра ты *кажешься* неразумнымъ. Никогда ты жизнь свою или хоть часть своей жизни не продашь за надлежащую цѣну. Подари же ее по-царски; пусть цѣной ея будетъ—ничто. Тогда окажется, что ты въ извѣстномъ смыслѣ получилъ за нее все! Человѣкъ съ героической душей—а развѣ, благодаренье Богу, не всякій человѣкъ—дремлющій герой? — долженъ такъ поступить въ любое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ самыя героическія времена, какъ и въ самыя негероическія, человѣкъ долженъ сказать, какъ сказалъ Бернсъ про свои маленькія шотландскія пѣсни, крошечныя капельки небесной мелодіи въ такое время, когда было столько немелодичнаго на свѣтѣ, гордо и въ то же время смиренно: «Клянусь небомъ, либо они безцѣнны, либо ничего не стоятъ; мнѣ вашихъ денегъ за нихъ не нужно!» Такое отношеніе должно оказать огромное вліяніе на урегулированіе вопроса о вознагражденіи за трудъ.

Въ сущности говоря, мы совершенно согласны съ старинными монахами: Трудиться значитъ молиться, Laborare est orare. Во многихъ отношеніяхъ истинный трудъ на дѣлѣ оказывается настоящей молитвой. Тотъ, кто работаетъ, въ чемъ бы работа его ни состояла, придаетъ форму невидимымъ вещамъ, воплощаетъ ихъ, и каждый работникъ—маленькій поэтъ. Его идея, хотя бы то была только идея для изготовленія глиняной тарелки, не говоря уже для созданія эпическаго стихотворенія, видима пока только ему одному, и то лишь наполовину. Для всѣхъ другихъ она — нѣчто невиданное и невозможное; даже для самой природы это—нѣчто невиданное досель, вещь, которая до сихъ поръ еще не была—по всей вѣроятности вещь «невозможная», потому что до сего времени она была—Ничто! Невидимыя силы имѣли поводъ охранять такого человѣка, потому что онъ творитъ въ Невидимомъ и для него. Да, если взоры человѣка будутъ направлены лишь на видимыя силы, тогда уже

лучше ему отказаться отъ исполненья своей задачи. Изъ того Ничто, надъ которымъ онъ работалъ, никогда не выйдетъ ничего хорошаго, ничего, кромѣ обмана, кромѣ чего-то притворнаго, чего лучше и не создавать.

Если ты намѣренъ написать стихотвореніе, поэтъ, и при этомъ ничего не имѣлъ въ виду, кромѣ рецензентовъ, гонорара, книгоиздателя и популярности, то у тебя ничего не выйдетъ, потому что въ твоемъ твореніи нѣтъ правды! Хотя бы оно было напечатано, прошло черезъ массу рецензій, заслужило похвалу, продано въ двадцати изданіяхъ,—что съ того? Твое произведеніе, на философскомъ и на коммерческомъ языкѣ, все еще Ничто, всего чаще лишь призракъ, обманъ зрѣнія; благодѣтельное забвеніе безостановочно грызетъ его, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока хаосъ, создавшій его, не поглотитъ его снова.

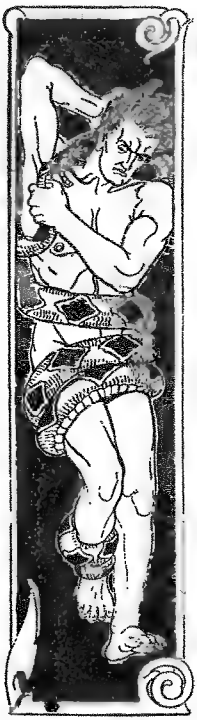
Тотъ, кто не сдружился съ невидимымъ и съ молчаніемъ, никогда не создастъ видимаго и говорящаго. Ты долженъ спуститься къ *матерямъ*, къ *тѣнямъ усопшихъ*, и какъ *Геркулесъ* терпѣть и трудиться, если ты хочешь побѣдоносно вернуться къ солнечному сіянію.

Какъ въ бою, въ сраженіи—потому что это дѣйствительно бой—долженъ ты презрѣть и страданья, и смерть; радостные голоса изъ утопическихъ странъ изобилія, какъ ревъ жаднаго Ахерона, должны умолкнуть подъ твоими побѣдоносными шагами. Твоя работа должна, какъ трудъ Данте, «заставить тебя похудѣть на многіе годы». Свѣтъ и его награда, его приговоръ, совѣты, поддержка, препятствія, должны быть, какъ дикій морской приливъ, хаосъ, по которому тебѣ приходится плавать и плыть на парусахъ. Не дикія волны и ихъ смѣшанные съ морской травой теченія должны указывать тебѣ путь, а одна лишь звѣзда твоя должна руководить тобой, — «Se tu segui tua stella!» Одной лишь звѣздѣ своей, то ярко сіяющей надъ хаосомъ, то на мигъ угасающей или зловѣще темнѣющей, одной ей долженъ ты постараться слѣдовать. Нелегкая, я думаю, задача такимъ образомъ прокладывать себѣ путь сквозь хаосъ и адскую тьму! Зеленоглазые драконы подстерегаютъ тебя, трехъ-главые Церберы—не безъ своего рода сочувствія! «Eccoui l'uom ché'stato all'Inferno». Вѣдь въ сущности говоря, какъ сказалъ поэтъ Дрэйденъ, ты дѣйствительно, идешь всю дорогу рука объ руку съ чистѣйшимъ безуміемъ, котораго никакъ нельзя назвать пріятнымъ спутникомъ! Пристально вглядываешься ты въ безуміе, въ его неизслѣдованное, безграничное, бездонное, мракомъ ночи окутанное царство, и стараешься извлечь изъ него новую премудрость, какъ Евридика изъ преисподней. Чѣмъ выше премудрость, тѣмъ тѣснѣе ея близость, ея родство съ чистымъ безуміемъ. Это вѣрно въ буквальномъ смыслѣ слова; въ нѣмомъ удивленіи и страхѣ придешь ты къ заключенію, что высшая премудрость, пробираясь на свѣтъ Божій, часто приноситъ съ собой приставшіе къ ней остатки безумія.

Всѣ творенья, каждое въ своемъ родѣ—превращенье безумія въ нѣчто осмысленное; это, несомнѣнно, религіозное дѣло, немыслимое безъ участія религіи. Иначе ты не создалъ творенья, а лишь заботился о томъ, что пріятно для глазъ, лишь жадно гонялся за наградой, за быстрѣйшей выдѣлкой мнимыхъ цѣнностей, съ цѣлью получить вознагражденіе. Вмѣсто хорошихъ поярковыхъ шляпъ, которыми можно было бы прикрыть голову, ты создалъ лишь большія изъ дерева и гипса изготовленныя шляпы для рекламы, какъ тѣ, что развозятъ по улицамъ на колесахъ. Вмѣсто земного и небеснаго руководства для душъ людей, ты занимаешься преніями о черныхъ или бѣлыхъ стихаряхъ; передъ тобой чучела папъ изъ голоса и кожи, земные законодатели, «организующіе трудъ», вырабатывая

законъ о хлѣбѣ. Измученная земля полна такихъ явленій до того, что готова взорваться. Все это показное, все гладко, чтобы не оскорбить ни чувства, ни зрѣнія, но тѣмъ не менѣе все это достойно проклятія, гибельно для тѣла и души. Ни одинъ человѣкъ никогда не творилъ иначе, какъ благочестиво, ни одинъ, не исключая бѣднаго ремесленника, ткача, соткавшаго твое платье, сапожника, тачавшаго твои сапоги. Всѣ люди, если они работаютъ не такъ, какъ на глазахъ у великаго надзирателя, работаютъ неправильно и на свое собственное и чужое несчастье.

VII. «Трудиться значитъ молиться»; въ этихъ словахъ скрытъ высокій смыслъ, при теперешнемъ положеніи молитвы и всякаго поклоненія понятный лишь немногимъ; но кто понимаетъ ихъ истинное значенье, тому понятно *пророчество* относительно всего будущаго; послѣднее Евангеліе, заключающее въ себѣ всѣ остальныя. Его Соборъ—куполъ неизмѣримаго—видалъ ли ты его? Его кровля—млечный путь, подъ ногами у него—зеленая мозаика луговъ и морей; алтаремъ ему служитъ звѣздный тронъ Вѣчнаго! Его молебны и псалмы — великія дѣла, героическіе поступки и муки и искреннія отъ всего сердца идущія рѣчи смѣлыхъ сыновъ человѣческихъ. Хоровыя пѣсни поютъ старые вѣтры и океаны и низкія, неясныя но краснорѣчивые голоса судьбы и исторіи.



VIII. Трудъ—призваніе человѣка на землѣ. Обстоятельства такъ складываются, что настанетъ день, когда человѣку, не имѣющему работы, будетъ невозможно показаться въ предѣлахъ нашей солнечной системы и ему придется искать другую, лѣнивую планету.

IX. Задача человѣка на землѣ, назначенье всякаго отдѣльнаго человѣка—быть поперемѣнно то ученикомъ, то работникомъ, или, вѣрнѣе, быть одновременно ученикомъ, учителемъ и изслѣдователемъ. Отъ природы одаренъ человѣкъ силой не только учить и подражать, но и силой дѣйствовать и познавать себя. Развѣ міръ, въ которомъ мы живемъ, не безконеченъ, и развѣ мы не видимъ, что самыя близкія другъ отъ друга зависящія отношенія постоянно измѣняются послѣдними открытіями соотношеній между предметами? Еслибъ когда-нибудь удалось превратить человѣка въ простого ученика, такъ что ему ничего не оставалось бы изслѣдовать и исправлять; еслибъ когда-нибудь можно было установить теорію мірозданія, окончательную и совершенную, которую оставалось бы только выучить наизусть, тогда человѣкъ былъ бы духовно мертвымъ, тогда родъ людской пересталъ бы существовать.

X. Сколько правды въ старинной баснѣ о сфинксѣ, что лежалъ на на большой дорогѣ, задавалъ путникамъ загадку и разрывалъ ихъ на части, если они не могли ее рѣшить.

Такимъ сфинксомъ является наша жизнь для всѣхъ людей, для всѣхъ обществъ людскихъ. Природа какъ сфинксъ, божественна, мила и нѣжна. У нея лицо и грудь богини, но въ то же время когти и тѣло львицы. Въ ней что-то небесно-прекрасное—порядокъ и разумъ,—и черная роковая жестокость—порожденіе ада. Она—богиня, но богиня лишь наполовину освобожденная изъ темницы, наполовину еще заточенная въ тюрьмѣ,—отчетливое, милое переплетено еще съ невысказаннымъ, хаотическимъ.

Какъ это мрачно! И развѣ не оставитъ намъ жизнь загадки? Каж-

даго человѣка она ежедневно вопрошаетъ ласковымъ тономъ, но страшно многозначительно: Знаешь ли ты значенье сегодняшняго дня? Стараешься ли ты разумно сдѣлать то, что ты въ состояніи сдѣлать сегодня?

Природа, вселенная, судьба, существованіе или какъ вы тамъ называете неизъяснимую дѣйствительность, среди которой живемъ мы и боремся, развѣ не представляется она, какъ божественная невѣста или какъ кладъ человѣку мудрому и храброму, способному понять и исполнить ея законы, и какъ уничтожающій демонъ для тѣхъ, кто на это не способенъ?

Разрѣши ея загадку и будетъ благо тебѣ. Не разрѣши ее, пройди мимо, оставивъ ее безъ вниманья, и она сама отвѣтитъ тебѣ на свой

вопросъ, но отвѣтитъ зубами и когтями, потому что природа — нѣмая львица и яростно растерзаетъ тебя, не внемля твоимъ мольбамъ.

Ты уже не побѣдоносный женихъ ея, а разбитая жертва закланія, какъ это неминуемо и должно случиться съ уличеннымъ въ измѣнѣ рабомъ.

Съ народами дѣло обстоитъ точно также, какъ съ отдѣльными лицами. Сумѣютъ ли они разрѣшить предложенную имъ загадку или нѣтъ?

Въ этомъ, въ сущности, секретъ всѣхъ несчастныхъ людей, всѣхъ несчастныхъ народовъ. Они забыли настоящую, внутреннюю правду, промѣняли ее на внѣшній блескъ. Они *невѣрно* отвѣчаютъ на вопросъ сфинкса. Неразумные люди не могутъ правильно рѣшить его вопроса! Неразумные люди принимаютъ внѣшній, преходящій успѣхъ за вѣчныя дѣла, и запутываются все больше и больше.

Глупые люди полагаютъ что разъ наказанье за злое дѣло не послѣдовало тотчасъ же, то здѣсь на свѣтѣ нѣтъ справедливости, а если есть, то лишь случайная. Наказанье за злое дѣло задерживается иногда на нѣсколько дней, иногда на нѣсколько столѣтій, но оно также вѣрно, какъ жизнь, также неминуемо, какъ смерть! Въ центрѣ мирового водоворота все еще живетъ и говоритъ Богъ, Богъ истинный, какъ въ древнія времена. Великая душа міра *справедлива*.

XI. Въ произнесенномъ словѣ, въ написанномъ стихотвореніи сказывается, говорятъ, квинтэссенція человѣка; тѣмъ болѣе это вѣрно про сдѣланную работу. Вся нравственность человѣка, его умъ, терпѣніе, выдержка порядочность, система, проницательность, геніальность, энергія,—однимъ словомъ, всѣ силы, которыми обладаетъ человѣкъ, все написано въ выполненной имъ работѣ. Работать значитъ испытать свои силы въ борьбѣ съ природой и ея никогда не обманывающими законами; они-то вынесутъ человѣку правильный приговоръ. Столько-то добродѣлей и способностей нашли мы въ немъ, столько-то—и больше ни одной! Столько-то способности было у него согласоваться со мной и съ моими неизмѣнными, вѣчно-истинными законами, работать и трудиться сообразно съ ними, какъ я ему приказывала, и ему это удалось, или не удалось, какъ вы видите!

Дѣятельность въ соотвѣтствіи съ требованіями великой природы—развѣ это не добродѣтель во всѣхъ отношеніяхъ? Хлопчатую бумагу можно прясть и продавать; можно достать рабочихъ, чтобъ прясть ее и наконецъ, можно продавать сотканную матерію, слѣдуя въ этомъ дѣлѣ предписаніямъ природы. Если не слѣдовать предписаніямъ природы, то и ткани не получите; если же вы ея не получите, если не будетъ въ продажѣ бумажныхъ матерій, то природа уличитъ васъ въ безсиліи, сила ваша—не сила, вашъ трудъ—безплоденъ!

Уважай способность до тѣхъ поръ, пока она дѣлаетъ честь человѣку. Я всегда уважаю человѣка, которому удается его трудъ.

XII. Воистину, въ семъ мірѣ нѣтъ ничего мертваго; то, что мы называемъ мертвымъ на самомъ дѣлѣ лишь измѣнено, силы его дѣйствуютъ лишь инымъ образомъ, «Листъ, гніющій на сыромъ вѣтру», какъ кто-то выразился: «имѣетъ еще силу: иначе какъ могъ бы онъ гнить? Весь міръ нашъ-безконечно сложное, запутанное соединеніе силъ, разнообразнѣйшихъ силъ, начиная съ силы тяготѣнія и кончая мыслью и волей; въ свободѣ человѣка, въ непреложности законовъ природы, во всемъ мірѣ ничто не дремлетъ ни на одно мгновенье; все бодрствуетъ и дѣятельно творитъ. Нигдѣ ты не увидишь предмета въ одиночномъ бездѣйствіи, начиная съ медленно распадающихся со временъ сотворенія міра гранитныхъ горъ, вплоть до разсѣивающагося дыма, до живого человѣка; вплоть до поступка, до слова человѣка. Мы знаемъ, что сказаннаго не вернешь; тѣмъ болѣе не вернешь ты сдѣланнаго. «Сами боги», говоритъ Пиндаръ, «не могутъ уничтожить содѣяннаго поступка». Да, что случилось разъ, то случилось навѣкъ, то ввергнуто въ безконечное время, и остается ли оно надолго видимымъ для насъ или быстро отъ насъ исчезаетъ, вѣчно дѣйствуетъ и растетъ, какъ неразрушимый, новый элементъ въ безпредѣльности вещей. Да и что такое представляетъ собою эта безпредѣльность вещей, которую мы называемъ вселенной, если не дѣяніе, совокупность поступковъ и дѣйствій? Живая, готовая сумма, которой никто не въ состояніи вычислить состоитъ изъ трехъ слагаемыхъ, явныхъ для всѣхъ: все, что случилось, все, что случается и все, что случится въ будущемъ. Пойми это, какъ слѣдуетъ: все, что ты видишь, результатъ поступка, слѣдствіе и выраженье напряженія силы; совокупность вещей это безконечное спряженіе глагола творить. Безбрежное море силъ, власти творческой, гдѣ силы трепещутъ и кружатся, подымаясь дружными теченіями, широкими, какъ неизмѣримость, глубокими, какъ вѣчность, прекрасными и страшными и непонятными: вотъ, что человѣкъ называетъ жизнью и міромъ; окрашенная въ тысячу цвѣтовъ огненная картина, одновременно скрывающая отъ глазъ нашихъ явленія и обнаруживающая ихъ, отраженіе—едва уловимое жалкимъ мозгомъ и сердцемъ человѣка,—Неизрѣченнаго, живущаго въ свѣтѣ, когда кругомъ царитъ тьма, сквозь которую никто не можетъ къ Нему пробраться—вотъ жизнь и міръ. Выше блестящаго звѣзднаго пути, раньше начала временъ трепещутъ творческія силы *вокругъ тебя*, да и ты принадлежишь къ числу ихъ на томъ мѣстѣ, на которомъ сейчасъ стоишь, въ тотъ самый моментъ, который ты сейчасъ видишь на часахъ своихъ.

XIII. Сильный человѣкъ всегда найдетъ себѣ *дѣло*, то есть трудности, страданія въ той мѣрѣ, какая только ему по силамъ.

XIV. Талантливый человѣкъ въ какой бы періодъ исторіи онъ ни родился, всегда найдетъ довольно работы; никогда не можетъ онъ вступить въ жизнь при такихъ обстоятельствахъ, чтобы не было противорѣчій, нуждающихся въ примиреніи, чтобы не было трудностей, на преодолѣніе коихъ потребуются его силы, если только силы этой, вообще,

достаточно. Вездѣ душа человѣческая находится между полушаріемъ мрака, на границѣ двухъ враждующихъ царствъ: необходимости и свободной воли.

XV. Положенье, не имѣющее своего идеала, своей обязанности, никогда еще не было занято ни однимъ человѣкомъ. Да, въ этой бѣдной, жалкой, презрѣнной дѣйствительности, въ которой ты сейчасъ живешь, заключенъ идеалъ твой, здѣсь или нигдѣ. Отсюда стремились къ нему, надѣйся, живи и будь свободенъ. Глупецъ! Идеалъ твой лежитъ въ тебѣ самомъ, препятствія къ нему скрыты тоже въ тебѣ самомъ. Твое состояніе лишь матерьялъ, изъ котораго ты долженъ образовать, сформировать этотъ идеалъ.

XVI. А вы, работники, уже стоящіе на работѣ, взрослые люди, благородные, достойные уваженья, васъ призываетъ свѣтъ къ новому труду, къ новымъ благороднымъ поступкамъ. Побѣдите бунтъ, расколъ, широко распространенное отчаяніе своимъ мужествомъ, справедливостью, мягкостью и мудростью. Хаосъ теменъ и глубокъ, какъ адъ; заставьте возсіять свѣтъ, и мы увидимъ вмѣсто ада зеленый цвѣтущій міръ. Нѣтъ ничего болѣе великаго, какъ заставить какой-нибудь уголокъ Божьихъ созданій стать плодороднѣе, лучше, достойнѣе Бога, заставить сердца человѣческія стать немного умнѣе, мужественнѣе, счастливѣе, благосклоннѣе. Эта задача достойна какого-нибудь бога. Черный адъ мятежа, варварства, отчаянія можетъ быть превращенъ людскими усиліями въ своего рода небо, очищенное отъ копоти, отъ мятежа и отъ потребности въ бунтѣ. Вѣчная дуга небесной лазури подымается и надъ ними и надъ ихъ хитрыми махинаціями, какъ надъ порожденіемъ неба, и Богъ, и люди спокойно смотрятъ на это.

XVII. Я уважаю людей двухъ категорій и только двухъ. Во первыхъ трудящагося работника, созданными изъ земли орудіями покоряющаго землю, превращая ее въ собственность человѣка. Достойна уваженія грубая, сведенная, мозолистая рука, въ которой тѣмъ не менѣе есть нѣчто царственно-величественное, потому что она держитъ скипетръ нашей планеты. Почтеннымъ нахожу я грубое, загорѣлое лицо работника съ безхитростнымъ умомъ, потому что это лицо человѣка, живущаго такъ, какъ человѣкъ долженъ жить. Да, я тебя еще больше уважаю за грубость твою, именно потому, что намъ приходится и пожалѣть, а не только любить тебя! Тяжело обремененный братъ! Изъ-за насъ такъ гнулась спина твоя, изъ-за насъ твои прямые члены такъ изуродованы. Ты былъ нашимъ рекрутомъ, тебѣ выпалъ жребій и въ то время, какъ ты за насъ воевалъ, ты сдѣлался калѣкой. И въ тебѣ заключался созданный Богомъ образъ, но ему не суждено было развернуться. Трудъ крѣпкой пеленою окуталъ тебя и липнулъ тѣло твое и душу твою свободы. И все же продолжай работать, трудись! Ты исполняешь долгъ свой, хотя бы другіе его и не исполняли; ты трудишься ради необходимаго, ради насущнаго хлѣба.

Другого человѣка уважаю я еще гораздо больше—того, который трудится ради необходимаго душѣ человѣческой, не ради хлѣба насущнаго. И онъ исполняетъ свой долгъ, стремясь къ внутренней гармоніи и содѣйствуя ей словомъ и дѣломъ. Всего выше стоитъ такой человѣкъ, когда его внѣшнія и внутреннія стремленія составляютъ *одно*, когда мы можемъ назвать его артистомъ, не простымъ рабочимъ, а воодушевленнымъ мыслителемъ, небомъ созданными орудіями завоевывающимъ небо! Если бѣдный скромный труженикъ работаетъ, чтобы добыть намъ пищу, то развѣ одаренный умомъ и геніемъ человѣкъ не долженъ трудиться въ свою очередь для него, чтобы дать ему свѣтъ, руководство, свободу и безсмертіе!—Этихъ двухъ людей на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія

уважаю я глубоко. Все другое лишь дымъ и прахъ, и дуновенья вѣтра достаточно, чтобы его не стало. Но несказанно трогательнымъ нахожу я соединеніе этихъ двухъ типовъ въ одномъ лицѣ, когда тотъ, кто наружно долженъ трудиться для удовлетворенія самыхъ низменныхъ человѣческихъ потребностей внутренно работаетъ для самыхъ высокихъ изъ нихъ. Я не знаю ничего въ мірѣ выше святого, обрабатывающаго землю, если такой человѣкъ въ наше время еще можетъ встрѣтиться. Такой человѣкъ вернетъ тебя къ временамъ Назарета. Сіяніе неба подымется передъ тобой изъ глубочайшихъ нѣдръ земли, подобно свѣту, блестящему во мглѣ.

XVIII. Не за тяжелый трудъ жалѣю я бѣдняка. Всѣ мы должны либо трудиться, либо красть (какимъ бы названіемъ мы не прикрывали своей кражи), что гораздо хуже; ни одинъ честно трудящійся человѣкъ не находитъ, что его задача—одно лишь препровожденіе времени. Бѣднякъ голоденъ, ему хочется пить, но и для него найдутся пища и питье; онъ тяжко обремененъ и усталъ, но небо посылаетъ ему сонъ, и даже сонъ глубокій. Въ его закоптѣлой избѣ на него нисходитъ благодатный отдыхъ; сновидѣнія пестрой чередой проносятся передъ нимъ.—Но я жалѣю его за то, что свѣтильникъ духа его угасаетъ, что ни одинъ лучъ небеснаго или хоть земного знанія не доходитъ до него; и лишь въ густой мглѣ, какъ два призрака, живутъ страхъ да дерзость.

Неужели въ то время, какъ тѣло такъ сильно, душа должна быть ослѣплена, искалѣчена, погружена въ опѣпенѣніе? Неужели и это также даръ Божій, удѣленный человѣку еще на небѣ и которому не суждено было на свѣтѣ развиться? Что человѣкъ долженъ умереть въ невѣдѣніи, хотя онъ былъ одаренъ способностью къ познанію, это я называю трагедіей, хотя бы явленіе это и повторялось до двадцати разъ въ минуту, какъ оно и выходитъ по извѣстнымъ вычисленіямъ. Та жалкая частичка знанья, которой добилось соединенное человѣчество, среди цѣлаго моря невѣдѣнія, должна была бы сдѣлаться достояніемъ всѣхъ людей.

XIX. Развѣ сильная правая рука, прилежная и ловкая, недостойна названія «скипетра нашей планеты»? Кто можетъ работать, тотъ прирожденный король, тотъ въ тѣсной связи съ природой, властелинъ, повелитель вещей и въ своей сферѣ жрецъ и царь природы. Кто не можетъ работать, тотъ лишь присваиваетъ себѣ царское достоинство; въ какомъ бы онъ нарядѣ не выступалъ, онъ прирожденный рабъ всѣхъ вещей. Человѣкъ, чти свое ремесло!

XX. Современный эпосъ нужно назвать не «оружіе и человѣкъ», а «орудіе и человѣкъ». Что такое наши орудія, начиная съ молотка и лота и кончая веромъ, если не оружіе, которымъ мы боремся съ безразсудствомъ и съ глупостью, которымъ мы сокрушаемъ не своихъ же собратій, а нашего непримиримаго врага, заставляющаго всѣхъ насъ страдать; это отнынѣ единственная законная война.

XXI. Что касается отдѣльнаго человѣка, то его борьба съ духомъ противорѣчія, живущимъ и внутри и внѣ его, продолжается непрестанно; мы говоримъ про злой духъ, который можно назвать и слабымъ, и жалкимъ духомъ, живущимъ и въ другихъ и въ насъ самихъ. Его движеніе впередъ, какъ и всякая ходьба—по опредѣленію физиковъ—продолжительное *паденіе*.

XXII. Жизнь никогда не была для людей веселымъ праздникомъ. Во всѣ времена тяжелая доля милліоновъ безсловесныхъ людей, рожденныхъ для тяжкихъ трудовъ, была искалѣчена страданіями, несправедливостью, тяжкимъ бременемъ, неминуемымъ и подчасъ произволомъ навязаннымъ. Не забава, а горькая работа наносила раны и мышцамъ, и сердцу.

XXIII. Никогда жизнь человѣческая не была, что люди называютъ

«счастливой»; никогда и не можетъ этого быть. Безпрестанно предавались люди мечтаніямъ о раѣ, о какой-нибудь землѣ преизобилія, гдѣ въ ручьяхъ теченъ вино, а къ деревьямъ привѣшана колбаса да жаркое; но то былъ лишь сонъ, неисполнимый сонъ.

Страданія, противорѣчія и заблужденія поселились надолго, а быть можетъ и на всегда на нашей землѣ. Развѣ трудъ—не удѣлъ человѣка? И какая работа въ настоящее время бываетъ радостна и не сопряжена со страданіемъ? Трудъ и забота являются перерывомъ въ состояніи покоя и комфорта, неразумно представляющимся людямъ, какъ счастье, и тѣмъ не менѣе безъ работы никакой отдыхъ, никакой комфортъ не были бы даже мыслимы.

Такимъ образомъ, зло, или то, что мы называемъ зломъ, должно существовать вѣчно, пока живъ человѣкъ. Зло, въ самомъ широкомъ смыслѣ, какое мы можемъ ему приписать, является тѣмъ темнымъ, запутаннымъ матеріаломъ, изъ коего свободная воля человѣка должна построить зданіе порядка и добра. Вѣчно должна боль понукать насъ къ работѣ, и только въ свободномъ стремленіи къ дѣятельности мы можемъ добиться счастья.

XXIV. Нѣтъ, творчество не можетъ даваться легко. Юпитеръ испытываетъ сильную боль и чувствуетъ, какъ огнемъ охвачена голова его, изъ которой силится выйти вооруженная Аѳина-Паллада. Что касается фабрикаціи, то это конечно дѣло иного рода и оно можетъ быть легкимъ или труднымъ, въ зависимости отъ точки зрѣнія. Но и тутъ наблюдается общая истина, что цѣнность производства состоитъ въ прямой зависимости отъ степени труда, потраченнаго на него.

XXV. Такъ было съ самаго начала, такъ оно и останется до конца. Поколѣніе за поколѣніемъ принимаетъ форму тѣла и выходитъ на свѣтъ Божій изъ темной ночи съ своей небесной миссіей. Всю силу и весь огонь, скрытый въ каждомъ изъ насъ, беретъ себѣ жизнь. Одинъ отдаетъ всѣ свои силы промышленности, другой знанію, третій погибаетъ въ борьбѣ съ братомъ-человѣкомъ, и тогда его, посланца неба, отзываютъ обратно. Его земная оболочка отпадаетъ и превращается въ прахъ. Какъ неистово гремящая, неистово открывающая огонь небесная артиллерія, гремитъ и пылаетъ таинственный родъ людской, появляясь длиннымъ рядомъ отдѣльныхъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ возвышенныхъ личностей изъ неизвѣданной глубины. Подобно созданной Богомъ огнедышащей толпѣ духовъ мы, вынырнувъ изъ моря вѣчности, бурно проносимся надъ удивленной землей и снова погружаемся въ вѣчность. Горные хребты мы сравниваемъ съ землей на пути своемъ, и высушиваемъ моря. Можетъ ли земля, мертвая земля—призракъ—противостоять духамъ, одареннымъ жизнью, духамъ дѣйствительно сущимъ? Самый твердый алмазъ носитъ на себѣ слѣдъ нашихъ шаговъ, и послѣдній аріергардъ нашихъ полчищъ найдетъ слѣды перваго авангарда. Но откуда мы? О, Боже куда мы? Умъ не знаетъ того, вѣра не знаетъ, одно лишь извѣстно, что черезъ тайны проходитъ человѣчество отъ Бога къ Богу.

XXVI. Извѣстное «рыцарство труда», извѣстная благородная гуманность и практическая божественность труда можетъ быть осуществлена еще въ этомъ мірѣ.

Но почему же не сейчасъ? Почему мы возносимъ молитвы къ небу, вмѣсто того, чтобъ самимъ приняться за дѣло? Надо начинать въ настоящее время, если хотятъ, чтобъ въ будущемъ что-нибудь удалось. Ты, пророчествующій, вѣрующій, начни же самъ и исполнять свое пророчество. Протяни руку, прося Божьимъ именемъ; знай, что слово «невозможно» тамъ, гдѣ приказываютъ Истина, Милосердіе и вѣчный голосъ природы,

должно быть вычеркнуто изъ словаря мужественнаго человѣка; что если всѣ отвѣтятъ тебѣ «невозможно», и шумною толпой бросятся въ другую сторону, и ты останешься одинъ? Тогда настанетъ твой часъ, тогда наступитъ возможность для тебя. Тогда очередь за тобой. Тогда примись за дѣло и ни у кого не спрашивай совѣта; слушайся лишь себя да Бога. Братъ, въ тебѣ заключена возможность создать многое, возможность написать исторію героической жизни на скрижаляхъ вѣчнаго неба.

XXVII. Человѣкъ рожденъ, чтобъ бороться, и всего лучше, пожалуй, можно его опредѣлить, какъ прирожденнаго борца; жизнь его—сраженье и маршъ подъ предводительствомъ истиннаго полководца. Человѣку вѣчно приходится бороться, то съ необходимостью, безплодіемъ, нуждой, болотистыми пространствами, непроходимыми лѣсами, нечесаннымъ льномъ или хлопчатой бумагой,—то съ ослѣпленіемъ бѣдныхъ его современниковъ. Обманчивыя видѣнія проносятся передъ взоромъ моего бѣднаго собрата и заставляютъ его предъявлять ко мнѣ требованія, не подобающія ему. Всякая борьба сводится къ столкновенію силъ, изъ коихъ каждая считаетъ себя сильнѣе, иными словами считаетъ, что правда на ея сторонѣ, сводится къ столкновенію правъ. Во время борьбы преходящая часть бойца разсыпается въ прахъ послѣ достаточнаго числа пораженій, и лишь когда этотъ процессъ законченъ, тогда выступаетъ наружу Вѣчное, Истинное, Правильное.

Теперь мы можемъ замѣтить, какъ при этихъ обстоятельствахъ поступитъ благородный, благочестивый рыцарь и какъ выкажетъ себя неблагородный, забывшій Бога вандалъ. Побѣда—цѣль обоихъ, но глубоко въ сердцѣ благороднаго человѣка ясно начертано, что также вѣрно, какъ то, что сотворилъ его Богъ, такъ и Божья справедливость, и она одна, будь она даже совершенно невидима при всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ бояхъ, одержитъ въ концѣ концовъ побѣду, должна ее одержать.

XXVIII. Поле битвы тоже бываетъ велико. Если правильно взглянуть на дѣло, то это своего рода квинтэссенція труда, труда до крайности сконцентрированнаго; значеніе нѣсколькихъ годовъ, собранное въ одинъ единственный часъ. И тутъ ты долженъ быть силенъ, и силенъ не однѣми лишь мышцами, если ты хочешь одержать побѣду. Тутъ тебѣ придется еще быть сильнымъ сердцемъ и благороднымъ душой; ты не долженъ бояться ни страданія, ни смерти; ты не долженъ любить ни покоя, ни жизни; во гнѣвѣ долженъ ты не забывать милосердія и справедливости—ты долженъ быть рыцаремъ, а не дикимъ индѣйцемъ, если ты хочешь, чтобы побѣда была за тобой! Это—законъ всякой борьбы, какъ противъ ослѣпленныхъ людей такъ и борьбы съ нечесаннымъ льномъ и съ чѣмъ бы иным не приходилось бороться человѣку на вѣку своемъ.

XXIX. Чѣмъ бы человѣкъ ни занимался, его работа будетъ тогда лишь хороша, если онъ знаетъ, *когда нужно остановиться*. Иной человѣкъ напрасно изнемогаетъ отъ безпокойства; онъ не можетъ пріобрѣсть надлежащей сноровки; это не мастеръ своего дѣла, а лишь несчастный кропатель, не знающій, когда онъ готовъ. Абсолютное совершенство недостижимо. Ни одному плотнику не удавалось получить математически-правильный уголъ; и тѣмъ не менѣе всѣ плотники знаютъ, когда уголъ готовъ и не теряютъ времени надъ дальнѣйшимъ исправленіемъ его, не стараются сдѣлать уголъ слишкомъ правильнымъ. Кто слишкомъ старается, тотъ также боленъ духомъ, какъ тотъ, кто вовсе не старается. Ловкій человѣкъ, здоровый духомъ, прилагаетъ къ всякому дѣлу ровно столько стараній, сколько оно заслуживаетъ, и потомъ безъ угрызеній совѣсти оставляетъ работу въ покоѣ.

XXX. Развѣ мы не вправѣ сказать и тутъ, какъ вездѣ: довольно,

если каждый день приноситъ съ собой свою собственную муку! Наша задача не въ томъ, чтобъ преобразовать всю будущность; достаточно, если мы преобразуемъ лишь небольшую часть ея въ соотвѣтствіи съ уже извѣстными правилами. Быть можетъ каждый изъ насъ, если отнесется достаточно серьезно къ своей задачѣ, сумѣетъ узнать, какая часть общей работы приходится на его долю. Пусть онъ свою работу дѣлаетъ отъ всего сердца и не останавливаясь. Общій исходъ работы зависитъ, какъ это и было всегда, отъ разума болѣе высокаго, нежели умъ человѣка.

XXXI. Повторимъ слова бѣднаго француза, сказанныя имъ членамъ Конвента «Je demande l'arrestation des coquins et des lâches», но только не на часъ, а на всю жизнь. Арестовать всѣхъ мошенниковъ и трусовъ—задача нелегкая, и не мало пройдетъ времени, пока всѣхъ ихъ цѣликомъ или хоть частью, удастся переловить; но если хоть одинъ попадется вамъ, арестуйте его Бога ради; все хоть однимъ меньше останется на свободѣ.

XXXII. Если ты сталкиваешься съ ложью, истребляй ее. Ложь для того только и существуетъ, чтобъ ее истребляли; неправда искренно ждетъ и требуетъ того, чтобы ее преслѣдовали. Но провѣрь себя хорошенько, чтобъ знать, въ какомъ духѣ ты такъ поступаешь: не изъ ненависти, не изъ себялюбивой, торопливой горячности, а съ чистымъ сердцемъ, со священнымъ рвеніемъ, мягко, почти сострадательно долженъ ты уничтожать зло. Не правда ли, вѣдь ты не хочешь уличенную тобою ложь *замѣнить* другой, неправду замѣнить несправедливостью, исходящей отъ тебя и подающей поводъ къ новой неправдѣ? Тогда конецъ былъ бы хуже начала.

XXXIII. Каждый можетъ и долженъ быть настоящимъ человѣкомъ: т. е. быть чѣмъ-то высокимъ, быть творцомъ великихъ дѣлъ, все равно, какъ одинъ желудь могъ бы покрыть всю землю дубами! Каждый можетъ что-нибудь сдѣлать. Только бы онъ честно трудился, а исходъ можно со спокойнымъ сердцемъ предоставить высшей Силѣ.

XXXIV. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто хочетъ честно трудиться, долженъ глубоко вѣровать. Кто на каждомъ шагу ждетъ одобренія свѣта, кто не можетъ обойтись безъ сочувствія толпы и собственное убѣжденіе приноравливаетъ къ мнѣнію людей, тотъ жалкій слуга внѣшности; какую работу ни дайте ему, онъ всякую плохо исполнитъ. Всякій такой человѣкъ ежедневно содѣйствуетъ общему паденію. Всякая работа, исполненная такимъ образомъ съ точки зрѣнія внѣшняго блеска, только злитъ людей и порождаетъ новыя бѣды.

XXXV. Послушаніе—нашъ общій долгъ и наше назначеніе; кто не можетъ покориться и сгибаться, тотъ будетъ сломленъ. Мы должны во время освоиться съ мыслью, что въ семъ мірѣ *хотѣнье* равно нулю по сравненію съ *долженъ*, и составляетъ лишь небольшую дробь того, что *случается* на дѣлѣ.

XXXVI. Самое непріятное чувство,—это чувство собственнаго безсилія, или, какъ говоритъ Мильтонъ: быть слабымъ, вотъ настоящее несчастье. И все же сила ни въ чемъ иномъ не можетъ себя проявить, какъ лишь въ счастливо доведенной до конца работѣ. Что за разница между колеблющейся способностью и твердымъ, лишеннымъ сомнѣній исполненіемъ плана! Извѣстное смутно выраженное самосознаніе живетъ въ насъ, и только дѣла наши могутъ отчетливо и рѣшительно показать намъ насъ самихъ.

Наши дѣла—зеркало, въ коемъ духъ впервые видитъ свои очертанія. Отсюда и неразумность невозможнаго требованія: познай самого себя, если не перевести его словами: познай, что ты способенъ сдѣлать все хоть отчасти возможное.

XXXVII. Человѣкъ, которому хотѣлось бы работать и который не находитъ себѣ дѣла—самое грустное зрѣлище, доставляемое намъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ счастья на землѣ.

XXXVIII Во всѣхъ дѣтскихъ играхъ. хотя бы при своевольной ломкѣ и порчѣ вещей видно стремленіе къ творчеству. Мальчикъ чувствуетъ, что онъ рожденъ быть человѣкомъ, что его призваніе—трудъ. Ему нельзя сдѣлать лучшаго подарка, какъ дать орудіе въ руки. Будь то ножъ или ружье, средство строить или разрушать—и то и другое—работа, и ведетъ къ измѣненію вещей. Играми, требующими ловкости и силу, мальчикъ, состязаясь съ другими, учится совмѣстной дѣятельности, мирной или воинственной, готовится быть правителемъ, либо управляемымъ.

Не унывать.

I. Маленькая спасательная лодка, называемая землей, съ ея шумнымъ экипажемъ,—родомъ человѣческимъ,—со всей ея безпокойной исторіей исчезнетъ въ одинъ прекрасный день, какъ исчезаетъ облачко съ небесной лазури! Но что такое человѣкъ? Онъ существуетъ лишь часъ и раздавить его не труднѣе, чѣмъ моль. И все же въ жизни и дѣятельности вѣрующаго человѣка лежитъ нѣчто—намъ въ томъ порукой вѣра,—нѣчто такое, что неподвластно разрушительной силѣ времени, что одерживаетъ побѣду надъ временемъ, что есть и будетъ даже тогда, когда уже не будетъ времени.

II. Человѣкъ въ собственномъ сердцѣ своемъ носитъ вѣчное. Стоитъ ему заглянуть въ свое сердце и прочтетъ онъ въ немъ о вѣчности. Онъ

знаетъ самъ, что будетъ долго—вѣчно и что ни въ какомъ случаѣ на долговѣчность разсчитывать не можетъ!

III. Причина людского несчастья лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ его величіи. Въ немъ есть что-то безконечное, чего онъ при всей своей хитрости не можетъ похоронить подъ конечнымъ. Могутъ ли соединенныя усилія всѣхъ министровъ финансовъ современной Европы сдѣлать хоть одного сапожника *счастливымъ*? Они не могутъ этого сдѣлать, а если и могутъ, то только на часъ, потому что и у сапожника есть душа, и требованія ея совсѣмъ иныя, нежели требованія его желудка, душа, для продолжительнаго удовлетворенія и насыщенія коей потребовался бы не больше и не меньше, какъ *Безконечный Божій міръ, отданный ей въ исключительную собственность*, дабы въ немъ безконечно наслаждаться и удовлетворять всякое свое желанье, какъ только оно появится. Не говорите поэтому о цѣлыхъ океанахъ дорогого вина; для сапожника съ вѣчной душой это все равно, что ничего! Не успѣетъ океанъ наполнится, какъ человѣкъ станетъ роптать, что вино могло бы быть еще лучше. Попробуйте подарить человѣку полъ-міра, и вы увидите, что онъ затѣетъ ссору съ владѣльцемъ второй половины, и будетъ утверждать, что его обидѣли.

IV. Всѣ видимые предметы суть эмблемы. То, что ты видишь, не существуетъ само для себя, да и строго говоря оно вовсе и не существуетъ, потому что матерія существуетъ лишь въ зависимости отъ духа и для того, чтобы изобразить идею, *воплотить* ее. Съ этой точки зрѣнія самъ человѣкъ и все его земное существованіе не больше, какъ эмблема, одѣяніе или видимая драпировка для божественнаго *Я*, какъ искра съ неба, брошенная внизъ на землю. Поэтому и про человѣка говорятъ, что тѣло его лишь служитъ ему оболочкой.

V. Человѣкъ «Символъ вѣчности, скованный временемъ», на дѣла твои, которыя всѣ смертны и безконечно малы, изъ коихъ величайшее стоитъ не больше самаго мелкаго, а лишь духъ, въ которомъ ты работаешь, имѣетъ нѣкоторую цѣнность и продолжительность.

VI. Съ душой человѣка происходитъ то же, что было съ природой: начало творчества ея—свѣтъ. Пока глазъ не видитъ, всѣ члены томятся въ неволѣ. Божественный мигъ, когда надъ бурно мечущейся душой, какъ нѣкогда надъ дикимъ хаосомъ раздаются слова: да будетъ свѣтъ! Развѣ для величайшаго изъ людей этотъ моментъ не столь же чудесенъ и божественъ, какъ для простѣйшаго изъ смертныхъ, почувствовавшихъ его.

VII. Люди съ созерцательнымъ направленіемъ ума переживаютъ временами задумчивые, сладкіе и въ то же время полнѣе ужаса часы, когда они съ любопытствомъ и страхомъ ставятъ себѣ неразрѣшенный вопросъ: «Кто я; то существо, которое называетъ себя *Я*?».

Свѣтъ съ его громкимъ шумомъ, съ его дѣлами отступаетъ на задній планъ, и сквозь бумажныя обои и каменныя стѣны, сквозь густую ткань всевозможныхъ отношеній, политики, живыхъ и безжизненныхъ препятствій (общества и тѣла), какими окружено существованіе отдѣльной личности—взоръ проникаетъ въ глубокую бездну, и человѣкъ остается одинъ во вселенной и молча знакомится съ ней, какъ одно таинственное созданіе съ другимъ.

«Кто я; что такое мое *Я*?» Голосъ, движеніе, явленіе; воплощенная, принявшая видимый образъ идея вѣчнаго міроваго духа? Cogito, ergo sum. Ахъ, жалкій мыслитель! Съ этимъ ты далеко не уѣдешь. Правда я есть, и недавно еще меня не было, но откуда я? Какимъ образомъ появился? Куда иду? Отвѣтъ скрытъ въ окружающемъ, написанъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ краскахъ, высказанъ во всѣхъ звукахъ радости и кри-

кахъ скорби, въ разнообразной, тысячеголосой гармоничной природѣ. Но гдѣ тотъ мудрый взоръ, гдѣ тотъ слухъ, который уловитъ значеніе Богомъ написаннаго Апокалипсиса? Мы живемъ точно въ безграничномъ, фантастичномъ гротѣ, и видимъ дивные сны: гротъ безграниченъ, потому что самая тусклая звѣзда, самое отдаленное столѣтіе не приближается къ его окружности. Звуки и пестрыя видѣнія проносятся передъ нами, но Его никогда не дремлющаго, создавшаго и грезы, и того кто грезитъ, мы не видимъ, мы даже не догадываемся о томъ, каковъ онъ, за исключеніемъ рѣдкихъ мгновеній полусознательнаго состоянія. Твореніе лежитъ передъ нами, какъ сіяющая радуга, но солнце, создавшее ее, лежитъ за нами, скрыто отъ насъ. Въ этихъ необычайныхъ снахъ мы гонимся за тѣнями, точно это—существа, и спимъ глубочайшимъ сномъ тогда, когда думаемъ, что окончательно пробудились. Которая изъ нашихъ философскихъ системъ представляетъ собою что-нибудь иное, чѣмъ сонъ, увѣренно сказанное частное, при чемъ дѣлимое и дѣлитель оба неизвѣстны. Что такое всѣ народныя войны, отступленіе изъ Москвы, всѣ кровавыя, исполненныя вражды революціи, если не сомнамбулизмъ безпокойно спящихъ людей? Этотъ сонъ, это хожденіе во снѣ, это то, что мы называемъ жизнью; большинство людей проживаютъ ее, не зная сомнѣнія, какъ будто они въ состояніи отличить правую руку отъ лѣвой, а между тѣмъ лишь тѣ мудры, которые знаютъ, что они ничего не знаютъ.

Какъ жаль, что метафизика до сихъ поръ всегда оставалась столь непродуктивна! Тайна существованія человѣка на землѣ по сегодняшній день еще не разгадана, какъ загадка сфинкса, которой человѣкъ никогда не можетъ правильно рѣшить, почему онъ и долженъ умереть самой ужасной смертью, смертью духовной. Что такое всевозможныя аксіомы да категоріи, системы и афоризмы? Слова, слова! Высокіе воздушные замки хитро воздвигаются изъ словъ, сами слова крѣпко цементируются логикой, но знанія мы такъ и не добиваемся. *Цѣлое больше части*—что за необыкновенная истина! *природа не терпитъ пустоты*—какъ это необыкновенно лживо и что за клевета! Далѣе *Ничто не можетъ вліять иначе, чѣмъ оно вліяетъ тамъ, гдѣ находится*—я охотно съ этимъ соглашусь, но позволю себѣ только вопросъ: гдѣ же оно находится?

Не будь рабомъ словъ. Развѣ далекое, мертвое, если я къ нему стремлюсь, люблю его, скорблю о немъ, не находится тутъ же, въ истинномъ значеніи этого слова? Оно также вѣрно, какъ та земля, на которой я стою. Вотъ это-то *Гдѣ* со своимъ братомъ *Когда* всегда были грунтовымъ цвѣтомъ нашихъ грезъ, вѣрнѣе полотномъ, на которомъ всѣ наши сны, всѣ видѣнія наши были написаны.

И тѣмъ не менѣе зрѣлое размышленіе убѣждаетъ насъ, что столь таинственно связанные съ нашимъ мышленіемъ понятія *Гдѣ* и *Когда*—лишь поверхностные, земные придатки мысли; вѣщимъ окомъ видѣли пророки, какъ они исходили изъ небесныхъ *Вездѣ* и *Всегда*. Развѣ не всѣ націи признали своего Бога вездѣсущимъ и вѣчнымъ, существующимъ во всемірномъ *Здѣсь*, въ вѣчномъ *Теперь*? Обдумай это хорошенько, и ты тоже найдешь, что пространство лишь условное понятіе нашего человѣческаго разума, точно также, какъ время. Мы сами не знаемъ, что мы—искры, плывущія по эоиру Божества.

Быть можетъ эта, столь массивная на видъ земля, на самомъ дѣлѣ лишь воздушная картина, быть можетъ наше *Я*—единственное, дѣйствительно сущее, а природа съ ея различными произведеніями и разрушеніями лишь отраженіе нашей собственной внутренней силы, фантастическая греза или, какъ называетъ это Духъ Земли въ Фаустѣ, «живое одѣяніе Божества».

VIII. Будетъ ли человѣкъ временъ Адама Смита прясть бумагу или строить города и рыть колодцы или, какъ это было при пророкѣ Самуилѣ или во времена Давида, обрабатывать Ханаанскую землю, онъ всегда будетъ человѣкомъ, посланникомъ невидимыхъ силъ, великимъ и побѣдоноснымъ, пока онъ вѣрно служитъ своему призванью; низкимъ, жалкимъ, обманутымъ и, наконецъ, пропащимъ, исчезнувшимъ съ глазъ долой, забытымъ людьми, если онъ окажется нечестнымъ труженикомъ. Братъ мой, ты, я думаю, человѣкъ; ты не простой, строющій боберъ или двуногій бумагопрядильщикъ; ты дѣйствительно обладаешь душой, хотя бы она сейчасъ и находилась въ состояніи смертельнаго обморока! Закоптѣлый Манчестеръ и тотъ построенъ надъ безконечной пропастью; и надъ нимъ простирается твердь небесная; и въ немъ царитъ рожденіе и смерть; и онъ во всѣхъ отношеніяхъ также таинственъ и непостижимъ, какъ старѣйшіе города временъ пророковъ. Ходи или стой въ какое время, на какомъ мѣстѣ тебѣ будетъ угодно, вездѣ ты найдешь неизмѣримости. Вѣчности надъ нами, вокругъ насъ, въ насъ самихъ.

«...Тихо
Покоятся звѣзды вверху
А снизу могилы».

Между этими двумя видами молчанія движется грохотъ нашихъ ткацкихъ станковъ, торговыхъ обществъ, союзовъ и клубовъ. Сама глупость должна была бы здѣсь задержать свой бѣгъ и обдумать это. Истинно говорю тебѣ сквозь всѣ твои кассовыя книги и философіи относительно спроса и предложенія, всѣ грустныя дѣла и хитрыя модныя рѣчи свѣтитъ присутствіе первобытнаго, неизрѣченнаго, и ты былъ бы мудръ, еслибъ призналъ это не одними устами.

IX. Каждый человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое духовное царство, отраженіе вселенной, и, хотя незначительная фигура едва достигаетъ шести футовъ въ вышину, онъ доходитъ вверхъ и внизъ безконечно далеко, расплываясь въ сферахъ неизмѣримости и вѣчности. Жизнь, соткапная на чудесномъ «ткацкомъ станкѣ времени» состоитъ, такъ сказать, изъ цѣпи свѣта перемѣшаннаго съ таинственнымъ мракомъ ночи—только тотъ, кто жизнь создалъ, можетъ это понять.

X. У кого есть глаза и сердце, тотъ и въ настоящее время можетъ сказать: чего мнѣ страшиться? Свѣтъ доходитъ до тѣхъ, кто любитъ свѣтъ, какъ его слѣдуетъ любить, съ самопожертвованіемъ, съ готовностью все переносить. Къ тому же напрасное старанье познать тайну безконечности слѣдуетъ прекратить разъ навсегда. Тайну эту намъ никогда не удастся узнать иначе, какъ читая ее отдѣльными строками то, тутъ, то тамъ. Развѣ намъ не извѣстно уже, что имя Безконечнаго — *Доброта, Богъ*? Здѣсь, на землѣ, мы похожи на воиновъ, воюющихъ въ чужой странѣ; мы не понимаемъ плана кампаніи, да намъ и не нужно его понимать. Мы и такъ знаемъ, что намъ надлежитъ дѣлать. Будемъ же исполнять каждый свою работу, какъ воины, послушно, мужественно, съ героической радостью. «Если есть у тебя работа, исполни ее по мѣрѣ твоихъ силъ». За нами, за каждымъ изъ насъ лежатъ шесть столѣтій людскихъ усилій и побѣдъ; передъ нами безграничное время съ ея еще несозданными и незавоеванными странами и счастливыми царствами, которыя *Мы*, да *мы сами* должны создать и завоевать; и надъ нами свѣтятъ небесныя, руководящія звѣзды вѣчности.

«Mir ward ein Erbteil herrlich schön und weit:
Die Zeit ist mein Besitz, mein Acker ist die Zeit *)».

*) Мнѣ въ удѣлъ досталось наслѣдство безконечное и дивной красоты: Время—мое владѣніе, моя пашня—время.

XI. Не думаешь ли ты, что въ этомъ мірѣ съ его дико кружащимся водоворотомъ и неистово пѣнящимися океанами, гдѣ люди и народы погибаютъ, точно нѣтъ на свѣтѣ закона, гдѣ судъ надъ неправедными часто надолго откладывается, такъ и нѣтъ никакого правосудія? Такъ думаетъ безумецъ въ сердцѣ своемъ. Мудрецы всѣхъ временъ тѣмъ самымъ и были мудры, что отрицали этотъ выводъ и знали, что этого быть не можетъ. Я снова повторяю, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ справедливости, и одно только сильне въ семъ мірѣ—то, что Справедливо, то, что Истинно.

XII. Обожди исходъ. Во всѣхъ бояхъ, если дождаться исхода, видно, что каждый воинъ добился того, что по праву ему принадлежало. Его право, и его сила въ концѣ концовъ одно и то же. Онъ воевалъ, напрягая всю свою силу, и защищался въ точномъ соотвѣтствіи со своимъ правомъ. Даже смерть его не означаетъ побѣды надъ нимъ. Правда, самъ онъ умираетъ, но дѣло его живо и будетъ жить на дѣлѣ воистину.

XIII. Обыщи весь міръ, и если у тебя глаза не такіе, какъ у совы, ты не найдешь въ немъ ничего живущаго, что не имѣло бы права на пищу и на жизнь. Остальное, если только твое зрѣнье хорошее, представится тебѣ оживающимъ, все равно, что мертвымъ! Справедливость учреждена раньше сотворенія міра, и будетъ существовать, покуда существуетъ свѣтъ и долѣе того.

Изъ этого я вывожу заключеніе, что внутренняя сущность событія значительно отличается отъ внѣшней его стороны; что временное, преходящее, въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, слишкомъ часто ставится на первый планъ въ ущербъ вѣчному; что тотъ, кто живетъ, руководствуясь внѣшностью преходящихъ явленій, не углубляясь въ вѣчную суть ихъ, не сумѣетъ разрѣшить загадки, заданной ему сфинксомъ.

Потому что одна только сущность дѣйствительна; это законъ всякаго событія: если ты этого не понимаешь, то самое событіе, знающее эту истину, познакомитъ тебя съ ней!

Что такое справедливость? Въ общемъ, въ этомъ заключается вопросъ, предложенный намъ сфинксомъ. Законъ дѣйствительности заключается въ томъ, что справедливое должно случиться и непремѣнно случится. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; потому что время не терпитъ и угрожаетъ намъ страшно! «Что такое справедливость?» вопрошаютъ многіе, которымъ одна суровая дѣйствительность могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ. Такъ вопрошалъ Пилатъ, преступно шутя: «Что такое Истина? Шутившій Пилатъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ отыскать Истину. Онъ не былъ бы въ состояніи узнать ее, еслибъ даже Богъ показалъ ему ее.—Слѣпота скрывала истину отъ его смѣющихся глазъ; *внутренняя* сѣтчатая оболочка его глазъ онѣмѣла и омертвѣла. Онъ смотрѣлъ на Истину и не узналъ ее. «Что такое справедливость?».

Воплощенное правосудіе, засѣдающее въ судахъ, съ наказаніями, документами, полицейскими и т. п., дѣйствительно, видима. Но не воплощенное правосудіе, блѣдной копіей а иногда лишь искаженіемъ коей является земное правосудіе,—менѣе бросается въ глаза! Потому что невоплощенное правосудіе исходитъ отъ неба; оно незримо для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, у кого благородное, чистое сердце. Нечистые, неблагородные глядятъ во всѣ глаза и не видятъ ее. Они доказываютъ вамъ ея отсутствіе помощью логики, путемъ безконечныхъ споровъ, краснорѣчивыхъ тирадъ. Не утѣшительно присутствовать при этомъ!

XIV. Счастье человѣка не зависитъ отъ того, чѣмъ онъ обладаетъ, и не отъ того, что ему недостаетъ, бываетъ онъ несчастенъ. Нищета, голодъ, нужда во всѣхъ ея видахъ, даже смерть переносились съ радостью

когда сердце бывало вѣрно направлено. Что нестерпимо для людей, это чувство *несправедливости* того, что съ ними случается. Самый простой негръ не переноситъ, когда съ нимъ поступаютъ несправедливо. Ни одинъ человѣкъ не можетъ этого перенести, или по крайней мѣрѣ, не долженъ былъ бы этого переносить. Законъ, глубже всякаго другого, записаннаго на пергаментѣ, законъ, Божьей рукой непосредственно вписанный въ душу человѣка, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ несправедливостью. Что такое несправедливоеть? Лишь иное названіе безпорядка, неправды; нѣчто такое, что правдиво-созданная природа, именно потому, что она не хаосъ, не призракъ, отрицаетъ и отталкиваетъ. Внѣшняя боль отъ несправедливости,—хотя бы то была боль отъ ударовъ плетей, раздирающихъ въ клочья живое мясо, или отъ топора, отсѣкающаго голову—ничто по сравненію со страданіями души, съ тѣмъ позоромъ, который она переноситъ, тѣмъ вредомъ, который причиняетъ ей личная жизнь. Самый грубый пентюхъ оказываетъ сопротивленіе, борется до смерти, если ему предстоитъ безчестье.

Такъ жить онъ не можетъ. Громкимъ голосомъ заявляетъ ему объ этомъ душа, тихимъ кивкомъ подтверждаетъ вселенная. Этого быть не должно. Онъ долженъ отомстить, долженъ возстановить свое достоинство—чтобы каждому досталось свое, чтобы все стояло твердо на своемъ мѣстѣ, чтобы порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Въ этомъ есть что-то достойное вниманія и, смѣемъ сказать, всѣми уважаемое.

Это—печать мужественности, защищаемой всѣми нами, основаніе всего того, что есть въ насъ достойнаго, что, несмотря на поверхностное различіе между людьми, одинаково встрѣчается у всѣхъ.

Подобно тому, какъ вредный по натурѣ *безпорядокъ* ненавистенъ человѣку, для котораго здоровье и порядокъ являются главными условіями существованія, такъ и несправедливость кажется наихудшимъ зломъ, для многихъ даже единственнымъ зломъ на землѣ. Всѣ люди мирятся съ трудомъ съ разочарованіями и съ несчастіемъ; это ихъ удѣлъ въ этомъ мірѣ; но во всѣхъ сердцахъ говоритъ тихій голосъ, котораго не заглушитъ ни логикѣ, ни горю, насилію или отчаянію, и голосъ этотъ говоритъ, что на этомъ жизнь не окончится; что какъ бы ни казалась эта жизнь дика, безпорядочна и несообразна, Богъ послалъ ее; что это не можетъ быть несправедливо и что, напротивъ, такъ оно и быть должно. Власть, противъ которой безнадежно всякое сопротивленіе, имѣетъ, несомнѣнно, успокоительное вліяніе. Тѣмъ не менѣе продолжительная несправедливость, хотя бы она даже и исходила отъ безконечной власти, оказалась бы нестерпимой для людей. Еслибъ они потеряли вѣру въ Бога, то единственнымъ ихъ спасеніемъ отъ слѣпого Не-Бога неизбѣжности, обхватывающаго ихъ, какъ чудовищная міровая машина, было бы *возмущеніе*, независимо отъ того, была ли бы надежда на успѣхъ, или нѣтъ. Они могли бы, какъ говоритъ Ногалисъ, одновременнымъ, всеобщимъ самоубійствомъ ускользнуть отъ міровой машины, и если не побѣдоносно, то хоть съ неукротимымъ, неусмиримымъ протестомъ противъ такой машины покончить съ собой.

XV. Благословенная надежда, утѣха человѣчества, ты рисуешь на стѣнахъ тѣсной тюрьмы человѣка прекрасные, далеко простирающіеся ландшафты и проливаешь священный мягкій свѣтъ даже въ глубокую ночь смерти. Ты въ семъ мірѣ—всеобщее достояніе: для мудреца ты—священное знамя, начертанное на вѣчномъ небѣ, подъ которымъ онъ *побѣдитъ*, потому что самая борьба уже означаетъ побѣду; для глупца ты—временная Fata Morgana, тѣнь отъ тихой воды, нарисованная на засохшей землѣ—облегчающая усталому путнику его странствованіе по пескамъ даже тогда, когда она оказывается призракомъ.

XVI. Хотя передъ нами много труда, хотя намъ предстоитъ переправа черезъ далекія моря и ревущія пучины, но развѣ это ничто, если передъ нами внезапно показывается полярная звѣзда на небѣ, если вѣчный свѣтъ сіяетъ сквозь грозныя тучи и бушующія волны, если вдали виденъ маякъ, къ которому въ теченіе всей жизни мы неуклонно стремились? Развѣ это ничто; о, Боже, развѣ это не все для насъ?

XVII. Чего ты, собственно, боишься? Почему ты крадучись пробираешься, дрожа и пугаясь, какъ трусъ? Презрѣнное двуногое созданіе! Въ чемъ состоитъ въ общемъ итогѣ худшее, чего ты можешь опасаться? Смерть? Допустимъ, смерть и, скажемъ, муки ада и все, что діаволъ и человѣкъ можетъ или хочетъ противъ тебя предпринять! Развѣ нѣтъ у тебя мужества, развѣ ты не можешь перетерпѣть, чтобы то ни было, и, какъ дитя свободы, хотя и изгнанное дитя, топтать ногами даже самый адскій огонь въ то время, какъ онъ пожираетъ тебя? Пусть же совершится, что можетъ. Я пойду всему навстрѣчу и бросаю судьбѣ вызовъ.

XVIII. Рѣдко случается, чтобъ жизнь человѣческая вела къ нравственной погибели безъ того, чтобъ главная вина не лежала въ неудачномъ внутреннемъ устройствѣ, въ отсутствіи не столько счастья, сколько хорошаго руководительства. Природа не создаетъ ни одного творенія, не надѣливъ его въ то же время силой, нужной для его дѣятельности и дальнѣйшаго существованія; всего меньше она забываетъ о своемъ шедеврѣ, о своей любимицѣ, о поэтической душѣ. Поэтому мы и не можемъ повѣрить, чтобъ какія бы то ни было внѣшнія условія имѣли возможность въ концѣ загубить душу человѣческую, и даже сколько-нибудь существенно повредить его здоровью или обезобразить его внѣшнюю красоту, если только человѣку дарованъ надлежащій умъ. Величайшая сумма несчастій—смерть; хуже этого ничего не можетъ вмѣстить чаша бытія и горестей человѣческихъ, и все же многіе люди всѣхъ временъ побѣдили даже смерть и взяли ее въ плѣнъ, превративъ ея физическую побѣду въ нравственную побѣду человѣка, въ печать и безсмертное освященіе всего того, что человѣкъ совершилъ въ своей жизни.

XIX. Мужественный человѣкъ, если онъ храбро борется, одерживаетъ отъ времени до времени маленькія побѣды, дающія ему бодрость для продолженія борьбы.

XX. Здоровая душа, будь она даже заточена какъ угодно: въ грязной мансардѣ, въ истертомъ платьѣ, въ большомъ тѣлѣ или въ чемъ еще угодно, всегда сумѣетъ защитить свою неотъемлемую свободу, свое право побѣждать трудности, работать и даже радоваться.

XXI. Свободенъ тотъ человѣкъ, кто подчиняется міровымъ законамъ и въ глубинѣ души убѣжденъ, что несмотря на всѣ противорѣчія, ничего несправедливаго съ нимъ *не можетъ* случиться, что, вообще, лишь лѣность да трусливая невѣрность дѣлаютъ зло возможнымъ. Первой отличительной чертой такого человѣка является то, что онъ не противится необходимости и, не возмущаясь, покоряется ей. Какъ давно уже писалъ бѣдный Генри Мартенъ:

Есть слово, часто повторяемое и полное мудрости:
Благо тому, кто радостно работаетъ и страдаетъ, сколько долженъ *).

Радостно! кто радостно принимаетъ на себя и свой трудъ и свои старанія, тому лишь одному небесныя силы благопріятствуютъ и нива времени приноситъ тому плоды. Слово это было много разъ сказано, всѣ благородныя души на свѣтѣ знали его, и на многихъ языкахъ старались и насъ познакомить съ нимъ. Внутренняя сущность всякой «религіи»,

*) Ein Wort ist's, oft gesagt und weisheitsvoll:
Wohl dem, der freudig tut und leidet, was er soll.

какъ бывшей, такъ и будущей, стремится къ *освобожденію* человѣка. Кто въ жизни сей отважится на паломничество, ставя все на карту, посвящая жизнь послушанію Богу и слугамъ Божьимъ, отрекаясь отъ діавола и слугъ его? Такой свободный человѣкъ пройдетъ съ благочестивымъ мужествомъ несмотря на бурю и грозы по намѣченному пути. Черезъ пустыню Сахару, черезъ мрачныя, населенныя гальванизированными трупами и горестными созданіями пустыни ведетъ его путеводная звѣзда, его тропа, куда бы ни сворачивали другіе, идетъ по направленію къ вѣчному. У такого человѣка стоитъ спросить совѣта, стоитъ узнать мнѣніе его о мірскихъ дѣлахъ. Такіе люди, собственно, единственные люди, достойные этого названія, всегда были рѣдки, но прежде ихъ хорошо знали. Теперь они стали много рѣже, но еще не вымерли; они станутъ снова многочисленнѣе, если Богъ еще долго сохранитъ нашу планету въ обитаемомъ видѣ.

XXII. Борись все больше и больше, мужественное, вѣрное сердце, и не уклоняйся отъ цѣли ни въ несчастьи, ни въ счастливой судьбы. Дѣлу, за которое ты борешься,—насколько оно истинно и не больше,—обезпечена побѣда. Только то, что въ немъ ложно, будетъ побѣждено и отстранено, какъ оно и должно быть.

XXIII. Бодрость, которую мы себѣ желаемъ, заключается не въ томъ, чтобъ прилично умереть, а чтобы мужественно жизнь прожить. Эта бодрость, если она разъ Богомъ дана, глубоко запрятана въ душѣ; благодѣтельнымъ ласковымъ теплomъ питаетъ она другія добродѣтели и дарованія, которыя безъ нея жить не могутъ. Не смотря на всѣ безчисленныя побѣды подъ Ватерло и тому подобное, мужественный духъ сталъ слабѣе въ людяхъ теперь, чѣмъ онъ былъ когда бы то ни было. Но совершенно вымереть онъ не можетъ, иначе родъ человѣческій больше бы никуда не годился; но тутъ и тамъ, въ различныя времена и подъ разными образами посылаются съ неба въ міръ намъ люди, выказывающіе необычайную бодрость духа, и доказывающіе, что и въ наше время она еще встрѣчается, она еще возможна и примѣнима.

XXIV. Въ тѣсномъ соотношеніи съ бодростью духа и съ мужествомъ, отчасти исходя изъ этихъ качествъ, отчасти защищаясь ими, находятся легче познаваемыя качества правдивости въ рѣчахъ и мысляхъ и честности въ поступкахъ. Тутъ происходитъ обмѣнъ вліяній, потому что насколько проведеніе въ жизнь правдивости и честности является конечной цѣлью, путеводнымъ огнемъ душевнаго мужества, настолько съ другой стороны они безъ мужества не могутъ быть проведены въ жизнь никакимъ способомъ.

XXV. Нельзя назвать удачнымъ слово: невозможно; отъ тѣхъ, кто часто его употребляетъ, нельзя ожидать ничего хорошаго. Ты жалуешься: «левъ стоитъ на дорогѣ?» Лѣнивецъ, такъ убей его; дорога должна быть пройдена. На поприщѣ искусства, практической жизни многочисленные критики доказываютъ, что отнынѣ, собственно, все дальнѣйшее невозможно; что мы разъ навсегда вступили въ предѣлъ постоянныхъ общихъ мѣстъ и должны съ этимъ примириться. Пусть эти критики продолжаютъ доказывать свое; это ужъ ихъ манера такая; что за бѣда? Уже было доказано, что стихотворное искусство невозможно, тогда появился Бернсъ, появился Гете. Будничная, сѣрая жизнь казалась единственной отнынѣ возможной, появился Наполеонъ и завоевалъ весь міръ. Точнымъ вычисленіемъ теченій было установлено, что пароходамъ никогда не удастся проѣхать кратчайшимъ путемъ изъ Ирландіи въ Ньюфаундлендъ: двигательная сила, сила сопротивленія, максимумъ здѣсь, минимумъ тамъ,—законы природы и геометрическія доказательства: что могло тутъ произойти? И тѣмъ не менѣе «Great Western» освѣтилъ якори въ Бристоль-

ской гавани и, смѣло проѣхавъ черезъ Гудсонову пучину, бросилъ якорь въ Нью-Іоркѣ, прежде чѣмъ чернила нашихъ рукописей успѣли высохнуть. «Невозможно? воскликнулъ Мирабо, отвѣчая своему секретарю: «Ne me dites jamais ce bête de mot» [4]).

XXVI. Если человѣкъ говоритъ дѣйствительно то, что думаетъ, то всегда найдутся слушатели, какія бы ни были препятствія.

XXVII. Настоящій юморъ исходитъ изъ сердца точно также, какъ изъ головы; внутренняя сущность его не презрѣніе, а любовь; онъ не разражается смѣхомъ, а вызываетъ тихую улыбку, что лежитъ много глубже. Это своего рода величіе наизнанку. Юморъ—цвѣтокъ ароматъ, чистѣйшая форма, въ какую выливается глубокая, прекрасная, любящая натура, натура, гармонирующая сама съ собой, примиренная со свѣтомъ, съ его бѣдностью, съ его противорѣчіями, черпающая въ самыхъ этихъ противорѣчіяхъ новые элементы красоты и доброты.

XXVIII. Пусть всѣ люди, если это хоть сколько-нибудь возможно, стараются быть здоровыми! Пусть тотъ, кто почему бы то ни было, погрузился въ страданія и болѣзнь, подумаетъ объ этомъ; пусть онъ знаетъ, что ничего хорошаго онъ до сихъ поръ не достигъ, а зла достигъ несомнѣнно,—что онъ можетъ быть на пути къ добродѣтели, но можетъ также легко и сойти съ него.

XXIX. Здоровье—весьма важная вещь какъ для ея обладателя, такъ и для постороннихъ. Въ сущности говоря, не такъ уже неправъ былъ тотъ юмористъ, который рѣшилъ выказывать почтеніе одному лишь здоровью вмѣсто того, чтобы унижаться передъ высокопоставленными, богатыми и нарядными людьми—снимать шапку лишь передъ здоровыми. Экипажи дворянъ съ блѣдными лицами не удостоивались его вниманія; зато стоило проѣхать телѣгѣ съ краснощекимъ силачомъ, какъ онъ принимался униженно и почтительно кланяться. И, дѣйствительно, развѣ здоровье не служитъ признакомъ гармоніи, развѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ опытъ показываетъ, оно не является суммой всей цѣны человѣка? Здоровый человѣкъ весьма цѣнный продуктъ природы, поскольку онъ является таковымъ. Хорошо имѣть здоровое тѣло, но здоровая душа — вотъ самое главное, что человѣкъ долженъ выпросить себѣ у неба, вотъ самое прекрасное, чѣмъ небо можетъ осчастливить бѣдныхъ смертныхъ. Здоровая душа сразу—безъ помощи и искусственныхъ философскихъ лѣкарствъ, безъ всегда сомнительныхъ символовъ вѣры—сама узнаетъ, что благо, принимаетъ это и придерживается этого крѣпко; она узнаетъ также, что худо и добровольно отталкиваетъ это отъ себя.

XXX. Какъ возможна дружба? Путемъ всесторонней привязанности ко всему, что хорошо и истинно. Безъ этого она немыслима, развѣ какъ вооруженный нейтралитетъ или какъ пустой торговый договоръ. Человѣкъ, слава Богу, всегда можетъ довольствоваться самимъ собой, но тѣмъ не менѣе десять человѣкъ, связанные съ любовью, могутъ сдѣлать больше, чѣмъ десять тысячъ человѣкъ, дѣйствующихъ отдѣльно. Безконечна помощь, которую люди могутъ оказать другъ другу.

XXXI. Очень часто бываетъ, что у нашего друга самое честное намѣреніе насъ поддержать, что онъ всѣми силами старается это сдѣлать и тѣмъ не менѣе не въ состояніи понять, чего именно намъ не хватаетъ и что намъ нужно, чтобъ идти впередъ на избранномъ нами пути, и настаиваетъ на томъ, чтобы мы шли *его* дорогой и бранитъ насъ, называя насъ неисправимыми, за то, что мы не хотимъ или не можемъ слѣдовать его совѣту. Такимъ образомъ, и выходитъ, что люди одиноки даже среди

[4]) «Никогда не говорите мнѣ этого глупаго слова».

друзей; никто не хочетъ поддержать ближняго и каждому приходится даже встать въ оборонительную позу, чтобы сосѣдъ не явился ему помѣхой!

XXXII. Какъ вѣрно сказалъ Новалисъ: «Одно несомнѣнно, моя вѣра становится *безконечно* сильнѣе съ того момента, когда мнѣ удается убѣдить въ ея силѣ другого человѣка!» Взгляни въ лицо своему брату, въ глаза, сіяющіе мягкимъ огнемъ доброты, или пылающіе гнѣвомъ и ты почувствуешь, какъ твоя дотолѣ спокойная душа моментально помимо твоей воли загорается такимъ же огнемъ, такъ что отъ вашихъ взаимныхъ взоровъ получится одно безграничное пламя (всеобъемлющей любви или смертельно разящей ненависти) и тогда скажи, какъ чудесная сила переходитъ отъ человѣка къ человѣку. Если это вѣрно въ различныхъ случаяхъ нашего земного существованія, то тѣмъ болѣе это случается, когда мы говоримъ о божественной жизни и внутреннее наше *я* приходитъ въ соприкосновеніе съ чужимъ *я*.

XXXIII. Всѣ людскія дѣла во что бы то ни стало хотятъ имѣть идеалъ, какъ мы говорили «душу», хотя бы только ради того, чтобы предохранить тѣло отъ гніенія. И удивительно, какъ идеалъ или душа,— перенесите вы его въ самое уродливое тѣло на свѣтѣ, — передаетъ тѣлу собственное благородство, измѣняетъ его и преобразовываетъ и дѣлаетъ его въ концѣ концовъ прекраснымъ и до извѣстной степени благороднымъ!

XXXIV. Къ сожалѣнію, давно извѣстно, что идеальныя состоянія никогда не могутъ быть вполнѣ реализованы. Идеалы остаются всегда въ извѣстномъ отдаленіи, и мы должны быть довольны, если хоть нѣсколько приблизимся къ нимъ. Никто, какъ сказалъ Шиллеръ, не долженъ слишкомъ точно сравнивать жалкій результатъ дѣйствительности съ масштабомъ совершенства. Такого человѣка, который все сравнивалъ бы съ совершенствомъ, мы не стали бы считать мудрецомъ, мы назвали бы его глупымъ недовольнымъ созданіемъ.

Съ другой стороны никогда не слѣдуетъ забывать, что существуютъ идеалы; если люди перестанутъ стараться приблизиться къ идеалу, тогда всему настанетъ конецъ. Неминуемо. Ни одинъ каменьщикъ никогда еще не возводилъ *совершенно* перпендикулярной стѣны; это математически невозможно; достаточно, если стѣна въ извѣстной степени перпендикулярна; тогда каменщикъ не поправляетъ ее больше, какъ хорошій работникъ, который долженъ закончить свою работу. Но горе ему, если онъ слишкомъ уклонился отъ отвѣсной линіи, если онъ отбросилъ совсѣмъ и лотъ и ватерпасъ, а просто сложилъ камень на камень! Такой каменьщикъ свернулъ на плохую дорогу; онъ забылся, но законъ равновѣсія не забывается и мститъ ему; и каменьщикъ и стѣна его рухнутъ, разсыпаясь въ прахъ.

XXXV. Мы знаемъ, что все человѣческое несовершенно; далекъ отъ насъ по большей части идеалъ; очень далекъ! Но пока идеалъ (внутренняя правда) какъ бы то ни было смутно еще живетъ и дѣйствуетъ въ жизни, это несовершенство можно переносить. Невыносимымъ оно становится тогда, когда идеалъ совершенно исчезаетъ и дѣйствительность оказывается лишенной всякой идеи, всякой правды; въ такой степени несовершенства людскія положенія не могутъ оставаться, они должны измѣниться или погибнуть, если дѣло до того дошло. Оспа и т. п. болѣзни могутъ уродовать кожу, если сердце осталось здоровымъ; но совсѣмъ иначе бываетъ, когда сердце само заболѣваетъ, если самого сердца вовсе нѣтъ и на его мѣстѣ водворилась противоестественная головня.

Въ общемъ, читатель, ты всюду найдешь доказательства тому, что проложило себѣ путь въ жизни въ началѣ должно было быть истинно и цѣнно, не призракъ, а дѣйствительность. То, что не является дѣйстви-

тельно цѣнностью, не находитъ себѣ надолго убѣжища среди людей. Возьмите магометанство! Даже ламаизмъ, да ламаизмъ—мы съ радостью устанавливаемъ этотъ фактъ,—достоинъ жить на свѣтѣ; не фраза это, а искреннее мнѣніе. Тотъ, кто вѣритъ, что обманъ, насиліе, несправедливость, вообще какая-нибудь неправда, какъ бы она ни была прикрыта или прикрашена, можетъ лечь въ основу людскихъ сношеній и сообщества людей, тотъ жестоко заблуждается. Это заблужденіе—плодъ невѣрія, въ которомъ отсутствуетъ правда. Заблужденіе, приводящее лишь къ новымъ заблужденіямъ и къ новому бѣдствію, заблужденіе роковое, достойное сожалѣнія, отъ котораго всѣ люди должны были бы отказаться.

XXXVI. Правда, всѣ вещи имѣютъ двѣ стороны: одну освѣщенную, другую темную. Ни одинъ идеалъ, переходя насколько возможно въ практику, превращается въ совершенно неожиданную дѣйствительность, и мы съ удивленіемъ спрашиваемъ: неужели это, дѣйствительно, вашъ идеалъ? Къ сожалѣнію, идеалъ всегда долженъ переходить въ область дѣйствительности и въ ней искать себѣ очень скудной иногда пищи и пріюта.

XXXVII. Согласно законамъ природы, идеалы всѣхъ родовъ имѣютъ свои опредѣленныя границы, свой періодъ юности, зрѣлости или совершенства, увяданія и наконецъ смерти или исчезновенія. Ничто не рождается, что не должно было бы рано или поздно умереть.

XXXVIII. Искушенія въ пустынѣ — развѣ всѣмъ намъ не пришлось пройти черезъ подобнаго рода испытанія? Вкоренившійся въ насъ отъ рожденія старый Адамъ не можетъ такъ легко быть изгнанъ изъ своихъ владѣній. Мы въ жизни постоянно наталкиваемся на необходимость и тѣмъ не менѣе значеніе всей нашей жизни ничто иное, какъ свобода, свободная сила. Такимъ образомъ, постоянно происходитъ борьба и, въ особенности вначалѣ, жестокая борьба. Потому что данное намъ Богомъ приказанье: *Дѣйствуй, творя добро*, таинственно пророческими знаками начертано въ нашихъ сердцахъ и ни днемъ ни ночью не даетъ намъ покоя, пока мы не дешифрируемъ и не исполнимъ его, пока оно, какъ видимое, дѣятельное Евангеліе свободы не будетъ просвѣчивать во всѣхъ нашихъ поступкахъ. А такъ какъ данный прахомъ приказъ: *Ѣшь и набивай себѣ брюхо* одновременно съ убѣдительной силой даетъ о себѣ знать по всѣмъ нашимъ нервамъ,—то ясно, что должно наступить замѣшательство, что долженъ произойти бой, прежде, чѣмъ лучшее вліяніе одержитъ верхъ.

XXXIX. Мы, люди, идемъ по замѣчательнымъ дорогамъ; различно ведетъ насъ Богъ къ цѣли. Поэтому мы должны были бы къ каждому относиться съ терпѣніемъ, съ надеждой на его исправленіе, должны были бы дать всякому возможность испытать, что еще можетъ изъ него выйти Пока жизнь не кончена, для всякаго есть еще надежда.

XL. Долгая, бурная весна, дождливый апрѣль, зимній холодъ еще въ маѣ; наконецъ наступаетъ все-таки лѣто. До сихъ поръ дерево стояло голымъ; сухіе, голые сучья жалобно стонали и трещали отъ вѣтра. Хочется сказать: сруби его, что оно напрасно занимаетъ мѣсто на землѣ! Но нѣтъ, мы должны ждать. Всему свое время. — Вотъ дыханье іюня коснулось голаго обнаженнаго дерева, и оно покрылось листьями и стоитъ въ цвѣту. Что за листья, и что за цвѣтъ! Прошедшее долгое время наготы и зимняго броженья сдѣлало свое дѣло, хотя и казалось, что оно ничего не дѣлаетъ. Прошлое молчаніе получило голосъ и говоритъ тѣмъ многозначительнѣе, чѣмъ дольше оно продолжалось. У всѣхъ деревьевъ, у всѣхъ людей, во всѣхъ учрежденіяхъ, вѣрованіяхъ, народахъ, у всего растущаго и складывающагося, что встрѣчается во вселенной, мы наблюдаемъ такую неремѣну и такое время расцвѣта.

XLI. Подумаемъ о томъ, что за судья природа, какое величіе, какое глубокое спокойствіе и долготерпѣніе присуще ей. Ты берешь пшеницу и сыплешь ее въ нѣдра земли: твоя пшеница, быть-можетъ, перемѣшана съ высѣвками, съ сѣчкой, съ соромъ, пылью и всякимъ мусоромъ; это не бѣда: ты отдалъ ее доброй матери-землѣ; пшеницѣ она даетъ расти, весь же мусоръ она молча уберетъ, прикроетъ ее и не станетъ даже о немъ говорить. Желтая пшеница выростаетъ; мать-земля молчитъ объ остальномъ, молча и не жалуясь давно уже извлекла пользу и изъ остального. Такъ и всегда поступаетъ природа. Она правдива, безъ фальши и все-таки велика и справедлива и матерински нѣжна при своей правдивости. Она требуетъ лишь одного: чтобы вещь была неподдѣльна, тогда она бережетъ ее, но только тогда. Правда — душа всего того, что природа когда-либо брала подъ свое покровительство. Ахъ, развѣ одна и та же исторія не повторяется со всякой возвышенной истиной, когда-либо появившейся на свѣтъ, или которой еще предстоитъ появиться? Тѣло ея несовершенно; она элементъ свѣта въ темнотѣ; намъ она представляется воплощенной въ логикѣ, облеченная въ чисто-научныя теоремы, относительно вселенной, теоремы, которыя *не могутъ* быть совершенными, которыя въ одинъ прекрасный день признаются несовершенными и ошибочными и должны умереть и исчезнуть. Тѣло всякой истины должно умереть, и все же въ каждомъ такомъ тѣлѣ живетъ душа, никогда не умирающая, безсмертно живущая, облекаясь то въ одну, то въ другую форму, вѣчная, какъ душа человѣка. Такъ поступаетъ природа. Внутренняя сущность какой-нибудь истины никогда не умираетъ. Природѣ только нужно, чтобы вещь отличалась неподдѣльностью, чтобы истина была голосомъ, раздающимся изъ глубины природы. То, что мы называемъ чистымъ или нечистымъ не является передъ судомъ природы рѣшающимъ вопросомъ. Не то важно, сколько въ тебѣ соломы, а то, сколько въ тебѣ пшеницы. Чистота? Иному человѣку мнѣ хочется сказать: «Да, ты чистъ, ты достаточно чистъ, но ты — солома, — безчестная гипотеза, слухъ, мнимая цѣнность. Ты никогда не слыхалъ великаго сердца вселенной; ты—не можешь быть названъ ни чистымъ, ни нечистымъ; ты — ничто; съ тобой природа не имѣетъ ничего общаго.

XLII. Ни одинъ человѣкъ не живетъ, никого не задѣвая и никѣмъ не задѣтый; онъ долженъ обязательно проложить себѣ путь, толкаясь локтями. Жизнь его—борьба. Даже устрицы, кажется, приходятъ въ столкновенье съ другими устрицами. Несомнѣнно, что онѣ должны наталкиваться на необходимость и на трудности и что онѣ пробиваются не какъ совершенныя, идеальныя устрицы, а какъ несовершенныя, дѣйствительно живыя существа. Устрица должна быть знакома съ извѣстной степенью раскаянья, съ извѣстной степенью ненависти, съ нѣкоторой долей малодушія.

XLIII. Бѣдная природа человѣческая! Развѣ людское движенье впередъ по пути истины не представляетъ собой паденья за паденьемъ? Иначе и быть не можетъ. Въ дикой жизненной стихіи борется онъ, пробиваясь впередъ; онъ падаетъ и падаетъ глубоко, — все снова долженъ онъ со слезами и раскаяніемъ, съ обливающимся кровью сердцемъ вставать на ноги и продолжать борьбу. Лишь бы борьба его велась съ вѣрностью и несокрушимымъ упорствомъ: въ этомъ вся суть.

XLIV. Есть много почтенныхъ, безпорочныхъ людей, которые все же немногаго стоятъ. Невелика заслуга человѣка, сохранившаго руки въ чистотѣ, если онъ всю работу исполнялъ не иначе, какъ въ перчаткахъ.

XLV. Въ живыхъ существахъ измѣненія происходятъ обыкновенно

лишь постепенно, такъ что пока змѣя сбрасываетъ съ себя старую шкуру, новая уже успѣваетъ образоваться подъ ней. Немного ты знаешь про сожженіе мірового феникса, если ты думаешь, что онъ долженъ весь сгорѣть и предстать въ видѣ кучи пепла, изъ которой чудомъ выбьется живая молодая птичка и полетитъ къ небу. Ошибаешься! Въ огненномъ вихрѣ вселенной творенье и уничтоженье идутъ рядомъ и въ то время, какъ пепелъ стараго разносится вѣтромъ, уже таинственно ткутся органическія нити новаго, и среди шума и вихря бушующей стихіи раздаются звуки мелодичной предсмертной пѣсни, заканчивающіеся звуками еще болѣе мелодичнаго гимна воскресенья. Да, взгляни собственными глазами въ огненную вьюгу, и ты увидишь, что это такъ и есть.

XLVI. Великая истина или по крайней мѣрѣ одна сторона великой истины заключается въ томъ, что человѣкъ самъ создаетъ условія своего существованія, и духовно, какъ и матеріально, самъ своего счастья кузнецъ. Но эта же истина имѣетъ и другую сторону, а именно; что жизненныя условія — тотъ элементъ, гдѣ человѣку приходится жить и дѣйствовать, что человѣкъ въ силу необходимости заимствуетъ свою окраску, свою одежду, свой внѣшній видъ отъ этихъ окружающихъ обстоятельствъ и что во всѣхъ практическихъ случаяхъ жизни человѣкъ почти до безконечности измѣняется обстоятельствами, такъ что въ иномъ, не менѣе вѣрномъ смыслѣ можно сказать, что обстоятельства дѣлаютъ человѣка.

Если намъ поэтому слѣдуетъ настаивать на первой истинѣ по отношенію къ намъ самимъ, то съ другой стороны намъ необходимо помнить послѣднюю, когда мы судимъ о другихъ людяхъ.

XLVII. На мирное житье въ этомъ водоворотѣ человѣческаго существованія дитя времени не должно претендовать, тѣмъ менѣе, когда призракъ отгоняетъ его отъ прошлаго а будущее представляется не чѣмъ инымъ, какъ тьмой, наполненной привидѣніями. Съ полнымъ правомъ могъ бы странникъ воскликнуть про себя: развѣ ворота счастья въ семъ мірѣ не закрыты неумолимо передъ тобой, развѣ есть у тебя надежды, которыя не были бы неосновательными? И тѣмъ не менѣе можно громко сказать, или, если это лучше, по-гречески про себя прошептать: Кто можетъ глядѣть въ глаза смерти, тотъ не испугается тѣней.

XLVIII. Развѣ мѣра страданій не является въ то же время мѣриломъ состраданья, на которое способенъ человѣкъ и мѣриломъ его силы и той побѣды, которая предстоитъ ему? Наша печаль оборотная сторона нашего благородства. Какъ велико наше отчаяніе, такъ велики и наши способности, настолько мы и можемъ предъявлять свои требованія. Черный дымъ, застилающій передъ тобой міръ, точно подымаясь изъ ада, можетъ истинной силой воли превратиться въ пламя, въ небесное сіяніе, поэтому не унывай!

XLIX. Неимовѣрное количество сдѣланной и забытой работы, молча лежащей у ногъ моихъ, одѣвающей, поддерживающей меня и сохраняющей мою жизнь, куда бы я ни пошелъ и что бы я ни дѣлалъ, даетъ богатый матеріалъ для размышленій! Во всякомъ случаѣ то, что называется извѣстностью для мудреца, теряетъ свое значеніе. Для глупцовъ и людей легкомысленныхъ эта извѣстность стоитъ того, чтобъ подымать изъ-за нея шумъ; она сулитъ имъ «безсмертіе» и т. п. Но если правильно взглянуть на вещи, что она собою представляетъ, эта извѣстность?

L. Хорошо понимать и сознавать, что ни одна мысль никогда не умирала, что точно также, какъ ты, создатель ея, почерпнулъ ее изъ прошлаго, точно также ты и передашь ее будущему. Такимъ образомъ, героическое сердце, видящее око первыхъ временъ живетъ и видитъ еще въ насъ, хотя мы принадлежимъ настоящему времени. Такимъ образомъ,

мудрецъ постоянно бываетъ окруженъ толпой свидѣтелей и братьевъ, простирающихъ къ нему руки, и на свѣтѣ существуетъ живая *Община Святыхъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова пространная, какъ земля и древняя, какъ исторія.

LI. Скажи мнѣ, напримѣръ, *кто научилъ тебя говорить?* Съ того времени, какъ двѣ, обросшія волосами, нагія или покрытыя листьями фиговаго дерева человѣческія фигуры почувствовали желаніе не быть болѣе нѣмыми, а дѣлиться мыслями, старались объясниться всевозможными пантомимами и различными тѣлодвиженіями, до того времени, когда, скажемъ, написана была вотъ эта книга, прошло не мало времени и совершена значительная работа, которую *кто-нибудь да совершилъ*. Думаешь ли ты, что до Чосера (Chaucer) не было поэта,—сердца, горящаго мыслью, которой оно не могло не высказать, и для котораго не было слова, такъ что слово это пришлось ему создать? Для каждаго слова нашего языка былъ такой человѣкъ, или такой поэтъ, который придумалъ его.

LII. Первый человѣкъ, съ открытой душой взглянувшій на небо и на землю, на все прекрасное и страшное, что мы называемъ природой, вселенной и т. п., и сущность чего навсегда останется безъ соотвѣтствующаго названія, первый человѣкъ, говоримъ мы, который впервые увидѣлъ все это сознательно, торжественно и по всей вѣроятности молча опустился на колѣни, совершилъ подъ вліяніемъ внутренней потребности «нѣчто оригинальное», что другимъ, мыслящимъ людямъ показалось весьма выразительнымъ и достойнымъ подражанія! И съ того дня стали молиться, преклонивъ колѣна. Эта безмолвная молитва старше всѣхъ словесныхъ молитвъ, молебновъ и литургій; она — начало всякаго богослуженія, которое нуждалось въ одномъ лишь началѣ, такъ оно было разумно. Что за поэтъ былъ этотъ первый молящійся!

LIII. Не падай духомъ! Ты не одинокъ, если ты вѣруешь. Развѣ мы не говорили о сонмѣ святыхъ, невидимомъ, но дѣйствительно существующемъ, сопровождающемъ тебя и окружающемъ своими объятіями, покуда ты достоинъ того? Героическія страданія святыхъ возносятся изъ всѣхъ странъ и изъ всѣхъ временъ, какъ священное Miserere, и ихъ великодушныя дѣла, ихъ подвиги звучатъ какъ безграничный, вѣчный мелодичный гимнъ, подымающійся къ небу. И не говори, что въ настоящее время нѣтъ символа божественнаго. Развѣ Божій міръ не символъ божественнаго? Развѣ неизмѣримость не храмъ? Развѣ исторія человѣка и человѣчества не безконечное Евангеліе? Прислушайся только, и вмѣсто органа ты услышишь, какъ и въ древнія времена, пѣніе утреннихъ звѣздъ.

LIV. Какіе полки и толпы и поколѣнія такихъ людей уже поглотило забвеніе! Ихъ прахъ образуетъ ту почву, на которой жизнь наша продолжаетъ давать плоды.

LV. Человѣкъ не долженъ жаловаться на времена; изъ этого ничего не выходитъ. Время дурное: ну что-жъ, на то и человѣкъ, чтобъ улучшить его.

LVI. «Настанетъ время», говорилъ Лихтенбергъ съ горькой ироніей, «когда вѣра въ Бога будетъ, какъ въ дѣтскія сказки», или какъ выражается Жанъ-Поль: «когда сдѣлаютъ изъ свѣта—міровую машину, изъ эфира—газъ, изъ Бога силу, изъ загробной жизни—могилу». Мы же думаемъ, что такого дня *не будетъ*. Во всякомъ случаѣ пока борьба еще ведется—и философія газа и могилы еще не вылилась въ форму устава съ выработанными положеніями—нужно предоставить свободу дѣйствія мистицизму и всему тому, что честно выступаетъ противъ этой философіи. Побольше безпартійности и свободы, и правда одержитъ верхъ!

LVII. Если время наше—время невѣрія, почему мы должны на это

ропитать? Развѣ не настанетъ лучшее время? Да и не настало ли оно уже? Періодъ вѣры чередуется съ періодомъ невѣрія, какъ сжиманіе сердца чередуется съ расширеніемъ сердца. Весенній ростъ, лѣтнее изобиліе всякихъ мнѣній и твореній должны сопровождаться смертельнымъ увяданіемъ осени и земной развязкой, а за ними снова наступаетъ весна. Человѣкъ живетъ во времени; все его земное существованіе, его стремленія и судьба—продуктъ времени, и лишь въ преходящихъ символахъ времени обнаруживается вѣчно неподвижная вѣчность, въ которой мы живемъ. И все же въ такое зимнее время отрицанія для людей, одаренныхъ благородной душой сравнительно тяжело, что они родились въ такое время, должны въ такое время бодрствовать и трудиться; а для людей съ притупленной чувствительностью даже пріятно, что они могутъ, погрузясь въ лѣнь, грезить и спать и проснуться лишь тогда, когда гремящія бури съ градомъ пронесутся, совершивъ свою работу, и нашимъ молитвамъ, нашему мученичеству, наконецъ, будетъ дарована новая весна.

LVIII. Еще неосновательнѣе кажется намъ страхъ, что вмѣстѣ съ суевѣріемъ исчезнетъ и религіозность. Религіозность не можетъ исчезнуть. Маленькій дымный огонь отъ горящей соломы можетъ скрыть отъ нашихъ глазъ звѣзды на небѣ, но звѣзды тѣмъ не менѣе остались на небѣ и снова покажутся намъ.

Въ общемъ, мы должны повторить извѣстное изреченье, что недостойно вѣрующаго человѣка смотрѣть на невѣрующаго со страхомъ или съ отвращеньемъ, или съ какимъ бы то ни было другимъ чувствомъ, кромѣ сожалѣнія, надежды на его исправленье и братскаго сочувствія. Если онъ ищетъ истины, развѣ онъ намъ не братъ и недостоинъ сожалѣнія? А если онъ не ищетъ истины, развѣ онъ не все же нашъ братъ и тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнья?

LIX. Не можемъ ли мы посмотрѣть на то ужасное горе, которое теперь со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ, какъ на голосъ изъ нѣмыхъ нѣдръ природы, взывающій: «Глядите! Спросъ и предложенье—не единственный законъ природы; уплата наличными деньгами—не единственная обязанность людей по отношенію другъ къ другу. Глубоко, много глубже спроса и предложенья лежатъ законы и обязательства, священные, какъ сама жизнь человѣческая. Если вы будете дѣйствовать дальше, вы познакомитесь съ ними и должны будете покориться имъ. Кто познаетъ ихъ и научится повиноваться имъ, тотъ будетъ имѣть природу на своей сторонѣ. Онъ будетъ работать и высокая награда достанется ему въ удѣлъ. Кто же не узнаетъ этихъ законовъ, противъ того будетъ сама природа, и онъ не будетъ въ состояніи работать въ предѣлахъ природы. Мятежи, ссоры, ненависть, одиночество и проклятія будутъ слѣдовать за нимъ по пятамъ, пока всѣ люди не познаютъ, что то, чего онъ добился, какъ бы оно ни казалось блестящимъ на видъ, не успѣхъ, а полнѣйшая неудача.

LX. Пока что будемъ радоваться, что по крайней мѣрѣ одно признается всѣми и повторяется на всѣхъ языкахъ: человѣкъ еще пока человѣкъ. Геній механизма не всегда будетъ давить нашу душу, какъ кошмаръ, и въ концѣ концовъ, когда волшебнымъ словомъ старыя чары будутъ разрушены, станетъ нашимъ послушнымъ рабомъ и будетъ исполнять все, что мы потребуемъ. «Мы близки къ пробужденью, когда видимъ во снѣ, что намъ снится сонъ». У кого есть глаза и сердце, тотъ и теперь можетъ сказать: «зачѣмъ мнѣ колебаться? Свѣтъ свѣтитъ въ мірѣ для тѣхъ, кто любитъ свѣтъ, такъ какъ любить его слѣдуетъ безграничной, самоотверженной, все выносящей любовью.

LXI. Дайте знать людямъ, что они люди, созданные Богомъ и въ кратчайшій промежутокъ времени способные создать такое, что будетъ жить на вѣки вѣчные. Это, дѣйствительно, великая задача. Не машинами для обработки земли и не машинами для перевариванія пищи, а также и не рабами другихъ людей или собственныхъ страстей должны они быть, а прежде всего имъ слѣдуетъ быть людьми.

LXII. Одно, собственно говоря, должно было бы намъ быть ясно, «въ общихъ чертахъ», а именно, что «сіяніе Божье» такъ или иначе, въ той или иной формѣ должно развиться изъ глубины даже этого промышленнаго вѣка нашего.

LXIII. Да, всюду свѣтъ проникаетъ въ міръ. Люди не любятъ тьмы, они стремятся къ свѣту. Глубокое чувство вѣчной природы, справедливости проглядываетъ вездѣ и видно на каждомъ шагу.

LXIV. Человѣкъ, въ сущности говоря, всегда былъ борцомъ и труженикомъ и, несмотря на широко распространенную клевету, утверждающую противное, всегда любилъ истину.

LXV. Всякая душа человѣческая, какъ бы она ни была погружена въ мракѣ, любитъ свѣтъ; стоитъ лишь разъ зажечь свѣтъ, чтобъ лучи его разошлись во всѣ стороны.

LXVI. Слишкомъ легкомысленно пришли люди къ заключенію, что *голодъ*, великій фундаментъ нашей жизни, является и вѣнцомъ ея и послѣдней степенью совершенства; что такъ какъ «жадность и неумѣренное честолюбіе» составляютъ отличительные признаки большинства людей, то нѣтъ человѣка, который поступалъ бы или думалъ бы поступать на основаніи иныхъ принциповъ. Чего нельзя подвести подъ категоріи бѣдности, то подводится подъ рубрику честолюбія, не входя въ дальнѣйшія разсужденія.

LXVII. Совершенно невѣрно, что люди, съ тѣхъ поръ, какъ они населяютъ землю, живутъ съ помощью бреда, лицемѣрія, несправедливости или какой-либо иной формы безразсудства. Неправда, что они когда-либо жили чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ противоположностью всего перечисленнаго.

LXVIII. Извѣстное одобреніе совѣсти необходимо даже для физическаго существованія и составляетъ тонкую, всюду проникающую замазку, которою держатся составныя части нашего я. Поэтому, если человѣкъ, не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ и еще не застрѣлился и не повѣсился, то мы должны утѣшаться и заключить, что онъ одно изъ двухъ: либо злая собака въ образѣ человѣка, которой нужно надѣть намордникъ, пожалѣть и подивиться; либо это настоящій человѣкъ, слѣдовательно, созданье, не лишенное нравственной цѣнности, котораго надо просвѣтить и до нѣкоторой степени одобрить. Но для того, чтобъ правильно судить о его характерѣ, мы должны научиться смотрѣть на него не только своими, но и *его* глазами; мы должны пожалѣть его, должны видѣть въ немъ брата, однимъ словомъ, должны научиться *любить* его, иначе настоящая, духовная сторона его природы никогда не будетъ правильно понята нами.

LXIX. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что людьми и ихъ поступками управляютъ не матеріальныя, а нравственныя силы. Какъ безшумна бываетъ мысль! Ни барабанный бой, ни стукъ копытъ цѣлаго эскадрона, ни безконечный шумъ обозовъ съ аммуниціей и багажомъ не сопровождаютъ ея движеній. Въ какихъ безвѣстныхъ, отдаленныхъ уголкахъ земного шара работаетъ иногда мысль въ головѣ, которая въ одинъ прекрасный день будетъ увѣнчана властью, какой не даетъ и царская корона, потому что короли и цари будутъ въ числѣ слугъ ея. Не надъ головами, а внутри ихъ будетъ властвовать мыслитель и своими идейными комбинаціями, придуманными въ одиночествѣ, какъ магическимъ заклинаніемъ, подчивитъ весь свѣтъ своей волѣ.

LXX. Интересно наблюдать, какъ распространена и вѣчна среди людей любовь къ мудрости; какъ самый знатный баринъ и незначительнѣйшій человѣкъ, гордые князья и грубые мужики и всѣ люди, одинъ, какъ другой, уважаютъ мудрость или то, что они принимаютъ за мудрость, какъ они, въ сущности говоря, ничего другого и не могутъ почитать. Потому что всѣ полчища какого-ниб. Ксеркса со всей ихъ несокрушимой силой не въ состояніи смирить ни одной мысли нашего гордаго сердца. Только передъ нравственнымъ достоинствомъ преклоняется духъ человѣческій, только въ такой душѣ, которая глубже и лучше нашей, можемъ мы увидѣть небесную тайну и, унижаясь передъ ней, мы чувствуемъ, что возвышаемся.

LXXI. Люди рѣдко и почти никогда надолго не возмущаются тѣмъ, что не заслуживаетъ возмущенья. Съ готовностью и ревностно оказываютъ они послушаніе и преданность всему великому, истинно высокому, склоняясь къ ногамъ его со всѣмъ, что у нихъ есть, отдаваясь душой, тѣломъ, сердцемъ и духомъ тому, кто дѣйствительно выше ихъ.

LXXII. Страна, въ которой народъ охваченъ до глубины души какой-нибудь религіозной идеей, завладѣвшей всѣми жителями ея, такая страна сдѣлала шагъ впередъ, послѣ котораго уже нѣтъ возврата къ прошлому. Мысль, сознанье того, что человѣкъ—гражданинъ міра, созданье вѣчности, проникло въ отдаленнѣйшую избу, въ самое безхитростное сердце. Вся жизнь становится прекрасной, достойной уваженья, когда ее осѣняетъ чувство небеснаго призванья, Богомъ возложенной обязанности. Въ такомъ народѣ живетъ вдохновенье, и въ тѣсномъ смыслѣ можно про него сказать: «вдохновеніе Всемогущаго даетъ этимъ людямъ разумъ».

LXXIII. Утѣшительной является истина, что великіе люди существуютъ во множествѣ, хотя они и пребываютъ въ безвѣстности. Да, величайшіе люди наши, именно потому, что они по природѣ *тишайшіе*, вѣроятно тѣ, что навсегда остаются безвѣстными. Философъ Фихте утѣшался этой мыслью, когда съ кафедръ и изъ соборовъ онъ ничего не слыхалъ, кромѣ безконечной болтовни и трескотни честолюбивыхъ вѣщателей общихъ мѣстъ; когда отъ всесторонняго движенья и грохота, замѣнившаго тишину и молчанье, все сбилось въ бурную пѣну, такъ что серьезный Фихте чуть не жалѣлъ, что познанья нельзя обложить налогомъ, чтобъ немного угомонить ихъ; тогда, какъ мы уже сказали, онъ утѣшался несокрушимымъ убѣжденіемъ, что мышленье въ Германіи еще существуетъ, что мыслящіе люди, каждый въ своемъ углу, дѣйствительно исполняютъ свое дѣло, хотя и молчаливо, тайнымъ образомъ, укрывшись отъ взоровъ.

LXXIV. Большой шагъ впередъ, по нашему мнѣнью, заключается въ настоящее время въ ясномъ убѣжденіи, что мы стоимъ на пути къ прогрессу. О томъ, какъ управляетъ нами провидѣнье, какія у него конечныя цѣли, мы ничего или почти ничего не знаемъ; человѣкъ начинаетъ работу во тьмѣ и кончаетъ ее во тьмѣ; тайна повсюду вокругъ

насъ и внутри насъ, подъ нашими ногами и въ нашихъ рукахъ. Не смотря на это каждому хоть то ясно, что человѣчество движется въ какомъ-то направленіи, что всѣ дѣла человѣческія находятся въ движеніи и подвержены безпрестаннымъ измѣненіямъ, какъ и были и будутъ имъ подвержены вѣчно; дѣйствительно, существа существующія во времени и въ силу времени и созданныя изъ времени давно уже должны были это понять.

Люди и герои.

I. Искреннюю радость доставляетъ человѣку возможность восхищаться кѣмъ-нибудь; ничто такъ не возвышаетъ его—хотя бы на короткое время—надъ всѣми мелочными условностями, какъ искреннее восхищеніе. Въ этомъ смыслѣ было сказано: «всѣ люди, въ особенности женщины, склонны къ преклоненію» и преклоняются передъ тѣмъ, что хоть сколько-нибудь того достойно. Можно обожать нѣчто, хотя бы оно было весьма незначительно; но невозможно обожать чистѣйшее, ноющее ничтожество.

II. Я думаю, что уваженіе къ героямъ, въ различныя эпохи проявляющееся различнымъ способомъ, является душой общественныхъ отношеній между людьми и что способъ выраженья этого уваженья служитъ истиннымъ масштабомъ для степени нормальности или ненормальности господствующихъ въ свѣтѣ отношеній.

III. Богатство свѣта состоитъ именно въ оригинальныхъ людяхъ. Благодаря имъ и ихъ произведеніямъ свѣтъ именно свѣтъ, а не пустыня. Воспоминанье о людяхъ и исторія ихъ жизни—сумма его силы, его священная собственность на вѣчныя времена, поддерживающая его и, насколько возможно, помогающая ему проталкиваться впередъ сквозь неизвѣданную еще глубину.

IV. Можно возразить, что я проповѣдую «поклоненіе героямъ». Если хотите, да,—друзья, но поклоненье прежде всего должно выразиться въ томъ, что сами мы будемъ героически настроены. Полный міръ героевъ, вмѣсто цѣлаго міра глупцовъ, въ которомъ ни одинъ доблестный король не можетъ царствовать,—вотъ чего мы добиваемся! Мы со своей стороны отбросимъ все низкое и лживое; тогда мы можемъ надѣяться, что нами будетъ управлять благородство и правда, но не раньше.

V. Сказано: Если сами мы холопы, то для насъ не могутъ быть герои. Мы не узнаемъ героя, если увидимъ его—мы примемъ шарлатана за героя.

VI. Ты и я, другъ мой, мы можемъ въ этомъ отмѣнно глупомъ свѣтѣ быть, каждый изъ насъ, не—глупцемъ, героемъ, если мы захотимъ. Та-

кимъ образомъ, получились бы *два героя* для начала.—Мужайся! такимъ путемъ можно создать цѣлый міръ героевъ или хоть по мѣрѣ возможности содѣйствовать ихъ появленію.

VII. Я предсказываю, что свѣтъ снова станетъ правдивымъ, станетъ свѣтомъ вѣрующихъ людей, будетъ полонъ героическихъ дѣяній, будетъ полонъ геройскаго духа. Тогда, и только тогда, онъ сдѣлается побѣдоноснымъ свѣтомъ. Но что намъ до свѣта и его побѣдъ? Мы, люди, слишкомъ много говоримъ о свѣтѣ. Пусть каждый изъ насъ предоставитъ свѣтъ самому себѣ; развѣ каждому изъ насъ не дана личная жизнь? Жизнь—короткое, очень короткое время между двумя вѣчностями; другой возможности у насъ нѣтъ. Благо намъ, если мы не какъ глупцы и лицемѣры проживаемъ свой вѣкъ, а какъ мудрые, настоящіе, истинные люди. Отъ того, что свѣтъ будетъ спасенъ, мы не спасемся; мы не погибнемъ, если погибнетъ свѣтъ. Обратимъ поэтому вниманье сами на себя. Наша заслуга и нашъ долгъ состоитъ въ выполненіи той работы, которая у насъ подъ рукой. Къ тому же, по правдѣ говоря, я никогда не слыхалъ, чтобъ «свѣтъ» можно было „спасти“ инымъ путемъ. Страсть спасать міры перешла къ намъ отъ XVIII-го вѣка съ его поверхностной сантиментальностью. Не слѣдуетъ увлекаться слишкомъ сильно этой задачей! Спасенье міра я охотно довѣряю ея создателю; самъ же лучше позабочусь насколько возможно о собственномъ спасеньи, на что я имѣю гораздо больше права.

VIII. Великій законъ культуры гласитъ: дайте каждому возможность сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ способенъ быть, дабы онъ могъ развернуться во весь свой ростъ, преодолѣть всѣ препятствія, оттолкнуть отъ себя все чуждое, особенно всякія вредныя наносныя явленія и, наконецъ, предстать въ своемъ собственномъ образѣ, во всемъ своемъ величіи, какого бы рода этотъ образъ и это величіе ни были. Не бываетъ единообразія превосходства ни въ физическомъ, ни въ духовномъ мірѣ—всѣ *настоящія* вещи таковы, какъ онѣ быть должны. Сѣверный олень очень добръ и красивъ, точно также и слонъ.

IX. Наша первая обязанность, подавить чувство страха. Мы должны быть свободны отъ него, иначе мы не можемъ дѣйствовать. Иначе поступки наши—поступки рабовъ; не искренніе, а лишь для глаза, даже мысли наши фальшивы: мы мыслимъ, какъ рабы и трусы, пока мы не научились топтать страхъ ногами. Мы должны быть мужественны, идти впередъ, храбро завоевать свободу—въ спокойной увѣренности, что мы призваны и избраны высшей силой—и не должны бояться. *Насколько человѣкъ побѣждаетъ страхъ, настолько онъ—человѣкъ.*

X. Въ этомъ мірѣ бодрому человѣку, неувѣренному въ столь многомъ, касательно того, *какъ* онъ живетъ, необходимо быть хоть *увѣреннымъ въ себѣ.*

Ни одинъ человѣкъ, желающій сдѣлать что-нибудь значительное, не можетъ надѣяться на успѣхъ, иначе какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы рѣшить: «я хочу совершить это или умереть». Потому что міръ всегда представлялся здравому смыслу каждаго отдѣльнаго человѣка въ большей или меньшей степени, какъ домъ сумасшедшихъ.

XI. Великъ тотъ мигъ, когда до насъ доходитъ вѣсть о свободѣ, когда долго закрѣпощенная душа освобождается отъ своихъ путъ и пробуждается отъ печальнаго стоянія на одномъ мѣстѣ, хотя бы слѣпо и въ замѣшательствѣ и именемъ Создателя клянется, что она *хочетъ быть свободной.* Свободной? Поймите это хорошенько, то ясно, то смутно все существо наше проникнуто глубоко закономъ: будь свободенъ. Свобода—единственная цѣль, къ которой, разумно или нѣтъ, стремится вся борьба,

всѣ старанія людей на землѣ. Да, это высокій мигъ (знакомъ ли онъ тебѣ?): первый взглядъ на охваченный пламенемъ Синай въ пустынѣ нашей жизни—нашего паломничества, которому отнынѣ столбъ дыма днемъ и огненный столбъ ночью будутъ указывать дорогу.

XII. Люди привыкли всѣмъ лицамъ и всѣмъ вещамъ, начиная съ ничтожнѣйшихъ книгъ и кончая церковными епископами и государственными дѣятелями предлагать вопросъ: въ какомъ парикѣ и въ какой черной треуголкѣ гуляешь ты по свѣту? вмѣсто того, чтобъ спросить у нихъ: Кто призвалъ тебя къ дѣятельности? О, Боже! Мнѣ отлично знакома твоя треуголка, отлично извѣстно и то, кто призвалъ тебя. Но во имя Бога спрашиваю я тебя: Кто ты? Что ты собою представляешь? Не-ничто, отвѣчаешь ты! Ну, такъ скажи, насколько же, и что же ты наконецъ—это именно то, чего мнѣ хотѣлось бы знать, и что я долженъ знать и даже скоро!

XIII. Настоящій подвижной человѣкъ, если онъ только не манекенъ, какую бы сущность вы ему ни вложили въ душу, сумѣетъ ее болѣе или менѣе двинуть впередъ. Самое нескладное, безтолковое въ мірѣ онъ сумѣетъ сдѣлать нѣсколько *менѣе* нескладнымъ. Негибкое онъ сдѣлаетъ болѣе подвижнымъ;—вотъ польза отъ его существованія въ мірѣ.

XIV. Прежде всего создайте человѣка; тогда вы уже всего достигли. Онъ можетъ научиться всему—быть сапожникомъ, произносить приговоры, управлять государствами, и все это будетъ сдѣлано такъ, какъ это можно ожидать отъ человѣка. Возьмите съ другой стороны не-человѣка, и у васъ въ рукахъ будетъ ужаснѣйшій «татаринъ» въ мірѣ, который быть можетъ тѣмъ страшнѣй, чѣмъ онъ съ виду тише и мягче. Бѣды, какія способна надѣлать одна только глупая голова, какія способна надѣлать всякая глупая голова въ свѣтѣ, кишащемъ такимъ безконечнымъ множествомъ результатовъ, не поддаются подсчету. Ненастоящій, непонимающій своего дѣла сапожникъ уже можетъ причинить не мало зла, о чемъ свидѣтельствуютъ мозольные операторы и люди, доведенные до необходимости носить съ отчаянія одну лишь войлочную обувь. Подумайте же о томъ, сколько зла можетъ сдѣлать ненастоящій священникъ, ненастоящій король!

XV. Геній, поэтъ,—знаемъ ли мы, что означаютъ эти слова? Подаренная намъ вдохновенная душа, непосредственно изъ великаго горнила природы присланная, чтобъ видѣть правду, вѣщать ее и совершать. Это—священный голосъ природы, раздающійся снова сквозь пустынный, безконечный элементъ слуховъ, болтовни и трусости, въ которомъ заблудился, доведенный до края погибели свѣтъ.

XVI. Геній, о которомъ извѣстная дама сказала, что онъ не имѣетъ пола, ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ къ какому-нибудь сословію; поэтому образованіе не должно гордиться своимъ искусственнымъ свѣтомъ, часто лишь тлѣющимъ или фосфорическимъ, тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ загорѣвшейся искрой Божіей. Мы начинаемъ сознавать, что аристократическая снисходительность, съ учтивой улыбкой съ высоты трона, воздвигнутаго изъ книгъ въ дорогихъ переплетахъ, признающая, что «для человѣка изъ народа это очень мило», совершенно неумѣстна теперь. Настало несчастное время въ исторіи человѣчества, когда наименѣе образованный прежде всего и наименѣе исковерканный и при обиліи выпуклыхъ, вогнутыхъ, зеленыхъ и желтыхъ очковъ не потерялъ способности видѣть собственными глазами. Въ наше время человѣкъ, владѣющій перомъ точно такъ же, какъ и молоткомъ, не долженъ возбуждать удивленія.

Тѣмъ не менѣе снисходительно-доброжелательное отношеніе такъ широко распространено, что намъ кажется полезнымъ взглянуть на оборотную сторону дѣла.

Я полагаю, что для способнаго отъ природы человѣка, имѣющаго въ себѣ зародыши сильнаго характера—особенно, если его склонности указываютъ на поприще литературы и предназначаютъ его быть мыслителемъ и писателемъ—для такого человѣка, говорю я, въ наше странное время не было бы большимъ несчастьемъ вырости среди народа, а не среди образованныхъ людей—быть можетъ это и вовсе бы не было несчастьемъ?

Всѣ люди наталкиваются на избытокъ препятствій, потому что духовный долженъ быть задержанъ и остановленъ, и долженъ пробиваться сквозь затрудненія, иначе онъ совершенно остановится. Мы сознаемъ, что для посредственныхъ личностей безпрестанное воспитаніе и обученіе—языкамъ, танцамъ, правиламъ приличія—какъ это практикуется во всѣхъ странахъ у людей высокопоставленныхъ,—даетъ извѣстное превосходство, въ худшемъ случаѣ кажущееся превосходство надъ средними людьми низшаго класса: такъ что обыкновенно праздный человѣкъ по сравненію съ человѣкомъ трудящимся почти всегда оказывается болѣе милымъ: у него шире кругозоръ, яснѣе. Во многихъ отношеніяхъ, если даже взглянуть на дѣло глубже, онъ имѣетъ преимущество надъ труженикомъ. Противоположно вѣрно лишь для необыкновенныхъ личностей, одаренныхъ зародышемъ неукротимой силы, которая во что бы то ни стало *достигнетъ* развитія. Для такихъ зародышей всего лучше та почва, на которой онъ свободнѣе будетъ расти. Тамъ, гдѣ есть охота, долженъ найтись и путь.

Одновременно съ геніемъ, человѣкъ бываетъ одаренъ и возможностью развитія, даже увѣренностью въ развитіи. Часто случается даже, что неумѣлое окапываніе и удобреніе вреднѣе, чѣмъ отсутствіе ухода, и убиваетъ то, что слѣпой жестокій случай щадитъ. Рѣдко бываетъ, чтобы какой-нибудь Фридрихъ или Наполеонъ воспитывались съ пѣлью подготовить ихъ къ послѣдующей дѣятельности, чаще всего даже они подготовляются совсѣмъ инымъ путемъ, въ одиночествѣ и страданіи, въ нуждѣ и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ наше время мы видимъ двухъ геніальныхъ людей: Байрона и Бернса. Оба они по велѣнію природы должны были стремиться къ зрѣлому мужеству и бороться, преодолѣвая бурю и натискъ тридцать шесть лѣтъ; и все же одинъ только даровитый земледѣлецъ добивается частичной побѣды; геніальный же дворянинъ борется, не жалѣя труда и умираетъ, когда лишь въ отдаленіи слышится обѣщаніе успѣха его дѣятельности. Правда, какъ сказано гдѣ-то: только артишокъ не можетъ расти внѣ сада; желудь бросаютъ куда попало, а онъ питается на невспаханной почвѣ и выростаетъ въ видѣ дуба. Каждый лѣсоводъ подтвердитъ, что жирная земля губительна для желудей. Чѣмъ легче почва, тѣмъ крѣпче и плотнѣе дерево, но тѣмъ оно и ниже ростомъ. То же самое происходитъ и съ духомъ человѣческимъ: онъ будетъ чистъ, лишится своихъ недостатковъ, если онъ станетъ страдать за нихъ. Кто боролся хотя бы только съ бѣдностью и тяжкимъ трудомъ, тотъ оказывается сильнѣе и болѣе свѣдущимъ, чѣмъ тотъ, кто удалился съ поля битвы и осторожно спрятался между обозами съ провіантомъ. Въ этомъ смыслѣ одинъ опытный наблюдатель нашего времени сказалъ: Если мнѣ нужно было отыскать человѣка съ опредѣленно развитымъ характеромъ (опредѣленно и искренно, въ опредѣленныхъ границахъ), человѣка съ умомъ проницательнымъ, мужественнаго, сильнаго духомъ и сердцемъ—а не съ исковерканнымъ характеромъ, съ надменностью, замѣняющей мужество, съ спекулятивнымъ мышленіемъ и призракомъ силы вмѣсто проницательности и мощи, я обратился бы скорѣе къ низшимъ, а не къ высшимъ сословіямъ, и тамъ сталъ бы его искать.

Другое рѣзкое мнѣніе состоитъ въ томъ, что тотъ, чьи потребности

опредѣлены впередъ, чьимъ способностямъ предстоитъ только одна задача, развиться какъ можно лучше, достигаетъ меньшей степени истинной образованности, чѣмъ другой человѣкъ, задача и долгъ коего состоитъ не въ достиженіи образованія, а въ добываніи хлѣба насущнаго тяжелымъ трудомъ. Что за печальная превратность судьбы выражается въ томъ, что столько многообѣщающихъ начинаній задерживаются, и искусство при всемъ богатствѣ своихъ средствъ, ничего не въ состояніи совершить даже тамъ, гдѣ природа сама даетъ матеріалъ. Но жизнь полна зла, точно также, какъ и добра, и богатство средствъ и путей можетъ дойти до опасныхъ размѣровъ, можетъ укрѣпить дурныя склонности, вмѣсто того, чтобы направить ихъ по вѣрной колеѣ. Но что значитъ *необразованность* съ тѣхъ поръ, какъ у насъ есть книги, съ тѣхъ поръ, какъ книги составляютъ часть домашней утвари въ каждой квартирѣ цивилизованныхъ странъ? Въ бѣднѣйшей хижинѣ вы найдете книги, во всякомъ случаѣ, *одну* книгу, изъ которой духъ человѣческій вѣками черпаетъ свѣтъ и пищу и отвѣтъ на глубочайшіе свои запросы; въ которомъ посейчасъ для зрячаго глаза замѣтно отраженіе тайны бытія, если и непоясненной, то хоть открытой и представленной въ видѣ пророческихъ символовъ; если и не удовлетворяющей разумъ, то хоть доступной внутреннему пониманію, что гораздо важнѣе. «Въ книгахъ скрытъ творческій пепелъ феникса всего нашего прошлаго». Все, что люди думали, открыли, перечувствовали и придумали, записано въ книгахъ; и кто научился секрету чтенія, можетъ все это найти и усвоить себѣ.

Но что изъ этого слѣдуетъ? Развѣ образованіе человѣка, то, что мы называемъ образованіемъ, бываетъ закончено въ университетахъ, библіотекахъ и аудиторіяхъ; развѣ живая сила новаго человѣка пробуждается исключительно или главнымъ образомъ мертвой буквой и повѣствованіемъ о силѣ другихъ людей, развѣ иначе она не можетъ загорѣться, и очиститься, и дойти до побѣждающей ясности? Ты неразумный педантъ, съ сожалѣніемъ распространяющійся о невѣдѣніи Шекспира! Шекспиръ проникъ глубоко въ безчисленное множество вещей, въ природу съ ея божественной красотой и ужасами ада, ея хорами свѣтлыхъ ангеловъ и таинственными жалобными стонами; глубоко проникъ онъ въ дѣла людскія, въ искусство и въ уловки искусства. Шекспиръ зналъ многое про людей и про свѣтъ, и про то, къ чему люди стремятся, чего добивались они вѣками въ различныхъ странахъ свѣта; обо всемъ было у него ясное представленіе и умѣніе передать все понятое въ новыхъ образахъ. Въ этомъ и состояло его знаніе; что же знаешь ты? Ничего изъ того, что мы только что назвали, быть можетъ, вообще, ничего. Ты знаешь только про собственные дипломы, документы, академическія почести; только вокабулы да буквы алфавита и то не всѣ. Ясный взглядъ на вещи и свѣжая сила для дѣятельности—вотъ величайшій успѣхъ обученія; упражненіе—лучшій учитель.

Въ наше время совершенно забыто, что человѣкъ прежде всего долженъ быть воспитанъ для работы; мы видимъ послѣдствія этого! Подумайте, какое преимущество имѣютъ необразованные трудящіеся классы надъ образованными и нетрудящимися, только вслѣдствіе того, что они *должны работать*. Работа! Что это за неизмѣримый источникъ образованія! Какъ захватываетъ работа всего человѣка, не только его крошечное теоретическое мышленіе, но всего дѣятельнаго, дѣйствующаго, рѣшительнаго и терпѣливаго человѣка; какъ шагъ за шагомъ пробуждаетъ она дремлющую силу, какъ искореняетъ старое заблужденіе! Кто ничего не дѣлалъ, тотъ ничего не знаетъ. Сидѣть, строить планы и умно говорить ни къ чему не ведетъ: встань и дѣйствуй! Если знанія твои вѣрны, то

примѣняй ихъ, борись съ живой природой, испытай свои теоріи и посмотри какъ выдержатъ онѣ искусъ. Сдѣлай что-нибудь, въ первый разъ въ жизни сдѣлай что-нибудь! Тогда ты сразу станешь лучше понимать всякую дѣятельность, вообще. Работа имѣетъ неограниченное значеніе; при ея помощи скромнѣйшій ремесленникъ добивается великаго и необходимаго, чего не можетъ сдѣлать высоко поставленный человѣкъ, не умѣющій трудиться. Примись за практику, и заблужденіе съ истиной перестанутъ идти рука объ руку: успѣхъ заблужденія заставляетъ тебя запутаться въ квадратномъ корнѣ отрицательной величины; постарайся извлечь его, добыть изъ него какое-нибудь земное содержаніе и жизненную поддержку. Почтенный членъ парламента можетъ открыть, что «предстоитъ реакція», можетъ вѣрить этому и утомительно доказывать это на перекоръ всему міру, сколько ему угодно; онъ не будетъ испытывать отъ этого недостатка въ пищѣ; но если мѣдникъ откроетъ, что мѣдь—зеленый сыръ, то онъ долженъ дѣйствовать сообразно со своимъ открытіемъ и потому долженъ прійти къ заключенію, что, какъ это ни странно, мѣди нельзя жевать, а изъ зеленаго сыра никакъ нельзя получить огнеупорной посуды; что его открытіе, поэтому, не имѣетъ подъ собой твердой почвы, и что о немъ надо забыть. Проведите эту основную разницу черезъ всю жизнь обоихъ людей, и постарайтесь уяснить себѣ ея послѣдствія. Необходимость, нужда, которая въ данномъ случаѣ является матерью точности, давно уже извѣстна, какъ мать изобрѣтательности. Тотъ, кому многаго недостаетъ, кто во многомъ нуждается, долженъ много знать, много трудиться, чтобы только чего-нибудь достигнуть, въ противоположность тому, кому необходимо только знать, что для того, чтобы позвонить, нужно пальцемъ надавить кнопку звонка.

Мы приходимъ къ заключенію, что жизнь человѣческая—школа, въ которой глупые отъ природы—хоть бы ты сталъ толочь ихъ въ ступѣ,—останутся при своей глупости, а умные отъ природы, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства становятся все умнѣе. Однако же, каково должно быть состояніе эры, когда величайшія преимущества превращаются во вредъ! Это знаменательно; вотъ двое геніальныхъ людей, одинъ изъ нихъ ведетъ плугъ, другой катается на четверкѣ съ гербами въ каретѣ; они развиваются,—изъ одного выростаетъ Бернсъ, изъ другого—Байронъ; вотъ двое талантливыхъ людей, одинъ стоитъ въ типографіи, вымазанъ въ сажѣ, живетъ въ тяжелыхъ условіяхъ, исполняя трудную работу; другой работаетъ въ Оксфордскомъ Университетѣ среди словарей и библіотекъ, наемныхъ толкователей и прекрасныхъ условій труда: первый извѣстенъ міру, какъ докторъ Франклинъ, второй—какъ д-ръ Парръ *).

XVII. Геніи—наши настоящіе люди, наши великіе люди, вожди тупоумной толпы, слѣдующей за ними, точно повинуясь велѣніямъ судьбы. Они—избранники свѣта. Они обладали рѣдкой способностью не только «догадываться» и «думать», но *знать и вѣрить*. По натурѣ они склонны были жить, не полагаясь на слухи, а основываясь на опредѣленныя воззрѣніяхъ. Въ то время, какъ другіе, ослѣпленные одной наружной стороной вещей, безцѣльно неслись по великой ярмаркѣ жизни, они разсматривали сущность вещей и шли впередъ, какъ люди, имѣющіе передъ глазами путеводную звѣзду и ступающіе по надежнымъ тропамъ.

XVIII. Сколько есть въ народѣ людей, способныхъ, вообще, *видѣть* незримую справедливость неба и знающихъ, что она всесильна на землѣ,—столько людей стоитъ между народомъ и его паденіемъ. Столько, и не больше. Небесная всемогущая Сила посылаетъ намъ все новыхъ и новыхъ

*) Д-ръ Самуилъ Парръ, педантичный ученый.

людей, имѣющихъ сердце изъ плоти, не изъ камня—а тяжелое несчастье, и такъ уже довольно тяжелое—окажется учителемъ людей!

XIX. Жизнь великаго человѣка, сказалъ кто-то, похожа на Библію, на Евангеліе свободы, проповѣдуемое всѣмъ людямъ и посредствомъ котораго мы узнаемъ, что среди столькихъ невѣрующихъ душъ возвышенный духъ еще не сдѣлался невозможнымъ; это служитъ признакомъ того, что хотя мы окружены пошлостью и презрѣнными дѣлами, природа человѣческая неугасимо божественна; поэтому мы должны придерживаться самой главной вѣры, вѣры въ насъ самихъ.

XX. Подобно тому, какъ величайшее Евангеліе было біографіей, такъ и исторія жизни всякаго хорошаго человѣка несомнѣнно является Евангеліемъ и проповѣдуетъ глазу и сердцу и всему человѣку, такъ что сами діаволы должны дрожать отъ этихъ словъ: «человѣкъ рожденъ божественнымъ, не рабомъ условій и нужды, а побѣдоноснымъ ихъ покорителемъ. Смотри, какъ онъ сознаетъ собственное достоинство и свою свободу и, какъ сказалъ одинъ мыслитель, является «Мессіей природы».

XXI. Начинаютъ понимать, что настоящая сила, которой должно подчиняться все на свѣтѣ, это—проницательность, духовное созерцаніе и рѣшительность. Мысль—мать дѣятельности, она—живая душа ея, не только зачинщица ея, но и охранительница. Мысль, поэтому, служитъ основаніемъ, началомъ и сокровеннѣйшей сущностью всей человѣческой жизни на землѣ. Въ этомъ смыслѣ было сказано, что слово человѣческое—высказанная мысль—магическое изреченіе, которое покоряетъ ему міръ. Развѣ не покорны ему вѣтры и волны и всѣ бушующія силы, безжизненныя точно также, какъ и живыя? Жалкій, совершенно механически дѣйствующій волшебникъ говоритъ, и по его слову окрыленныя огнемъ суда пересѣкаютъ океанъ. Народы раздѣлены раздорами и несогласіями, погружены въ отчаяніе и мрачную хаотическую злобу, но раздается тихій голосъ еврейскаго мученика и освободителя, и онъ успокаиваетъ и миритъ людей. Земля становится привѣтливой и прекрасной, ужасающая жестокость замѣняется миролюбивымъ отношеніемъ людей другъ къ другу. Настоящій властитель міра, по своему желанію преобразующій свѣтъ, какъ мягкій воскъ, это тотъ, кто съ любовью взираетъ на міръ, это вдохновенный мыслитель, въ наше время называемый поэтомъ.

XXII. То, что Гете былъ великимъ учителемъ человѣчества одно уже доказываетъ, что онъ былъ также и хорошимъ человѣкомъ, что самъ онъ учился, въ школѣ опыта боролся и наконецъ побѣдилъ. Для сколькихъ сердецъ, томившихся въ тѣсной тюрьмѣ невѣрія—настоящемъ ничто, пустомъ пространствѣ—и близкихъ къ смерти, увѣреніе, что такой человѣкъ существовалъ, что такой человѣкъ оказался возможнымъ, было радостной вѣстью! Тотъ, кто хочетъ сумѣть привести въ единство благоговѣніе съ ясностью мысли, отрицать то, что можно, бороться съ неправдой и въ то же время вѣритъ въ правду и поклоняться ей; среди бушующихъ партій, думающихъ лишь о томъ, что либо совершенно пусто, либо можетъ продержаться всего одинъ день, вызывающихъ конвульсіи распадающагося, умирающаго общественнаго строя, дергая его во всѣ стороны, среди партій этихъ оставаться на вѣрномъ пути и работая для свѣта, оставаться чистымъ передъ свѣтомъ—кто этому хочетъ научиться, пусть взглянетъ сюда. Этотъ человѣкъ былъ нравственно великъ, потому что онъ въ свое время былъ тѣмъ, чѣмъ въ иныя времена могли быть многіе люди—настоящимъ человѣкомъ. Его величайшее преимущество передъ другими состояло въ его неподдѣльности. Точно также, какъ главными качествами его ума были—мудрость, глубина и сила міровоззрѣнія, такъ основнымъ нравственнымъ качествомъ его была справедливость, мужество быть спра-

вспыльчивымъ. Мы въ немъ восхищались силой великана, но силой, благородно превращенной въ кроткую мягкость, подобно безмолвной, опоясанной скалами силѣ міра, изъ нѣдръ коего выростаютъ цвѣты, хотя почва покоится на алмазахъ. Величайшее изъ всѣхъ сердецъ было и храбрѣйшее, безстрашное, неутомимое, миролюбивое, несокрушимое. Онъ былъ завершеннымъ человѣкомъ: трепещущая чувствительность, дикій энтузіазмъ Миньоны уживается съ язвительной ироніей Мефистофеля, и каждая сторона его многосторонней жизни получаетъ отъ него, что ей получить надлежитъ.

XXIII. Что онъ былъ справедливый, сердцемъ понимающій человѣкъ, это какъ основаніе всякаго истиннаго таланта, предлагается впередъ. Какъ можетъ человѣкъ безъ яснаго взгляда въ сердцѣ своемъ имѣть ясный взглядъ въ головѣ?

XXIV. Умные и мужественные люди составляютъ, собственно говоря, лишь *одинъ* классъ. Не бываетъ мудраго или умнаго человѣка, который прежде всего не долженъ былъ бы быть бодрымъ и мужественнымъ, иначе онъ никогда не сталъ бы мудрымъ. Благородный пастырь всегда былъ благороднымъ борцомъ вначалѣ, а потомъ уже чѣмъ-то большимъ. Еслибъ Лютеръ, Нокъ, Ансельмъ, Беккетъ, Самуилъ Джонсонъ не были съ самаго начала достаточно сильны и храбры, какими судьбами могли бы они когда-нибудь сдѣлаться мудрыми и умными?

XXV. Какъ бы часто намъ ни внушали, что болѣе близкое и подробное ознакомленіе съ людьми и вещами уменьшитъ наше восхищеніе или, что только темное и наполовину незнакомое можетъ казаться возвышеннымъ, мы все-таки не должны этому безусловно вѣрить. И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, не знаніе, а лишь немного знанія заставляетъ гордиться и на мѣсто восхищенія узнаннымъ предметомъ ставитъ восхищеніе самимъ узнавшимъ. Для поверхностно-образованнаго человѣка, усыпанное звѣздами, механически вращающееся небо не представляетъ собою, быть-можетъ, ничего удивительнаго; оно кажется ему менѣе удивительнымъ, чѣмъ видѣніе Якова. Для Ньютона же оно удивительнѣе этого видѣнія, потому что тутъ, на небѣ, царитъ еще все тотъ же Богъ, и священныя вліянія и по сейчасъ еще, какъ ангелы, подымаются вверхъ и спускаются внизъ, и это ясное созерцаніе дѣлаетъ остальную тайну еще глубже, еще божественнѣе. То же самое происходитъ и съ истиннымъ душевнымъ величіемъ, въ общемъ, теорія „нѣтъ великаго человѣка для его камердинера“ намъ мало помогаетъ въ освѣщеніи истинной природы этого случая. Кромѣ довольно ясной поверхности этого утвержденія оно еще можетъ быть примѣнено лишь къ поддѣльнымъ, ненастоящимъ героямъ или къ слишкомъ настоящимъ лакеямъ. Для добраго Эльвуда Мильтонъ всегда оставался героемъ.

XXVI. Во всякомъ случаѣ гораздо легче и гораздо менѣе благородно находить ошибки, чѣмъ раскрывать красоты. Критикующая муха, садясь на колонну или карнизъ великолѣпнаго зданія, будетъ въ состояніи указать тутъ на пятно, тамъ на шероховатость, однимъ словомъ, не смотря на то, что взоръ ея простирается не далѣе полъ-дюйма, она сумѣетъ найти, что тотъ или иной отдѣльный камень совсѣмъ не такой, какимъ онъ быть долженъ. Въ этомъ критикующая муха будетъ права. Но для того, чтобъ понимать красивыя пропорціи цѣлаго, чтобъ видѣть все зданіе, какъ единый предметъ, чтобъ оцѣнить его цѣлесообразность, устройство различныхъ частей и ихъ гармоничное совмѣстное служеніе требуемой цѣли, нужно имѣть глазъ и пониманіе знатока.

XXVII. Существенно заблуждаются тѣ, кто считаетъ вспыльчивость и упрямство признаками силы. Кто подверженъ припадкамъ судороги,

тотъ не силенъ, хотя требуется шесть человѣкъ на то, чтобы сдержать его. Тотъ силенъ, кто можетъ тащить, не спотыкаясь, самый тяжелый грузъ. Это мы всегда должны помнить, въ особенности въ теперешніе крикливые дни. Кто не умѣетъ *молчать*, пока не настаетъ пора говорить и дѣйствовать, тотъ не настоящій человѣкъ.

XXVIII. Развѣ мысли, истинный трудъ, всякая высокая добродѣтель—не дѣти страданья? Словно рожденные изъ чернаго вихря.—Истинное напряженіе,—подобное усиліямъ узника вырваться на свободу—вотъ что такое мысль. Мы совершенствуемся путемъ страданій.

XXIX. При какихъ обстоятельствахъ приходится иногда мудрости бороться съ глупостью и убѣждать глупость, чтобы она согласилась на защиту мудрости!

XXX. Жизнь великаго человѣка—не веселый танецъ, а битва и походъ, борьба съ властелинами и цѣлыми княжествами. Его жизнь—не праздная прогулка по душистымъ апельсиновымъ рощамъ и зеленымъ цвѣтущимъ лугамъ въ сопровожденіи поющихъ музъ и румяныхъ Горъ, а серьезное паломничество черезъ знойныя пустыни, черезъ страны, покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Онъ странствуетъ среди людей; онъ любитъ ихъ неизъяснимой, нѣжной любовью, смѣшанной съ состраданіемъ, любовью, какой они его любить въ отвѣтъ не могутъ, но душа его живетъ въ одиночествѣ, въ далекихъ областяхъ творенія. Въ зеленыхъ оазахъ, въ тѣни пальмовыхъ деревьевъ у ручья отдыхаетъ онъ на мгновенье, но долго оставаться тамъ не можетъ, гонимый страхомъ и блескомъ, діаволами и архангелами. Все небо сопровождаетъ его. Весело сіяющія звѣзды посылаютъ ему вѣсти изъ неизмѣримости; могилы, молчаливыя, какъ скрытые въ нихъ покойники,—говорятъ ему о вѣчности. О, свѣтъ, какъ тебѣ застраховать себя отъ этого человѣка? Ты не можешь нанять его за деньги и не можешь также обуздать его висѣлицей и законами. Онъ ускользаетъ отъ тебя, какъ духъ. Его мѣсто среди звѣздъ на небѣ. *Тебѣ* это можетъ казаться важнымъ, *тебѣ* это можетъ представляться вопросомъ жизни и смерти, но ему безразлично, дашь ли ты ему мѣсто въ низкой хижинѣ на то время, пока онъ живетъ на землѣ, или отведешь ему помѣщеніе въ своей, столь громадной для тебя башнѣ. Земныя радости, тѣ, которыя дѣйствительно цѣнны, не зависятъ отъ тебя или отъ твоего содѣйствія. Пища, одежда и вокругъ уютнаго очага души, любимыя имъ—вотъ его достояніе. Онъ не ищетъ твоихъ наградъ. Замѣть, онъ и не боится ни одного изъ твоихъ наказаній. Даже убивая его, ты ничего не добьешься. О, если бы этотъ человѣкъ, изъ глазъ котораго сверкаетъ небесная молнія, не былъ насквозь пропитанъ Божіей справедливостью, человѣческимъ благородствомъ, правдивостью и добротой,—тогда я дрожалъ бы за судьбу свѣта. Но сила его—на наше счастье—состоитъ изъ суммы справедливости, храбрости и состраданія, живущей въ немъ. При видѣ лицемѣровъ и выряженныхъ стараніями портного высокопоставленныхъ шарлатановъ глаза его сверкаютъ молніей; но они смягчаются милосердіемъ и нѣжностью при видѣ униженныхъ и придавленныхъ. Его сердце, его мысли—святилище для всѣхъ несчастныхъ. Прогрессъ обезпеченъ навсегда.

Но имѣешь ли ты представленіе о томъ, что такое геніальный человѣкъ? Геній—«вдохновенный даръ Божій». Это—бытіе Бога, ясно выраженное въ человѣкѣ. Болѣе или менѣе скрытое въ другихъ людяхъ, оно въ этомъ человѣкѣ замѣтно яснѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Такъ говоритъ Мильтонъ, а онъ долженъ былъ въ этомъ что-нибудь понимать; такъ говорятъ ему въ отвѣтъ голоса всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тебѣ хотѣлось бы вести знакомство съ такимъ человѣкомъ? Такъ будь,

дѣйствительно, подобенъ ему. Въ твоей ли это власти? Познай себя и свое настоящее, а также и кажущееся мѣсто и познай его и его настоящее и кажущееся мѣсто, и дѣйствуй сообразно со всѣмъ этимъ.

XXXI. Голодъ и нищета, опасности и поношенія, тюрьма, крестъ и кубокъ съ ядомъ—вотъ что почти во всѣ времена и во всѣхъ странахъ было рыночной цѣной, предлагаемой свѣтомъ за мудрость — тотъ доброжелательный пріемъ, который онъ оказывалъ тому, кто приходилъ, чтобы просвѣтить или очистить его. Гомеръ и Сократъ и апостолы христіанства принадлежатъ къ древнимъ временамъ, но мартирологія свѣта на нихъ не остановилась. Роджеръ Бэконъ и Галилей изнываютъ въ тюрьмахъ духовенства, Тассо груститъ въ кельѣ въ сумасшедшемъ домѣ, Камоэсъ (Camões) умираетъ нищимъ на улицахъ Лиссабона. Такъ небрежно относились люди къ пророкамъ, такъ преслѣдовали они ихъ не только въ Іудеѣ, но и вездѣ, гдѣ только жили люди.

XXXII. Это естественный ходъ вещей, это исторія божественнаго во всѣхъ странахъ, во всѣ времена. Какой Богъ могъ когда-нибудь пробиться въ открытыя церковныя собранія или въ какой-нибудь сколько-нибудь вліятельный синедріонъ? Когда какое-либо божество было «пріятно» людямъ? Обыкновенный порядокъ вещей состоитъ въ томъ, что люди вѣшаютъ своихъ боговъ, убиваютъ, распинаютъ на крестѣ и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій топчутъ ихъ ногами, пока они вдругъ открываютъ, что то были боги, когда они опять-таки на очень глупый манеръ начинаютъ блеять и кричать. Такъ говоритъ саркастическій наблюдатель, и слова его, къ сожалѣнію, глубоко истинны.

XXXIII. Въ сущности говоря, геніальному человѣку стыдно жаловаться. Развѣ въ его груди не горитъ небесный свѣтъ, по сравненію съ которымъ сіяніе всѣхъ троновъ земныхъ лишь ночь и тьма? Какъ же голова, украшенная такой короной, можетъ роптать на то, что корона неудобно сидитъ на ней? Современный жрецъ мудрости долженъ либо терпѣливо переносить мелкія постигающія его непріятности и искушенія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и болѣзнь, либо онъ долженъ сознаться, что фанатики и безумцы древности были лучшими служителями Бога, чѣмъ онъ.

XXXIV. «Неужели мнѣ можетъ казаться тяжелымъ», говорилъ Кеплеръ въ своемъ одиночествѣ и въ гнетущей нуждѣ: «что люди ничего не хотятъ знать о моемъ открытіи? Если всемогущій Богъ шесть тысячъ лѣтъ ждалъ человѣка, который увидѣлъ бы то, что онъ сотворилъ, то и я могу подождать лѣтъ двѣсти, пока найдется кто-нибудь, кто пойметъ то, что я увидалъ!»

XXXV. Мы вовсе не думаемъ, что непоколебимая серьезность составляетъ существенное условіе величія, и что великій человѣкъ никогда не долженъ показываться иначе, какъ съ пристальнымъ взоромъ и уксуснокислой миной, никогда не долженъ смѣяться и радоваться! На свѣтѣ есть вещи, надъ которыми нужно посмѣяться, какъ есть и такія, которыя достойны восхищенія, и никто не можетъ хвастаться всеобъемлющимъ умомъ, если онъ не умѣетъ воздать каждой вещи должное.

Тѣмъ не менѣе презрѣніе—опасный элементъ, если мы хотимъ на немъ играть, и смертельный, если мы привыкаемъ съ нимъ жить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ человѣкъ провести великія предпріятія, взять на себя трудъ и усталость и противиться искушенію, если онъ не горячо любитъ преслѣдуемую цѣль? Способность къ любви, къ восхищенію можно разсматривать какъ отличительный признакъ и мѣрило возвышенныхъ душъ. Неразумно направленная, она ведетъ къ немалому количеству бѣдъ, но безъ нея не можетъ быть ничего хорошаго.

XXXVI. Въ современномъ обществѣ, точно также, какъ и въ древнемъ и во всякомъ другомъ, аристократы, или тѣ, что присвоили себѣ функціи аристократовъ — независимо отъ того, выполняютъ ли они ихъ, или нѣтъ, — заняли почетный постъ, который является одновременно и постомъ затрудненій, постомъ опасности—даже постомъ смерти, если затрудненія не удается преодолѣть. «Il faut payer de sa vie».

Это и есть настоящій, истинный законъ. Всюду, постоянно долженъ человѣкъ «расплачиваться цѣною жизни», онъ долженъ, какъ солдатъ, исполнять свое дѣло насчетъ своей жизни.

XXXVII. Тотъ, кто не можетъ быть слугою многихъ, никогда и не можетъ быть господиномъ и истиннымъ вождемъ и освободителемъ многихъ; въ этомъ значеніе настоящаго совершенства.

XXXVIII. Знатный классъ, не имѣющій никакихъ обязанностей, похожъ на посаженное надъ обрывомъ дерево, съ корней котораго осыпалась вся земля. Природа ни одного человѣка не признаетъ своимъ, если онъ не является мученикомъ въ какомъ-нибудь отношеніи. Неужели, дѣйствительно, существуетъ на свѣтѣ человѣкъ, который роскошно живетъ, застрахованный отъ какой бы то ни было работы, отъ нужды, опасности и заботъ,—побѣда надъ коими и считается работой,—такъ что ему только остается нѣжиться на мягкомъ ложѣ, а всю нужную для него работу и борьбу заставляетъ другихъ исполнить?

XXXIX. Въ чемъ, собственно говоря, состоитъ благородство? Въ томъ, чтобы храбро страдать за другихъ, а никакъ не въ томъ, чтобы лѣниво заставлять другихъ страдать за себя. Вождемъ людей бываетъ тотъ, кто стоитъ передъ переднимъ рядомъ людей, кто пренебрегаетъ опасностью, передъ которой другіе отступаютъ въ страхѣ, опасностью, грозящей погубить другихъ, если ее не одолѣютъ. Всякій благородный вѣнецъ—вѣнецъ терновый.

XL. Трудящійся свѣтъ точно также, какъ и воинственный свѣтъ, не можетъ функціонировать безъ благороднаго рыцарства поступковъ и безъ соотвѣтственныхъ законовъ и правилъ.

XLI. Предводители труда, — если только трудъ когда-нибудь дастъ руководить собою,—будутъ фактическіе начальники или полководцы свѣта. Если въ нихъ нѣтъ благородства, то на свѣтѣ никогда больше не будетъ аристократіи. Но начальники труда должны хорошенько принять къ свѣдѣнію, что они созданы изъ другого матеріала, чѣмъ прежніе начальники кровавой рѣзни. Начальники труда—истинные борцы, и отнынѣ должны быть признаны единственными истинными борцами. Они борятся съ хаосомъ, съ безпорядкомъ, съ чертями и вовлекаютъ человѣчество въ единственную великую и праведную всеобщую войну. Звѣзды на небѣ борются за нихъ и вся земля внятно говоритъ: «Такъ хорошо!» Пусть же предводители труда изслѣдуютъ собственное сердце и торжественно спросятъ себя, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь другого, кромѣ жажды тонкихъ винъ и зависти къ позолоченнымъ экипажамъ? О сердцахъ, сотворенныхъ всемогущимъ Богомъ,—мнѣ не хотѣлось бы этого думать, да я этому никогда и не повѣрю.

XLII. Храбрые полки рабочихъ должны законнымъ образомъ стать вашими, они должны систематически удерживаться въ вашей средѣ путемъ справедливаго участія въ общихъ завоеваніяхъ и должны быть связаны съ вами совершенно иными и болѣе крѣпкими узами, нежели временной поденной платой и сдѣлаться вашими истинными братьями и сыновьями.

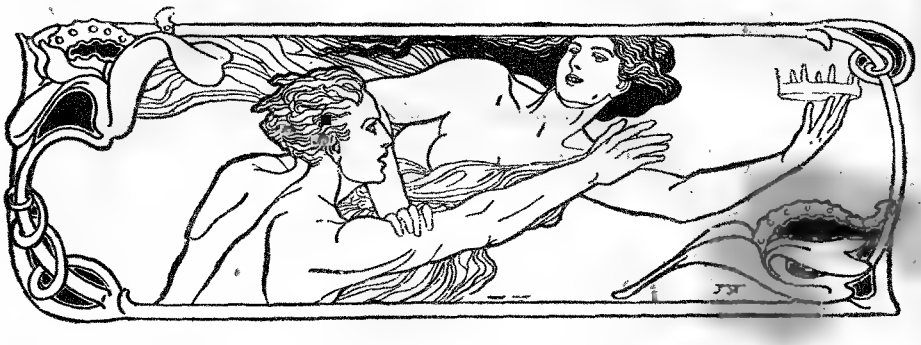
XLIII. Уважай немногочисленное меньшинство, если оно окажется искреннимъ. Его борьба иногда трудна, но всегда оканчивается побѣдой,

какъ борьба боговъ. Сыновья Танкреда д' Отвиль приблизительно восемьсотъ лѣтъ тому назадъ завоевали всю Италію, соединили ее въ органическія массы, своего рода живое расчлененіе: они основали троны и княжества. Этихъ норманновъ было четыре тысячи человѣкъ. Въ Италіи, покоренной ими въ открытомъ бою и раздѣленной по ихъ усмотрѣнію на части, насчитывалось до восьми милліоновъ населенія, состоящаго изъ такихъ же высокихъ ростомъ, чернобородыхъ людей, какъ и тѣ. Какъ же случилось, что немногочисленное меньшинство норманновъ побѣдило въ этой, повидимому, безнадежной борьбѣ? По существу, несомнѣнно, побѣда потому осталась за ними, что на ихъ сторонѣ была правда, что они смутно, инстинктивно слѣдовали повелѣнію неба и что небо рѣшило, что они должны побѣдить. Къ тому же присоединялось то обстоятельство—я это ясно вижу,—что норманны не боялись и готовы были въ случаѣ надобности умереть за свое дѣло. Обдумайте это: *одинъ* такой человѣкъ противъ тысячи другихъ! Пусть незначительное меньшинство не унываетъ! Вся вселенная стоитъ за него и туча невидимыхъ свидѣтелей глядитъ на него съ высоты.

XLIV. Что касается власти «общественнаго мнѣнія», то всѣмъ намъ она хорошо знакома. Ее признаютъ необходимо нужной и полезной и уважаютъ ее соотвѣтственно, но ее ни кѣмъ образомъ не считаютъ рѣшающей или божественной силой. Намъ хочется спросить: какое божественное, какое дѣйствительно великое дѣло было когда-либо совершенно силой общественнаго мнѣнія? Эта ли сила побудила Колумба отправиться въ Америку, или заставила Іоанна Кеплера промѣнять пышное житье въ толпѣ астрологовъ и скомороховъ Рудольфа на нужду и голодъ, терпя которые онъ открылъ истинную звѣздную систему?

XLV. Уже много разъ было сказано и снова необходимо подчеркнуть, что всѣ реформы, за исключеніемъ нравственныхъ реформъ, оказываются безполезными. Политическія реформы, довольно страстно желаемыя, могутъ, дѣйствительно, вырвать съ корнемъ сорную траву (ядовитый болиголовъ, обильно растущій ненужный горецъ) но послѣ этого почва остается голой, и еще вопросъ, что будетъ на ней произрастать, благородные ли плоды или новая сорная трава. Нравственную реформу мы можемъ ожидать лишь такимъ образомъ, что появится все больше и больше добрыхъ людей, присланныхъ всеблагимъ провидѣніемъ, чтобы сѣять добрыя сѣмена; *сѣять* въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ падаютъ крупинки сѣмянъ съ живыхъ деревьевъ. Въ этомъ всегда и вездѣ состоитъ натура хорошаго человѣка; онъ таинственный творческій центръ добра: его вліяніе не поддается вычисленію, потому что дѣла его не умираютъ; они берутъ начало въ вѣчности и продолжаются вѣчно; въ новыхъ превращеніяхъ, распространяясь все шире и шире, живутъ они на свѣтѣ, и раздаютъ жизнь. Тотъ, кто приходитъ въ отчаяніе отъ гнусности и ни-

зости настоящаго времени, кто считаетъ, что теперь Діогену нужны были бы *два* фонаря средь бѣла дня, должны обдумать слѣдующее: надъ своимъ временемъ человѣкъ не имѣетъ власти; ему не дано спасти падшій міръ; только надъ отдѣльными человѣкомъ мы имѣемъ полную, неограниченную, несокрушимую власть. Такъ употреби же эту власть, читатель, человѣка спаси, сдѣлай его честнымъ, и тогда можешь считать, что ты кое-что сдѣлалъ, что ты многое сдѣлалъ, и что жизнь твоя и дѣятельность были не напрасны.



Ложные пути и цѣли.

I. Это дѣйствительно такъ. «Мы забыли Бога», выражаясь старинным діалогомъ или—говоря новѣйшимъ языкомъ и по правдивой сущности самаго предмета, мы охватили фактъ этой *власти не такъ, какъ онъ есть*. Мы спокойно закрыли глаза на вѣчное ядро вещей и открыли ихъ только на видимость вещей. Мы спокойно вѣримъ въ то, что вселенная, по внутренней сущности, представляетъ одно большое, непонятное «можетъ быть».

По своей наружной сущности вселенная представляется несомнѣнно достаточно большимъ, помѣстительнымъ хлѣвомъ и рабочимъ домомъ, съ огромной кухней и длинными обѣденными столами,—и только тотъ оказывается умнымъ, кто можетъ найти мѣсто за нимъ. Всякая правда этой вселенной сомнительна, и для практическаго человѣка остаются очень ясными только прибыль и убытокъ, пуддингъ и хвала свѣта.

II. Дѣло, въ сущности, обстоитъ не иначе и съ націями, которыя становятся несчастными и безпомощными.

Древніе руководители націй: пророки, священники или какъ бы ихъ иначе ни называли, очень хорошо знали это и самымъ убѣдительнымъ образомъ проводили это ученіе до новыхъ временъ, чтобы внушать его, по возможности глубже. Современные руководители націи, у которыхъ также много названій, какъ напримѣръ: журналисты, политико-экономы, политики и другіе совершенно забыли объ этомъ и готовы это отрицать.

Но, тѣмъ не менѣе, это вѣчно останется неотрицаемымъ, и точно также нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что насъ всѣхъ учатъ этому, дабы мы всѣ это снова познали. Насъ всѣхъ бичуютъ и наказываютъ до тѣхъ поръ, пока мы этому не научимся и къ концу концовъ мы научимся этому или насъ будутъ бичевать до смерти, потому, что это неотрицаемо!

Если нація несчастна, то древній былъ правъ и не неправъ, когда онъ говорилъ ей: «Вы забыли Бога, вы оставили пути Божіи, иначе вы не стали бы несчастными. Вы жили и вели себя не по законамъ истины, а по законамъ лжи и обмана и умышленно или неумышленно не признавали истины.

III. На свѣтѣ ночь и много времени еще пройдетъ, пока наступитъ день. Мы странствуемъ среди тлѣнія дымящихся развалинъ и солнце и звѣзды небесныя на время какъ бы совершенно уничтожены и два неизмѣримыхъ фантома: *ханжество* и *атеизмъ*, вмѣстѣ съ прожорливымъ чудовищемъ, *чувственностью*, гордо шествуютъ по землѣ и называютъ ее своею собственностью. Лучше всѣхъ чувствуютъ себя спящіе, для которыхъ существованіе представляетъ собою обманчивый сонъ.

IV. Такія *поколѣнія*, какъ наше, играютъ замѣчательную роль во всемірной исторіи. Точно обезьяны сидятъ они вокругъ костра въ лѣсу и не умѣютъ даже поддерживать его и двинуться дальше,—вѣроятно въ хаосъ,—въ страну, гора Сіонъ коей Бедламъ *). Выходитъ, что свѣтъ состоитъ не только изъ съѣдобнаго и напитковъ, изъ газетныхъ рекламъ, позолоченныхъ экипажей, суеты и мишуры; нѣтъ, изъ совершенно другого матеріала.

Древніе римляне,—какими ихъ изображаетъ Светоній,—огрубѣлые, болтливые греки временъ вырожденія Римской Имперіи; у насъ есть еще много другихъ примѣровъ: Помните ихъ, учитесь по нимъ, не увеличивайте еще ихъ числа. Безъ геройства—не подражательнаго и переданнаго геройства—безъ выраженнаго или молчаливаго чувства, которое придаетъ человѣческой жизни подобіе Божества,—не было бы Рима; вотъ именно то, что создало древній Римъ, древнюю Грецію и Іудею. Обезьяны со сверкающими глазами сидятъ на корточкахъ вокругъ костра, котораго онѣ даже не умѣютъ поддерживать свѣжимъ запасомъ дровъ; онѣ говорятъ, что онъ и такъ будетъ дальше горѣть, безъ дровъ, или, говорятъ онѣ, что онъ вѣчно гаснетъ; это печальное явленіе.

V. Многіе люди умерли; всѣ люди должны умереть; нашъ самый послѣдній уходъ происходитъ въ огненной колесницѣ боли. Но печально и жалко, когда человѣку приходится существовать, не зная для чего, усиленно работать и ничего при этомъ не наживать, съ усталою душою и съ тяжелымъ сердцемъ стоять одинокимъ и окруженнымъ всеобщимъ, холоднымъ «laissez faire»; быть принужденнымъ медленно умирать въ теченіе всей своей жизни и быть заключеннымъ въ глухую, мертвую, безконечную справедливость, какъ въ проклятомъ, желѣзномъ чревѣ Молоха! Это есть и всегда останется невыносимымъ для всѣхъ людей, созданныхъ Богомъ.

VI. Нельзя бродить ни по какой большой дорогѣ и даже не по самой глухой тропинкѣ современной жизни, безъ того, чтобы не встрѣтить человѣка или какого-нибудь человѣческаго интереса, который потерялъ бы надежду на Божество и на истину и направилъ бы свою надежду на нѣчто временное, наполовину или совсѣмъ обманчивое. Достопочтенные члены парламента жалуются на то, что Іоркширскіе суконщики фальсифицируютъ свой товаръ. Господи! даже бумага, на которой я пишу и та, кажется, отчасти изготовлена изъ хорошо полированной извести и затрудняетъ мое писаніе. Вѣдь это счастье, если можно теперь получить дѣйствительно хорошую бумагу—и вообще какую нибудь хорошо выполненную работу, гдѣ бы ее ни искать, начиная съ высочайшихъ вершинъ фантазіи и кончая самымъ низкимъ заколдованнымъ основаніемъ.

Возьмемъ для примѣра огромную шляпу, вышиною въ семь футовъ, которая разгуливаетъ теперь по улицамъ Лондона и на которую другъ мой «Кислое Тѣсто» основательно смотритъ, какъ на одну изъ нашихъ англійскихъ достопримѣчательностей. «Далъ бы Богъ», говорилъ онъ, чтобы это былъ кульминаціонный пунктъ, котораго уже достигло англійское шар-

*) Извѣстная больница для душевно-больныхъ въ Лондонѣ.

латанство и чтобы можно было отъ него вернуться обратно» Шляпочникъ съ Лондонскаго Странда,—вмѣсто того, чтобы дѣлать лучшія фетровыя шляпы,—сажаетъ громадную папковую шляпу, въ семь футовъ вышиною на колеса, заставляетъ человѣка катать ее по городу и надѣется такимъ образомъ найти свое благо. Онъ не пробовалъ дѣлать лучшихъ шляпъ, нежели требовала отъ него вселенная и какія онъ, вѣроятно, могъ бы сдѣлать при своихъ способностяхъ, но сосредоточиваетъ все свое усердіе на томъ, чтобы уговорить насъ, что онъ сдѣлалъ лучшія шляпы! Онъ самъ знаетъ, что Шарлатанъ сталъ Богомъ. Не смѣйся надъ нимъ, читатель, только не смѣйся! Онъ пересталъ быть смѣшнымъ; онъ быстрымъ темпомъ становится трагичнымъ.

Вотъ въ чемъ собственно заключается вся бѣда; центръ всеобщей соціальной язвы, которая угрожаетъ всему современному строю страшною смертью.

VII. Въ человѣческой общественной жизни не циркулируетъ теперь здоровая кровь, а какъ будто діаметрально противоположныя ей купоросныя чернила,—и все стало острымъ и ѣдкимъ и угрожаетъ распаденіемъ, и ужасная, шумная общественная жизнь стала нагальванизированною и какъ бы въ самомъ дѣлѣ объята дьяволомъ. Однимъ словомъ, Маммонъ отнюдь не Богъ, а дьяволъ и при томъ весьма достойный презрѣнія. Слушайтесь въ точности дьявола и вы можете быть увѣрены въ томъ, что пойдете къ чорту—куда же вамъ еще больше идти?

VIII. Можетъ быть мало разсказовъ изъ исторіи или миѳологіи имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ мусульманскій разсказъ о Моисеѣ и сосѣднихъ жителяхъ Мертваго моря. Извѣстное поколѣніе людей жило на берегахъ этого Асфальтоваго моря и такъ какъ они—какъ и всѣ мы склонны это дѣлать—забыли внутреннюю сущность природы и привыкли лишь къ обманчивой наружности лжи,—то они впали въ печальное состояніе.

Тогда милостивому небу благоугодно стало послать къ нимъ пророка Моисея съ поучительнымъ словомъ предостереженія, изъ котораго они могли бы почерпнуть немало полезныхъ правилъ. Но не тутъ-то было; люди у Мертваго моря не нашли ничего привлекательнаго въ Моисеѣ, что и слѣдовало ожидать отъ рабскаго народа по отношенію къ герою или пророку. Поэтому они слушали его неохотно, или съ пошлыми насмѣшками и издѣвательствами; они даже зѣвали и давали понять, что считаютъ его хвастуномъ и лишь скучнымъ болтуномъ. Итакъ, люди съ Асфальтоваго моря откровенно рѣшили, что онъ, очевидно, шарлатанъ и во всякомъ случаѣ пустой болтунъ. Моисей ушелъ, а природа и строгія истины ея все же остались. Въ слѣдующій разъ, когда онъ посѣтилъ жителей Мертваго моря, они всѣ превратились въ обезьянъ.

Они сидѣли на деревьяхъ, скалили зубы самымъ естественнымъ образомъ, болтали сущую ерунду и вся вселенная представлялась имъ лишь однимъ сплошнымъ призракомъ И дѣйствительно, вселенная стала призракомъ для обезьянъ, которыя такъ смотрѣли на нее. Такъ сидятъ онѣ и болтаютъ понынѣ и только каждую субботу, въ нихъ какъ-будто пробуждается смутное, полусознательное воспоминаніе и они своими слабыми глазами глядятъ на дивныя, смутныя очертанія предметовъ. Впечатлѣнія, которыя производятъ на нихъ эти явленія, они по временамъ выражаютъ лишь въ формѣ неблагозвучныхъ, рѣзкихъ звуковъ и мяуканія; это самый настоящій и трагическій призракъ, который можетъ представиться уму человѣка или обезьяны. Онѣ не дѣлали никакого употребленія изъ своихъ душъ и поэтому онѣ потеряли ихъ.

Субботняя молитва ихъ заключается лишь въ томъ, что онѣ сидятъ на деревьяхъ, непріятно кричатъ и какъ бы стараются вспомнить, что у нихъ когда-то были души.

Развѣ тебѣ, путникъ, не приходилось никогда наталкиваться на группы такихъ созданій? Насколько мнѣ кажется,—онѣ въ наше время стали достаточно многочисленными.

IX. Когда исчезли идеалы, истина и благородство, которые были въ людяхъ, и не остается ничего, кромѣ одного только эгоизма и жадности, то жизнь становится немыслимою и самая древняя судьба, мать вселенной, безпощадно приговариваетъ человѣка къ смерти. Нарѣдка лишь избираютъ они себѣ какую нибудь легкую и удобную философію ѣды и питья и говорятъ во время жеванія и пережевыванія, которое они называютъ часами размышленія: «Душа, радуйся; это очень хорошо, что ты стала душою дьявола»,—и очень часто,—раньше чѣмъ они успѣютъ очнуться,—начинается ихъ предсмертная агонія.

X. А все жаль, что души наши пропадаютъ. Мы, конечно, должны будемъ ихъ снова отыскать, иначе намъ станетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, хуже. Извѣстная степень души необходимо нужна, чтобы предохранить тѣло отъ самаго страшнаго разрушенія чтобы избавить себя отъ расхода на соль. Извѣстны случаи, когда у людей было достаточно души для того чтобы охранить тѣло и всѣ пять чувствъ отъ порчи и для того, чтобы не имѣть расхода на соль; были такіе люди и даже націи.

XI Итакъ, требуютъ *доказательства* въ томъ, что существуетъ Богъ? Бога, котораго можно *доказать!* Самое маленькое изъ смертныхъ существъ старается объяснить себѣ существованіе Бога, т. е. если мы правильно это разсмотримъ,—*оно представляетъ себѣ его* въ видѣ безконечнаго рисунка, среди котораго оно живетъ, двигается и есть!

XII. Ты не хочешь имѣть никакой тайны и никакого мистицизма; *ты хочешь бродить по всему* свѣту *при* солнечномъ освѣщеніи того, что ты называешь правдой, или при помощи фонаря,—того,—что я называю адвокатской логикой; ты все хочешь „объяснить“ себѣ, «отдавать себѣ во всемъ отчетъ» или ни во что не вѣрить? Да, ты даже хочешь пробовать смѣяться? Каждый, кто признаетъ неосновательную, всепроникающую область тайны, находящейся всюду подъ нашими ногами и между нашихъ рукъ,—для кого вселенная представляется оракуломъ и храмомъ, также какъ кухней и хлѣвомъ,—будетъ въ твоихъ глазахъ сумасшедшимъ мистикомъ; съ насмѣшливымъ участіемъ предлагаешь ты ему свой фонарь, и обижаешься и кричишь, какъ ужаленный, если онъ оттолкнетъ его ногой. Бѣдный дьяволъ! Развѣ самъ ты не родился и не умрешь? «Объясни и е это или сдѣлай одно изъ двухъ: отойди въ сторону со своей дурацкой болтовней или,—что еще лучше,—брось ее и плачь,—не потому что прошло господство удивленія и Божій свѣтъ сбросилъ съ себя красоту и сталъ прозаичнымъ,—а оттого, что ты до сихъ поръ былъ диллетантомъ и близорукимъ педантомъ.

XIII. Методичность, которая все время сосредоточиваетъ взглядъ на собственномъ своемъ «я» и спрашиваетъ себя съ мучительною боязнью

надежды и страха:» на правильномъ-ли я пути или нѣтъ? Стану-ли я праведникомъ или буду обреченъ на вѣчныя муки? Что это въ сущности, какъ не фазисъ эгоизма, хотя и вытянутый въ безконечность, но тѣмъ не менѣе не блаженный. Братъ, по возможности скорѣй, постарайся стать выше всего. «Ты на неправильномъ пути; ты, вѣроятно, попадешь въ адъ». Смотри на это, какъ на дѣйствительность, привыкни къ этой мысли, если ты человѣкъ. Тогда только все поглощающая вселенная будетъ тобою побѣждена и изъ мрака полночи, изъ суеты алчнаго Ахерона, выплывetъ разсвѣтъ вѣчнаго утра и освѣтитъ твою крутую тропу высоко, — выше всѣхъ надеждъ и всей боязни,—и пробудитъ въ твоемъ сердцѣ небесную музыку.

XIV. Увы, самый безполезный изъ всѣхъ смертныхъ,—это сантиментальный человѣкъ. Даже допуская, что онъ искрененъ и не обманываетъ насъ постоянно,—что же въ немъ хорошаго? Не служитъ-ли онъ намъ вѣчнымъ урокомъ сомнѣнія и образчикомъ болѣзненнаго безсилія? Его добродѣтель преимущественно такая, которая каждой фиброй познаетъ самое себя. Она совершенно больна; ей кажется, что она изъ стекла, что ея нельзя тронуть; она сама не рѣшается позволить кому-нибудь тронуть себя. Она ничего не можетъ дѣлать, и можетъ, въ крайнемъ случаѣ, — при самомъ тщательномъ уходѣ,—остаться въ живыхъ.

XV. Самонаблюденіе—несомнѣнный признакъ болѣзни,—независимо отъ того, является ли оно предвѣстникомъ выздоровленія или нѣтъ. Нездорова та добродѣтель, которая изводитъ себя раскаяніемъ и страхомъ или,— что еще хуже,—тщетно и хвастливо надувается. Въ обоихъ случаяхъ, въ основаніи лежитъ самолюбіе или безполезное оглядываніе назадъ, для измѣренія пройденнаго разстоянія,—между тѣмъ единственная наша задача заключается въ томъ, чтобы безостановочно подвигаться впередъ и идти дальше.

Если въ какой-нибудь сферѣ человѣческой жизни умѣстны цѣлостность и безсознательность, то это во внутренней и самой интимной жизни его,—въ жизни нравственной,—такъ какъ онѣ служатъ доказательствомъ ея. Свободная, разумная воля, которая живетъ въ насъ и въ нашихъ Святая Святыхъ можетъ на дѣлѣ быть свободной и искать повиновенія, какъ Божество; это составляетъ ея право и стремленіе. Полное повиновеніе всегда будемъ нѣмымъ.

XVI. Человѣкъ ниспосланъ сюда не для сомнѣнія, а для работы. Цѣль человѣка—такъ уже давно написано—проявляется въ поступкахъ, а не въ мысляхъ. Въ состояніи совершенства все было мыслью, — лишь образъ и вдохновляющій символъ дѣятельности и философія существовала въ формѣ поэзіи и религіи. И тѣмъ не менѣе, какъ можетъ она оставаться въ этомъ несовершенномъ состояніи, какъ можно обойтись безъ нея? Человѣкъ также стоитъ въ центрѣ природы; время его окружено вѣчностью,—пространство его окружено безконечностью. Какъ онъ можетъ воздержаться, чтобы не спросить себя. «Что я? Откуда я пришелъ? Куда я когда-нибудь пойду?» Какой иной отвѣтъ можетъ онъ получить на эти вопросы, кромѣ поверхностныхъ, частичныхъ указаній и дружескихъ увѣреній и успокоеній; въ видѣ тѣхъ, какіе мы, бывало, слышали отъ матери, когда она пробовала успокоить своего любопытнаго, невиннаго ребенка?

Сообразно съ этимъ,—болѣзнь метафизики продолжительна. Во всѣ вѣка должны опять возникать, въ новыхъ формахъ, эти вопросы о смерти и безсмертіи, о происхожденіи зла, свободы и необходимости, и постоянно, отъ времени до времени—будетъ повторяться опытъ построить себѣ теорему о вселенной. Это, къ сожалѣнію, останется, однако, всегда безуспѣш-

нымъ, ибо какую теорему безконечности можно построить о безконечномъ въ достаточной и совершенной формѣ?

XVII. «Тебѣ не нужно никакой новой религіи и, ты, по всей вѣроятности, ея не получишь. У тебя и то больше «религіи», нежели ты примѣняешь. Сегодня, взамѣнъ *одной* обязанности, которую ты исполняешь, тебѣ извѣстны десять обязанностей, *которыя тебѣ приказано помнить*, ты видишь въ своемъ умѣ десять правилъ, которымъ *нужно* подчиняться! Исполни хоть одно изъ нихъ; оно само укажетъ тебѣ еще десять другихъ, которыя должны и могли бы исполняться. «А моя будущая судьба?». Ахъ, вотъ какъ, твоя будущая судьба! Твоя будущая судьба кажется мнѣ,—въ то время, какъ *это для тебя составляетъ главный вопросъ*, — весьма загадочной! Я не думаю, чтобы она могла быть хороша. Развѣ не училъ насъ норвежецъ Одинъ,—съ незапамятныхъ временъ, еще на разсвѣтѣ вѣковъ,—хотя онъ былъ лишь бѣднымъ язычникомъ, — тому, что для труса не можетъ быть и не бываетъ счастливой судьбы, что для него *нѣтъ нигдѣ пристани, за исключеніемъ преисподней у Гелы*, во мракѣ ночи. Но трусы и мальчишки тѣ, которые жаждали удовольствія и дрожатъ передъ болью, Для сего міра и для иного, — трусы составляютъ классъ людей, созданныхъ для того, чтобы быть «арестованными». Они ни на что больше не годны и не могутъ ожидать другой участи. Тутъ *былъ большій, нежели* Одинъ. Большій, нежели Одинъ училъ насъ,—не большей трусости, надѣюсь. Братъ, ты долженъ молить о *душѣ*; ты долженъ бороться энергично,—какъ на жизнь и на смерть, — за то, чтобы снова вернуть себѣ душу! Знай, что «религія» *не пилюля снаружи*, а *новое* пробужденіе твоего собственнаго «я» извнутри,—и прежде всего оставь меня въ покоѣ съ твоими «религіями» здѣсь или гдѣ-бы то ни было въ другомъ мѣстѣ.

XVIII Очень правильную теорію проповѣдуетъ намъ мудрецъ, а именно: «сомнѣнія какого бы *то ни было рода нельзя удалить иначе*, какъ поступкомъ». На этомъ основаніи, совѣтую человѣку, — который съ трудомъ пробирается въ темнотѣ или при плохомъ освѣщеніи и внутренно молится о скорѣйшемъ наступленіи дня, — строго придерживаться другаго, неоцѣнимо дорогаго для меня правила: «Исполняй долгъ, который тебѣ *ближе всего, о которомъ ты знаешь*, что это обязанность. Вторая покажется тебѣ тогда уже гораздо яснѣе.

XIX. О братъ! мы должны по возможности пробудить въ себѣ душу и совѣсть, мы должны промѣнять диллетантизмъ на честныя стремленія, а свои мертвыя, каменныя сердца—на живыя сердца изъ плоти. Тогда *мы познаемъ не одну только вещь*, а безконечный рядъ вещей,—въ болѣе или менѣе ясной очереди,—которыя смогутъ быть сдѣланы. Исполни первую изъ нихъ,—попробуй,—и вторая покажется тебѣ яснѣе и болѣе удобоисполнимою; вторая, третья и трехтысячная сдѣлается тогда возможной для насъ.

XX. Набожность по отношенію къ Богу, благородство мысли,—которая вдохновляетъ человѣческую душу и заставляетъ ее стремиться къ небу,—не могутъ быть «научены» ни самыми избранными катехизисами, ни самой усердной проповѣдью или муштровкой. Ахъ, *нѣтъ!* совершенно иными методами эта священная зараза можетъ переходить отъ одной души къ другой, а *именно*: особенно, благодаря спокойному, постоянному примѣру, спокойному выжиданію благопріятнаго настроенія и надлежащаго момента, къ которому должно присоединиться своего рода чудо, которое правильнѣе назвать «*Божіимъ Милосердіемъ*».

Но не краснорѣчивѣе и не убѣдительнѣе ли цѣлыхъ библіотекъ богословія бываетъ иногда безсознательный взглядъ отца или матери, которые обладали «набожнымъ благородствомъ мысли»?

Дѣйствительно, надо удивляться тому количеству разнородныхъ отсталыхъ идей, которыхъ и по сейчасъ придерживаются, хотя бы въ ущербъ себѣ, бѣдный человѣческій и дѣтскій умъ. Массами стучатся они съ шумомъ къ нимъ, какъ будто бы это были вполнѣ живыя идеи.

XXI. Прежде всего, невозможно достаточно быстро согнать со свѣта тотъ «усталый, возможный Деизмъ», составляющій теперь нашу обыкновенную англійскую вѣру. Какова, собственно, сущность человѣка, теоретически защищающаго съ судорожной горячностью, Бога, — можетъ быть лишь неоспоримый символъ и культъ Бога? въ остальномъ же, въ мысляхъ, въ словахъ и поступкахъ, видно, что онъ живетъ, какъ будто его теорія была только вѣжливою формою рѣчи, а теоретическій Богъ его лишь отдаленный кумиръ, съ которымъ онъ рѣшительно ничего общаго не имѣетъ.

Глупецъ! Богъ не есть ограниченный образъ въ извѣстномъ пространствѣ; Богъ не только *тамъ*, но и здѣсь, и нигдѣ,—въ твоемъ жизненномъ дыханіи, въ твоихъ помыслахъ и поступкахъ,—и умно было бы съ твоей стороны, еслибы ты это запомнилъ. Если нѣтъ Бога, какъ говорилъ глупецъ, то продолжай жить съ чувствомъ наружной порядочности и съ похвалой губъ, съ внутренней жадностью и фальшью и со всей пустой, хитро придуманной неосновательностью, которая связываетъ тебя съ Маммономъ сего міра; но повторяемъ мы, если есть Богъ, то берегись! И все же, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, — что ты? Атеистъ бродитъ по ложному пути и тѣмъ не менѣе, въ немъ есть доля истины. Это правда, сравнительно съ тобой, потому что ты, несчастный смертный живешь въ одной сплошной лжи и самъ представляешь собою олицетворенную ложь.

XXII. Представь себѣ человѣка, который совѣтуетъ своимъ собратьямъ вѣрить въ Бога для того, чтобы чартизмъ попалъ въ арріергардъ и чтобы рабочіе въ Манчестерѣ могли спокойно остаться за своими станками. Трудно себѣ представить болѣе дикую идею! Другъ мой, если тебѣ когда-нибудь удастся увѣровать въ Бога, то ты убѣдишься въ томъ, что весь чартизмъ, Манчестерскія безчинства, парламентская некомпетентность, вѣтреныя министерства, самыя дикія соціальныя вопросы и сожженіе всей этой планеты,—ничто сравнительно съ этимъ.

XXIII. Съ человѣкомъ, который честно къ самому себѣ приступаетъ къ дѣлу и всю душу вкладываетъ какъ въ разговоръ, такъ и въ поступки,— всегда можно что-нибудь сдѣлать. Самъ Сатана былъ —по Данте—предметомъ достойнымъ похвалъ, сравнительно съ тѣми ангелами «juste milieu», которыми изобилуетъ наше время, которые не были ни мятежными, ни вѣрными, и только думали о своемъ собственномъ маленькомъ «я»—представители умѣренности и аккуратности, которые были приговорены къ ужаснымъ мученіямъ въ Дантовскомъ аду: они лишены были надежды умереть; а должны были застыть безъ смерти и безъ жизни, въ грязи,— мучимые мухами, спать безпрестанно и терпѣть,—«Бога ненавидятъ такъ же, какъ врага Божія».

XXIV. Собственно говоря, ничто не можетъ внушать такого презрѣнія и нѣтъ ничего болѣе достойнаго отвращенія и забвенія, чѣмъ полумошенникъ, который не правдивъ и не лжецъ, который никогда въ жизни не сказалъ правды и не совершилъ честнаго поступка; вѣдь его духъ живетъ въ сумеркахъ съ кошачьими глазами, которые не въ состояніи узнать правду и у котораго, само собой разумѣется, не хватаетъ мужества совершить или сказать полную ложь, вслѣдствіе чего вся жизнь его проходитъ въ склеиваніи правды съ неправдой, съ цѣлью создать изъ этого нѣчто правдоподобное.

XXV. Несомнѣнно, что наступитъ день, когда снова узнаютъ, какая сила лежитъ въ чистотѣ и воздержаніи жизни, какъ божественъ стыдливый румянецъ на молодыхъ человѣческихъ щекахъ, какъ высока и цѣлебна это обязанность, возложенная нетолько на однѣхъ женщинъ, а на всѣхъ созданій вообще. Еслибы такой день никогда не насталъ, тогда,—я полагаю, что и многое другое никогда не вернется. Великодушіе и глубокомысліе никогда не вернутся; геройская чистота сердца и глазъ, благородная, благочестивая храбрость, окружающая насъ—и образцовый вѣкъ, какъ могутъ они когда-либо вернуться?

XXVI. Но во всякомъ случаѣ ясно, что не школа, пройденная въ служеніи дьяволу, а только наше рѣшеніе бросить эту службу направляетъ насъ къ правильнымъ, мужественнымъ поступкамъ. Мы становимся людьми не послѣ того, какъ мы отступили, разочарованные въ погонѣ за ложными удовольствіями, а послѣ того, какъ намъ почему-либо становится яснымъ, какія непреодолимыя препятствія окружали насъ въ теченіе всей жизни, какъ безразсудно ожидать удовлетворенія для нашей «смертной» души отъ подарковъ этого безконечно суетнаго міра; какъ безумно, что человѣкъ долженъ довольствоваться самимъ собою, что для страданія и терпѣнія нѣтъ иногда средства, кромѣ стремленія и поступковъ. Мужественность начинается, когда мы, какимъ бы то ни было образомъ, заключаемъ перемиріе съ необходимостью; она даже начинается когда мы, какъ это дѣлаетъ большинство,—покоряемся необходимости; но весело и полна надеждъ начинается она лишь тогда, когда примиримся съ необходимостью; тогда мы дѣйствительно торжествуемъ и чувствуемъ, что стали свободными.

Къ чему эта смертельная спѣшка заработать деньги? Я не попаду въ адъ, даже если я не заработаю денегъ. Мнѣ говорили, что есть еще другой адъ.

XXVII. Читатель,—даже читатель христіанинъ, какъ ты себя называешь,—имѣешь-ли ты представленіе о раѣ и объ адѣ? Я думаю, что нѣтъ. Хотя слова эти часто у насъ на языкѣ,—они, тѣмъ не менѣе, представляютъ для большинства изъ насъ нѣчто сказочное или полусказочное, точно преходящій образъ или звукъ, имѣющій мало значенія.

И тѣмъ не менѣе слѣдуетъ разъ навсегда знать, что это не образъ, не мысль, не полусказка, а вѣчная, наивысшая дѣйствительность. «Никакое море изъ сициліанской или иной сѣры уже нигдѣ не горитъ въ въ наше время», говоришь ты. Хорошо,—а если и не горѣли!—вѣрь или не вѣрь этому, какъ хочешь, и придерживайся этого этого крѣпко, какъ настоящей выгоды, какъ способа подняться въ высшія стадіи, въ дальнѣйшіе горизонты и страны. Исчезло-ли все это или нѣтъ,—думай, какъ хочешь. Но ты не долженъ вѣрить, что исчезло или можетъ исчезнуть изъ человѣческой жизни «безконечное», имѣющее практическое значеніе, выражаясь строго ариѳметически! О братъ! развѣ не было моментовъ, когда «безконечное» страха, надежды, состраданія не обнаруживалось передъ тобой, несомнѣннымъ и безъ названія. Не явилось-ли оно тебѣ никогда какъ сіяніе сверхъестественнаго, вѣчнаго Океана, какъ голосъ старой вѣчности, звучащей гдѣ-то вдали въ самой глубинѣ твоего сердца? Никогда? Къ сожалѣнію нѣтъ; это значитъ, былъ не твой либерализмъ а твой анимализмъ! «Безконечное» вѣрнѣе, нежели какая-либо другая дѣйствительность. Одни люди могутъ это отличить; только бобры, пауки и хищныя животныя изъ породы коршуновъ и лисицъ не отличаютъ этого!—

Слово «адъ» еще очень употребительно въ англійскомъ народѣ, но мнѣ трудно опредѣлить, что оно должно означать. Обыкновенно адъ обо-

значаетъ безконечный страхъ, вещь, которой страшно боится и передъ которою дрожитъ человѣкъ, которой онъ старается избѣжать всѣми силами своей души. Поэтому есть адъ, если какъ слѣдуетъ объ этомъ подумать, который сопровождаетъ человѣка по всѣмъ ступенямъ его исторіи и религіознаго или иного развитія, но ады людей и народовъ очень различаются другъ отъ друга.

У христіанъ существуетъ безконечный страхъ передъ тѣмъ, что справедливый Судья можетъ найти его виновнымъ. У древнихъ римлянъ былъ, какъ я себѣ это представляю, страхъ не передъ Плутономъ, который ихъ, вѣроятно, очень мало смущалъ, а страхъ передъ недостойными, недобродѣтельными, или по основному значенію ихъ выраженія—трусливыми поступками. Если посмотрѣть на суть вещей, чего же современная душа безконечно боится на дѣлѣ и поистинѣ? На что смотритъ она съ полнѣйшимъ отчаяніемъ? Что составляетъ ея адъ»? Не торопясь и съ удивленіемъ выговариваю я это: «Ея адъ—это страхъ передъ недостаткомъ успѣха; боязнь, что ей не удастся пріобрѣсти денегъ, славы или иныхъ земныхъ благъ,—особенно же денегъ. Развѣ это не своеобразный адъ? Да, онъ *очень* своеобразенъ. Если у насъ нѣтъ «успѣха», на что мы нужны? Тогда было бы лучше, еслибы мы вовсе и не появлялись на свѣтъ Божій.

Въ дѣйствительности же этотъ адъ принадлежитъ, конечно, Евангелію Маммонизма, который имѣетъ и соотвѣтствующій рай. Вѣдь, въ сущности, дѣйствительность представляется въ самыхъ различныхъ видахъ; на *одну* вещь мы, дѣйствительно, серьезно смотримъ,—а именно: на наживу денегъ. Трудящійся Маммонизмъ дѣлится съ лѣнивымъ диллетантизмомъ, который, со свойственнымъ ему аристократизмомъ, пользуется своими правами свободной охоты на свѣтѣ; слава Богу, что есть хоть Маммонизмъ или что либо иное, на что мы серьезно смотримъ. Лѣнь,—самое скверное,—только одна лѣнь живетъ безъ надежды; работай серьезно надъ чѣмъ бы то ни было, и ты постепенно привыкнешь ко всякому труду. Въ работѣ лежитъ безконечная надежда, даже если эта работа дѣлается для наживы денегъ.

Дѣйствительно, надо сознаться, что мы въ настоящее время пришли къ необыкновенному заключенію съ нашимъ Маммоновскимъ Евангеліемъ. Мы называемъ это обществомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыто признаемся въ совершеннѣйшемъ разобщеніи и изолированіи. Наша жизнь не взаимная помощь, а скорѣе,—подъ прикрытіемъ военныхъ законовъ, которые называются «свободной конкуренціей» и т. д., взаимная вражда. Мы совершенно и во всемъ забыли, что «наличный расчетъ» не составляетъ единственнаго соотношенія съ человѣческимъ существомъ, и мы твердо увѣрены въ томъ, что всѣ обязательства человѣка этимъ исчерпываются. «Мои голодающіе рабочіе»? Отвѣчаетъ богатый фабрикантъ. «Развѣ я ихъ не честно нанималъ на рынкѣ? Развѣ я не уплатилъ имъ всей условленной суммы до послѣдней копѣйки? Что же мнѣ еще съ ними дѣлать?».

Правда, поклоненіе Маммону очень скучная религія. Когда Каинъ, для собственной своей пользы, убилъ Авеля, и его спросили: «Гдѣ твой братъ?» онъ также отвѣтилъ: «А развѣ я сторожъ брата моего? Развѣ я брату своему не уплатилъ жалованья,—того, что онъ у меня заработалъ?».

О, любящій роскошь богатый купецъ, сіятельный, занимающійся охотой герцогъ, развѣ нѣтъ другого средства для уничтоженія твоего брата, кромѣ грубаго способа Каина? «Хорошій человѣкъ уже обѣщаетъ кое-что своею наружностью, своимъ присутствіемъ, въ качествѣ жизненнаго спутника въ пилигримствѣ этой жизни». Бѣда ему, если онъ забудетъ всѣ такія обѣщанія, если онъ никогда не знаетъ, что онѣ даны

были! Для омертвѣвшей души, которая преисполнена лишь нѣмымъ идолопоклонствомъ чувствъ, для которой адъ и недостатокъ въ деньгахъ имѣютъ одинаковое значеніе—всѣ обѣщанія и нравственныя обязанности, неисполненіе коихъ не подлежитъ судебному преслѣдованію, какъ бы не существуютъ. Можно ему приказать уплатить деньги.—но больше ничего. Во всей исторіи прошлаго я не слышалъ о такомъ обществѣ гдѣ бы то ни было на Божьемъ свѣтѣ,—которое основывалось бы на такой философіи; и, надѣюсь, въ исторіи всей будущности не найти ничего подобнаго. Не такъ создана Вселенная; она создана иначе. Человѣкъ или нація людей, думающихъ, что она такъ создана, простосердечно подвигаются дальше, шагъ за шагомъ, но мы знаемъ, конечно, куда. Въ послѣдніе два вѣка атеистическаго правленія—теперь почти двѣсти лѣтъ прошло съ благословеннаго водворенія священной особы его величества и защитника вѣры, Карла II—мы, по моему мнѣнію, въ достаточной мѣрѣ исчерпали ту прочную почву, на которой—могли еще ходить, а теперь мы стоимъ, въ страхѣ и опьяненіи,—на краю пропасти! Дѣло въ томъ, что изъ того, что мы называемъ атеизмомъ, вытекаетъ еще такая масса другихъ «измовъ», и ошибокъ, каждаго изъ коихъ преслѣдуетъ свое собственное несчастіе!—Душа не вѣтеръ, заключенный въ капсюлю. Всемогущій Создатель не часовщикъ, который когда-то, въ доисторическія времена, сдѣлалъ часы изъ вселенной и сидитъ съ тѣхъ поръ передъ ними и слѣдитъ, что съ ними творится! Вовсе нѣтъ! Отсюда происходитъ Атеизмъ, отсюда являются, какъ мы говоримъ, многіе другіе «измы», и суммою всего является рабство,—противоположность геройству,—печальный корень всѣхъ страданій, какими бы именами они не назывались.

И дѣйствительно, точно такъ же какъ ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ вышеупомянутаго вѣтра, заключеннаго въ капсюлю, и находитъ это, строго говоря, болѣе ложнымъ, нежели понятнымъ,—онъ одинаково находитъ, что всемогущій часовщикъ представляетъ собой весьма ложный предметъ, и сообразно съ этимъ, отрицаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ еще многое другое. Къ сожалѣнію, неизвѣстно что именно и сколько другого!—Вѣдь вѣра въ Невидимое, Безымянное и Божественное, которое присутствуетъ во всемъ, что мы видимъ, дѣлаемъ и всѣхъ нашихъ страданіяхъ, составляетъ квинтэссенцію всякой вѣры, какъ бы она ни называлась, и если еще это отрицать, или, что еще хуже, признавать это только губами или въ переплетенныхъ молитвенникахъ, что же, вообще, останется во что можно будетъ вѣрить?

Одинъ изъ фактовъ, приведенныхъ докторомъ Алисономъ въ сочиненіи его о призрѣніи бѣдныхъ въ Шотландіи, произвелъ на насъ глубокое впечатлѣніе. Бѣдная ирландская вдова,—мужъ которой умеръ въ одной изъ маленькихъ улицъ Эдинбурга—лишенная всякихъ средствъ къ существованію, покинула свою квартиру съ тремя дѣтьми, для того, чтобы просить помощи въ благотворительныхъ учрежденіяхъ этого города. Ее стали направлять изъ одного учрежденія въ другое, ни въ одномъ изъ нихъ ей не пришли на помощь, пока, наконецъ, силы ея окончательно не исчезли. Она заболѣла тифомъ, умерла и заразила всю улицу,—въ которой жила,—своей болѣзнью, такъ что еще семнадцать человѣкъ отъ этого умерло. Человѣколюбивый врачъ спрашиваетъ по этому поводу, какъ будто сердце его слишкомъ переполнено для того, чтобы какъ слѣдуетъ высказаться: «Не слѣдовало ли бы помочь этой бѣдной вдовѣ, хотя бы въ виду экономіи»? Она заболѣла тифомъ и убила семнадцать человѣкъ изъ васъ!—Очень странно! Покинутая ирландская вдова обращается къ своимъ собратьямъ, какъ бы говоря: „Смотрите, я валюсь съ ногъ изъ за отсутствія помощи; вы должны помочь мнѣ! Я ваша сестра,

кость отъ вашей кости, *одинъ* Богъ создалъ насъ; вы должны прійти ко мнѣ на помощь!" Они отвѣчали: „Нѣтъ, это невозможно; ты намъ не сестра". Но она доказываетъ свое родство: ея тифъ убиваетъ тѣхъ. Они, дѣйствительно, были ей братья, хотя и отрицали это! Нужно ли было когда-либо человѣческому существу еще глубже искать доказательства?

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, оказалось вполнѣ естественнымъ, что управленіе бѣдныхъ богатыми предоставлено уже давно теоріи спроса и предложенія, «laisser faire» и т. д. и вездѣ считается «невозможной». «Ты не сестра намъ: гдѣ была бы тѣнь доказательства этому? Вотъ наши свитки, наши замки, которые неоспоримо доказываютъ, что наши денежные ящики *наши* и что они тебя совершенно не касаются. Иди своей дорогой! Это невозможно!»—Но, что же намъ собственно дѣлать?» слышу я возгласъ многихъ разсѣянныхъ читателей. Ничего, друзья мои, до тѣхъ поръ, пока вы себѣ снова не завоюете души. До тѣхъ поръ все будетъ «невозможнымъ». До тѣхъ поръ я даже не могу предложить вамъ купить на двѣ копейки пороха и свинца,—какъ бы сдѣлали древніе спартанцы,—чтобы убить эту бѣдную ирландскую вдову безъ разсужденія.

Больше ничего не остается ей, какъ умереть, заразить васъ своимъ тифомъ и доказать этимъ свое родство съ вами. Семнадцать изъ васъ, лежащихъ мертвыми, ужъ не будутъ отрицать, что она была плотью отъ вашей плоти, и можетъ быть кое-кто изъ живыхъ также приметъ это къ сердцу.

XXVIII. «Невозможно». Объ извѣстномъ, пернатомъ, двуногомъ животномъ говорятъ, что если вокругъ него обвести ясное кольцо мѣломъ, то оно сидитъ заключеннымъ, какъ бы окруженнымъ желѣзнымъ циркулемъ судьбы и умираетъ, хотя уже и имѣетъ въ виду наживу,—или даетъ себя откормить до смерти. Имя этого бѣдняго двуногаго существа—гусь, и когда онъ хорошо откормленъ то изъ него дѣлаютъ паштетъ, который многими очень цѣнится.

XXIX. Какіе мы дураки! Къ чему мы изрaниваемъ себѣ колѣни и ударяемъ себя озабоченно въ грудь и молимся день и ночь Маммону, который,—даже, если уже и согласился бы услышать насъ,—не можетъ намъ, однако, ничего дать. Если даже допустить, что глухой Богъ услыхалъ бы нашу мольбу, что онъ превратилъ бы нашу мѣдь въ массивное золото и всѣхъ насъ,—голодныхъ обезьянъ богатства и важности —превратилъ бы завтра въ настоящихъ Ротшильдовъ и Говардовъ,—чтобы мы отъ этого еще имѣли? Развѣ мы и такъ не граждане этой чудной вселенной съ ея млечными путями и вѣчностями и съ ея невыразимымъ блескомъ, что мы такъ мучаемся и трудимся и рвемъ другъ друга на куски, чтобы болѣе или менѣе выиграть еще немного земли, (а чаще еще лишь призракъ его), въ то время какъ самаго большого изъ этихъ владѣній не видать уже и съ луны. Какъ мы глупы, что копаемся и возимся какъ дождевые червяки въ этихъ пашихъ владѣніяхъ, даже если у насъ таковыя имѣются, и издали наблюдаемъ небесныя свѣтила и радуемся имъ, знаемъ о нихъ только по непровѣреннымъ и недостовѣрнымъ легендамъ! Должны ли извѣстные фунты стерлинговъ, которые у насъ, можетъ быть, хранятся въ Англійскомъ банкѣ,—или фантомы извѣстныхъ фунтовъ, владѣніе коими мы себѣ воображаемъ,—скрыть отъ насъ сокровища, для которыхъ всѣ мы въ этомъ «Божьемъ городѣ» родились?

XXX. Какъ многое у насъ могло бы сравниться съ окрашеннымъ гробомъ — снаружи одно великолѣпіе и крѣпость, а внутри полно ужаса отчаянія и мертвыхъ костей! Желѣзныя военныя дороги соединяютъ между собою своими огненными колесницами всѣ концы суши, набережныя и

моды со своими несмѣтными флотами, подчиняютъ океанъ и дѣлаютъ его нашимъ покорнымъ носильщикомъ; работа — двигаетъ милліономъ рукъ изъ мускуловъ или желѣза, начиная съ горныхъ вершинъ и кончая глубиною шахтъ и гротами морскими неутомимо и покоряя все для службы людямъ и тѣмъ не менѣе это человѣку ничѣмъ не помогаетъ. Онъ завоевалъ эту планету, свое мѣстопребываніе и свое наслѣдство и не имѣетъ отъ этой побѣды никакой пользы. Печальная картина! На высочайшей ступени цивилизаціи девять десятыхъ человѣчества должно вести самую низкую борьбу дикаго или даже животнаго человѣка, борьбу съ голодомъ! Страны богаты, и ростъ и процвѣтаніе ихъ достигаютъ еще никогда небывалой вышины; но люди этихъ странъ бѣдны — бѣднѣе всего всѣми внѣшними и внутренними средствами къ существованію, вѣрой, знаніемъ, деньгами, хлѣбомъ.

XXXI. Эта успѣшная промышленность съ ея черезчуръ сочнымъ богатствомъ до сихъ поръ еще никого не обогатила. Это заколдованное богатство, которое до сихъ поръ еще никому не принадлежитъ. Мы спросили бы: «Кого изъ насъ оно обогатило». Мы можемъ потратить тысячи тамъ, гдѣ—въ былое время тратили сотни, но мы на это не можемъ купить ничего хорошаго. Въ богатомъ и бѣдномъ мы видимъ, вмѣсто благороднаго трудолюбія и избытка, лишь лѣнивую, пустую роскошь попеременно съ низкой нуждой и неспособностью. У насъ великолѣпныя рамки для жизни, но мы забыли жить въ нихъ. Это заколдованное богатство, и никто изъ насъ не могъ до сихъ поръ дотронуться до него. Если есть классъ людей, который чувствуетъ, что онъ дѣйствительно этимъ пріобрѣлъ здоровье,—то пусть онъ намъ назоветъ себя.

Многіе люди ѣдятъ болѣе тонкія блюда и пьютъ болѣе дорогія вина. Съ какою пользою, — объ этомъ могутъ сказать намъ они и ихъ врачи. Но въ какомъ отношеніи, — за исключеніемъ диспепсіи ихъ желудка, — улучшилось ихъ существованіе? Стали они лучше, красивѣе, сильнѣе, честнѣе? И даже «счастливѣе» ли, какъ они это называютъ? Смотрятъ ли они съ удовольствіемъ на большее количество вещей и на человѣческія лица на Божьемъ мірѣ? Смотрятъ-ли на нихъ съ удовольствіемъ больше вещей и человѣческихъ лицъ? Конечно нѣтъ. Человѣческія лица смотрятъ другъ на друга грустно и недовѣрчиво. Вещи, кромѣ тѣхъ, которыя состоятъ изъ бумаги и желѣзнаго товара, не подчиняются человѣку. На хозяинѣ лежитъ теперь такое же проклятіе, какъ и на его работникѣ.

XXXII. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на нѣчто другое, что часто приходится слышать современному человѣку: что общество «существуетъ для защиты собственности». Еще прибавляютъ, что и у бѣднаго человѣка есть имущество, а именно его «работа» и тотъ рубль или тѣ три рубля, которые онъ ежедневно на ней зарабатываетъ. Довольно вѣрно, друзья мои, что «для защиты собственности», очень вѣрно: если вы только желали вполнѣ подтвердить восьмую заповѣдь, то всѣ «права человѣка» были бы обезпечены. «Ты не долженъ красть, тебя не должны обкрадывать»: какое это было бы общество Республика Платона и утопія Мора только блѣдныя изображенія его. Дай каждому человѣку точную цѣну того, что онъ сдѣлалъ и былъ; тогда никто не будетъ больше жаловаться, и страданіе будетъ удалено со свѣта. Для защиты собственности, дѣйствительно только для этого! Что же собственно твое имущество? Эти свитки, этотъ денежный кошель, который ты носишь въ карманѣ? Это-ли составляетъ твою цѣнную собственность? Несчастный братъ, ты бѣднѣйшій, несостоятельный братъ; у меня совсѣмъ нѣтъ одежды; кошелекъ мой слабъ и легокъ, — и тѣмъ не менѣе у меня совсѣмъ другое богатство. Во мнѣ есть чудное, живое дыханіе, которое вдохнулъ въ меня все-

могущій Богъ. Во мнѣ есть чувства, мысли, Богомъ данная способность быть и дѣйствовать и поэтому у меня есть права, напримѣръ право на твою любовь, если я тебя люблю, на твое руководство, если я слушаюсь тебя: самыя необыкновенныя права, о которыхъ еще иногда говорятъ съ каѳедры, хотя и въ почти непонятной формѣ, которыя простираются въ безконечность, въ вѣчность! Рубль въ день, три рубля въ день, тысячу рублей въ день,—развѣ ты называешь это моею собственностью? Я мало цѣню это; ничтожно все, что я могу на это пріобрѣсти. Какъ уже было сказано, что въ этомъ заключается? Въ рваныхъ ли сапогахъ, или въ легкихъ рессорныхъ экипажахъ, запряженныхъ четверкой лошадей, — все равно человѣкъ одинаково доходитъ до конца путешествія.

Сократъ ходилъ босикомъ или въ деревянныхъ туфляхъ, а тѣмъ не менѣе прибылъ благополучно. Его не спросили ни о туфляхъ его, ни о доходѣ, а только о его работѣ.—Собственность, братъ мой!

Даже само тѣло мое, и то принадлежитъ мнѣ лишь на время жизни. А мой тонкій кошелекъ, это «Нѣчто» и это «Ничего», карманная кража, были подчинены палачамъ и критикамъ: имъ принадлежалъ онъ,—мой онъ есть,—а теперь твой, если ты захочешь украсть его. Но душа, которую Богъ въ меня вдохнулъ: мое «я» и его силы принадлежатъ мнѣ и я не позволю ихъ украсть. Я называю ихъ моими, а не твоими; я хочу сохранить ихъ и дѣйствовать ими, насколько возможно. Богъ ихъ далъ мнѣ и чортъ ихъ у меня не отниметъ. О друзья мои! общество существуетъ для очень многихъ цѣлей, которыя не такъ легко перечесть.

Вѣрно то, что общество ни въ какомъ вѣкѣ не препятствовало человѣку стать тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ стать. Черный, какъ смоль, негръ, можетъ стать «Toussaint l'Ouverture», убійцей, трехпалымъ человѣкомъ, что бы ни говорила объ этомъ желтая западная Индія. Шотландскій поэтъ, «гордящійся своимъ именемъ и своею страной», можетъ ревностно обратиться къ «господамъ каледонской охоты» или стать вѣсовщикомъ пивныхъ бочекъ, или же трагичнымъ, безсмертнымъ пѣвцомъ съ разбитымъ сердцемъ; смягченное эхо его мелодіи слышно въ теченіе многихъ столѣтій и звучитъ въ святомъ „Miserere“, которое, во всѣ вѣка и изъ всѣхъ странъ подымалось къ небу. Ты, несомнѣнно, не помѣшаешь мнѣ стать тѣмъ, чѣмъ я *могу* стать. Даже по поводу того, чѣмъ я могу стать, я предъявляю къ тебѣ удивительныя требованія,—кажется неудобно теперь сводить счеты. Защита собственности? Какіе пріемы усвоило себѣ бѣдное общество, которое хочетъ еще оправдать свое существованіе въ такое время, когда только денежныя дѣла связываютъ людей? Мы, вообще, не совѣтуемъ обществу говорить о томъ, для чего оно существуетъ,—а употребить всѣ усилія на то, чтобы существовать, стараться удержаться въ жизни. Это самое лучшее, что оно можетъ сдѣлать. Оно можетъ положиться на то, что если бы оно только существовало для защиты собственности, оно тотчасъ потеряло бы способность къ этому.

XXXIII. Первый плодъ богатства,—особенно для человѣка, рожденнаго въ богатствѣ—это внушить ему вѣру въ него и почти скрыть отъ него, что есть еще и другая вѣра. Такимъ образомъ, онъ воспитывается въ жалкой видимости того, что называется честью и приличіемъ.

XXXIV. Я тоже знаю Маммона, англійскіе банки, кредитныя системы, возможность международнаго труда и сообщенія, и нахожу ихъ достойными сочувствія и удивленія. Маммонъ—какъ огонь—самый полезный изъ всѣхъ слугъ, но и самый ужасный изъ всѣхъ повелителей. Клиффорды, Фицадельты и борцы рыцарства желали одержать побѣду,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но побѣда эта,—если она не достигалась въ извѣстномъ духѣ,—не была побѣдой — и пораженіе, происшедшее въ из-

вѣстномъ духѣ,—въ сущности было побѣдой. Я повторяю, если бы они только считали скальпы,—то они остались бы дикарями, и не могло бы никогда быть рѣчи о рыцарствѣ или о продолжительной побѣдѣ. А развѣ нельзя найти благородства мысли въ промышленныхъ борцахъ и полководцахъ? Развѣ для нихъ однихъ, среди всего человѣчества, никогда не будетъ никакого другого блаженства, кромѣ наполненныхъ кассъ? Никогда не видѣть вокругъ себя красоты, порядка, благородности, преданныхъ человѣческихъ сердецъ и не видѣть въ этомъ никакого значенія; и лучше ли видѣть въ обществѣ искалѣченность, крамолу, ненависть и отчаяніе отъ полъ-милліона гиней? Развѣ проклятіе ада и полъ-милліона металлическихъ кусочковъ могутъ замѣнить благословеніе Божіе? Развѣ нѣтъ никакой пользы въ разростаніи благодати Божіей, а только въ денежной наживѣ? Если это такъ, то я предвѣщаю, что фабрикантъ и милліонеръ должны быть готовы на то, чтобы исчезнуть; что и онъ не рожденъ для того, чтобы быть однимъ изъ властелиновъ сего міра; что и его нужно какимъ-нибудь способомъ притоптать, связать и поставить наряду съ рожденными рабами сего міра! Намъ не нужны дикари, которые не могутъ постепенно превращаться въ рыцарей, по благородству. Наша благородная планета не хочетъ ничего знать о нихъ и къ концу концовъ, не терпитъ ихъ болѣе!

XXXVI. Неутомимое въ своемъ милосердіи небо ниспосылаетъ въ этотъ міръ еще другія души, для которыхъ, въ свою очередь, разсѣяно по всей землѣ. Христіанство, которое не можетъ существовать безъ минимума въ четыреста пятьдесятъ фунтовъ, уступитъ мѣсто лучшему, не имѣющему надобности въ этой суммѣ. Ты не хочешь присоединиться къ нашему небольшому меньшинству? Не ранѣе, какъ въ день страшнаго суда пополудни? Хорошо; тогда, по крайней мѣрѣ, присоединишься ты къ нему, ты и большинство въ массѣ!

Пріятно видѣть, какъ грубое владычество Маммона вездѣ становится шаткимъ и даетъ вѣрное обѣщаніе его смерти или его преобразованія.

XXXVII. Конечно, было бы эгоистичнымъ разочарованіемъ ожидать, что какая бы то ни была проповѣдь съ моей стороны можетъ уничтожить Маммонизмъ, что полюбятъ меньше гинеи и больше свою бѣдную душу, сколько бы я ни проповѣдовалъ! Есть, однако, *одинъ* проповѣдникъ, который проповѣдуетъ съ успѣхомъ и постепенно убѣждаетъ всѣхъ людей. Имя его—судьба, божественное провидѣніе, а проповѣдь его не преклонный ходъ вещей. Опытъ, во всякомъ случаѣ, беретъ большую плату за ученіе, но и учитъ онъ лучше всѣхъ учителей.

XXXVIII. Человѣку работающему,—человѣку старающемуся хотя бы и самымъ грубымъ образомъ пробиться какой-нибудь работой, ты поспѣшишь навстрѣчу съ помощью и ободреніемъ и скажешь ему: „Добро пожаловать; ты нашъ; мы будемъ о тебѣ заботиться. Лѣнтяю же, наоборотъ, если онъ даже самымъ граціознымъ образомъ будетъ лѣнтяйничать и если онъ подойдетъ къ тебѣ съ цѣлой массой свитковъ—ты не пойдешь на встрѣчу. Ты будешь спокойно сидѣть и даже не пожелаешь встать. Ты ему скажешь: „Я тебя не привѣтствую, комплицированная анатомія. Далъ бы Богъ, чтобы ты не пришелъ сюда, потому что кто изъ смертныхъ знаетъ, что съ тобой дѣлать? Твои свитки, конечно, стары, достойны почтенія и желты; мы уважаемъ свитки, старые институты и достойные уваженія обычаи и происхожденіе. Дѣйствительно, старые свитки и, однако,—разсмотрѣнные при свѣтѣ, если ты обратишь на это вниманіе,—новые сравнительно съ гранитными скалами и со всѣмъ Божьимъ міромъ! Совѣтуемъ тебѣ уложить свои свитки, уйти домой и зря не шумѣть.

Наше сердечное желаніе—помочь тебѣ; но пока ты представляешь собою лишь несчастную аномалію и у тебя нѣтъ ничего, кромѣ желтыхъ свитковъ, шумной, пустой суеты, ягдташа и лисьихъ хвостовъ,—до тѣхъ поръ никакой Богъ и ни одинъ человѣкъ не можетъ отвратить отъ тебя угрожающей опасности. Слушайся совѣтовъ, и присматривайся, не найдется ли на Божьемъ свѣтѣ для тебя другого занятія, кромѣ граціознаго лѣнтяйничанья, не лежатъ ли на тебѣ какія нибудь обязанности? Спроси, ищи серьезно и съ полу-безумной энергіей, такъ какъ отвѣтъ для тебя означаетъ: „быть или не быть“. Мы обращаемъ свое вниманіе на то, что старо какъ свѣтъ и что *теперь снова выступаетъ на свѣтъ* самымъ серьезнымъ образомъ, а именно: „что тотъ, кто на свѣтѣ не можетъ работать, не долженъ на немъ существовать“.

XXXIX. Маммонизмъ захватилъ по крайней мѣрѣ одну часть того порученія, которое природа дала человѣку, и послѣ того, какъ онъ ее захватилъ и исполняетъ, порученія природы все болѣе и болѣе захватятъ его и принаровятъ его къ себѣ. Лѣнь, однако, *совершенно* не признаетъ природы. Дѣлать деньги въ сущности значитъ *работать* для того, чтобы сдѣлать деньги. Но что это значитъ, когда въ аристократической части Лондона лѣнтяйничаютъ?

XL. Кто ты, хвастающій своей праздной жизнью, выставляющій напоказъ самодовольно твои блестящіе, украшеные золотомъ экипажи, твои вышитыя подушки и комофртъ, при которомъ удобно сложить руки и спать? Оглянись, наверхъ, внизъ, обратно, впередъ или вокругъ себя, замѣтилъ ли ты гдѣ-либо,—только въ кругу людскаго свѣта празднаго героя, святого, Бога или хотя бы дьявола? Ничего подобнаго. На небѣ, на землѣ, въ водѣ, подъ землею, нѣтъ тебѣ подобнаго. Ты изолированная фигура въ мірѣ; только присущая людному свѣту въ этомъ странномъ столѣтіи и даже только полу-столѣтіи! Есть на свѣтѣ чудовище: лѣнтяй. Что составляетъ его „религію“? Что природа это призракъ, гдѣ хитрость, ниценство и воровство иногда находятъ хорошее содержаніе; что Богъ—ложь и что человѣкъ и его жизнь—ложь.

XLI. Овцы по тремъ причинамъ ходятъ вмѣстѣ: во-первыхъ, оттого, что они любятъ общественность и *охотно* бѣгутъ вмѣстѣ; во-вторыхъ, благодаря своей трусости, потому что онѣ боятся оставаться одни; въ третьихъ, потому что большинство изъ нихъ, по пословицѣ, близоруки и не умѣютъ сами выбирать дорогу. Дѣйствительно, овцы почти ничего не видятъ и не замѣтили бы въ небесномъ свѣтѣ и въ луженой жестяной посудѣ ничего иного, кромѣ невѣроятнаго блеска ослѣпленія.

Какъ похожи на нихъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ принадлежащіе къ человѣческой породѣ сочлены ихъ! И люди, какъ указано выше, общественны и охотно ходятъ стадами; во-вторыхъ, и они трусливы и неохотно остаются одни; и въ третьихъ, и прежде всего они близоруки, почти до слѣпоты.

XLII. Но развѣ такъ мало людей-мыслителей? Да, милый читатель, очень мало думающихъ; въ томъ-то и дѣло! Одинъ изъ тысячи имѣетъ, можетъ быть, наклонность къ мышленію; а остальные занимаются лишь пассивнымъ мечтаніемъ, повтореніемъ слышаннаго и активнымъ фразерствомъ. Глазами, которыми люди озираются вокругъ себя, только немногіе могутъ *видѣть*. Такимъ образомъ, свѣтъ сталъ запутанной ужасной мельницей и задача каждаго человѣка запуталась въ задачу его сосѣда и тянетъ ее съ рельсъ а духъ слѣпоты, фальши и разрозненности, который правильно называютъ дьяволомъ, постоянно является среди насъ, и даже надѣется (еслибы не было оппозиціи, которая благодаря Богу также присутствуетъ) взять верхъ.

XLIII. Какъ мало человѣкъ самого себя знаетъ! Эзоповская муха сидѣла на колесѣ экипажа и кричала: «Какую я пыль подымаю! «Одѣтые въ пурпуръ властелины со скипетрами и роскошными регаліями часто управляются своими камердинерами, капризами своихъ женъ и дѣтей; или, въ конституціонныхъ странахъ—статьями редакторовъ газетъ. Не говори: я то или другое, я дѣлаю то или другое. Этого ты не знаешь; ты только знаешь названіе, подъ которымъ оно теперь идетъ.

XLIV. Неисчислимы обманы и фокусы привычки. Самый же ловкій изъ нихъ, можетъ быть, тотъ, который насъ убѣждаетъ въ томъ, что чудо перестаетъ быть чудомъ, если только повторяется. Это способъ, которымъ мы живемъ, такъ какъ человѣкъ долженъ работать такъ же, какъ и удивляться и въ этомъ отношеніи привычка служитъ ему хорошей няней, которая ведетъ его къ его же настоящей пользѣ. Но эта нѣжная, глупая няня, или скорѣе—мы фальшивые, глупые питомцы, если мы въ часы покоя и думъ продолжаемъ обманывать себя на этотъ счетъ. Смотрѣть ли мнѣ съ тупымъ хладнокровіемъ на вещь, достойную удивленія потому, что я ее видѣлъ два раза или двѣсти разъ или два милліона разъ? Ни въ природѣ, ни въ искусствѣ нѣтъ основанія, по которому это слѣдовало бы сдѣлать, если я въ дѣйствительности не рабочая машина, для которой Божій даръ мысли не что иное, какъ то, что земной даръ пара для паровой машины,—сила, при помощи которой можно ткать бумажныя издѣлія и зарабатывать деньги и стоимость денегъ.

XLV. Удивительно, какъ существа, принадлежащія къ человѣческому роду, закрываютъ глаза на самую ясную дѣйствительность и вслѣдствіе вялости забвенія и тупоумія живутъ очень уютно среди чудесъ и страшилищъ. На дѣлѣ же человѣкъ есть и былъ всегда глупымъ и лѣнивымъ и гораздо болѣе склоненъ чувствовать и варить пищу, нежели думать и размышлять. Предубѣжденіе, которое онъ будто ненавидитъ—его абсолютный законодатель. Привычка и лѣнь водятъ его всюду за носъ. Пусть два раза повторится восходъ солнца, сотвореніе міра—и это перестанетъ быть чудомъ или замѣчательнымъ явленіемъ.

XLVI. Можетъ ли быть нѣчто удивительнѣе настоящаго дѣйствительнаго духа? Англичанинъ Джонсонъ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы таковую увидѣть, и не могъ, несмотря на то, что ходилъ въ Кокъ-Лэнъ и оттуда въ церковные склепы, гдѣ стучалъ по гробамъ. Безумный докторъ! Развѣ онъ никогда не смотрѣлъ духовнымъ окомъ, точно такъ же, какъ и тѣлеснымъ,—вокругъ себя,—на полный потокъ человѣческой жизни, которую онъ такъ любилъ? смотрѣлъ ли онъ когда-нибудь и на то, что было внутри его самого? Славный докторъ вѣдь самъ былъ духомъ, такой настоящій, дѣйствительный духъ, какого только могло желать его сердце и почти милліонъ другихъ духовъ бродило возлѣ него по улицамъ. Еще разъ повторяю: «Исключите иллюэію времени, скомкайте эти шестьдесятъ лѣтъ въ шесть минутъ—что иное былъ онъ, что иное мы сами? Не духи ли мы, сформированные въ одно тѣло, въ одно явленіе, и не исчезающіе въ воздухъ невидимыми? Это не метафора, а обыкновенная, научная дѣйствительность. Мы происходимъ изъ ничего, принимаемъ извѣстный образъ и становимся явленіями.

XLVII. Причудливое представленіе, которое мы имѣемъ о счастіи, приблизительно слѣдующее: Благодаря извѣстнымъ оцѣнкамъ и по расчетамъ, составленнымъ по собственному масштабу, мы приходимъ къ извѣстному среднему земному жребію, о которомъ мы думаемъ, что онъ принадлежитъ намъ по праву отъ природы. Это какъ бы простая плата нашего вознагражденія, нашихъ заслугъ и не требуетъ ни благодарности, ни жалобъ. Только случайный плюсъ мы принимаемъ за счастіе,—каж-

дый же дефицитъ—за горе. Представимъ себѣ, что мы сами станемъ производить оцѣнку своихъ заслугъ и какая масса самолюбія въ каждомъ изъ насъ. Тогда надо только удивляться, какъ часто чашка вѣсовъ наклоняется въ противоположную сторону, и иной дуракъ восклицаетъ: «Посмотри-ка какая плата; случалось ли когда-нибудь такому достойному человѣку, какъ я, видѣть что-либо подобное?—Я говорю тебѣ, дуракъ, причина лежитъ исключительно только въ твоей пустотѣ, въ заслугахъ, которыя ты только *воображаешь*, что имѣешь. Представь себѣ, что ты заслуживаешь, чтобы *тебя повѣсили* (что, вѣрнѣе всего, правда), а ты считаешь за счастье, если тебя только разстрѣляютъ. Представь себѣ, что ты заслуживаешь быть повѣшеннымъ на заволокѣ и для тебя будетъ блаженствомъ умереть на конопляѣ. Поэтому претензіи, какія ты предъявляешь къ счастью, должны равняться нулю: свѣтъ подъ твоими ногами. Правильно писалъ умнѣйшій въ наше время: «Жизнь начинается только отреченіемъ».

XLVIII. Счастье, въ которомъ ищутъ цѣль своего бытія, и вся эта очень неблагородная мелкая теорія, въ сущности говоря, если мы правильно сосчитаемъ, существуетъ на свѣтѣ еще неполныхъ двѣсти лѣтъ. Единственное счастье, о которомъ человѣкъ когда-либо много спрашивалъ, была степень счастья, позволявшая ему дѣлать свою работу. Не «я не могу ѣсть!».. а «я не могу работать», было наиболѣе частою жалобой среди мудрыхъ людей. Въ сущности говоря, *это-таки единственное несчастье* человѣка, когда онъ не можетъ работать, когда онъ не можетъ исполнить своего назначенія, какъ человѣкъ. Смотрите, день быстро проходитъ, наша жизнь скоро проходитъ и наступаетъ ночь, въ которой никто не можетъ дѣйствовать.

XLIX. Въ человѣкѣ есть нѣчто выше любви къ счастью. Онъ можетъ обойтись безъ счастья и взамѣнъ него найти блаженство. Для того, чтобы проповѣдывать это самое *высшее*, развѣ ученые, мученики, поэты и священники не говорили и не страдали во всѣ вѣка и развѣ они не представляли доказательства—въ жизни и смерти,—въ «божественномъ», которое есть въ человѣкѣ, и въ томъ, что онъ только въ «божественномъ» обладаетъ силою и свободой? И это Богомъ вдохновенное ученіе тебѣ также проповѣдуется и тебя также преслѣдуютъ различные милосердные соблазны, пока ты не почувствуешь и не научишься сокрушенію! Благодари судьбу свою за то и переноси съ благодарностью остальное — оно тебѣ нужно; это *Самое* должно было быть уничтожено въ тебѣ. Благодаря благотворнымъ пароксизмамъ лихорадки, жизнь прекращаетъ глубоколежащую хроническую болѣзнь и торжествуетъ надъ смертью. Бушующія волны времени не поглощаютъ тебя, а подымаютъ въ лазурь вѣчности. Не люби удовольствія, а люби Бога. Вотъ вѣчное *да*, въ которомъ разрѣшаются всѣ противорѣчія, и каждому, кто по этому пути идетъ и дѣйствуетъ—становится хорошо.

L. Всякая работа—даже пряжа бумаги—благородна; только работа благородна, повторяю и утверждаю это еще разъ. И, такимъ образомъ, всякое достоинство—трудно. Жизни покоя и удобства нѣтъ ни для человѣка, ни для Бога. Жизнь всѣхъ боговъ представляется намъ возвышенною грустью—усердіемъ безконечной борьбы противъ безконечнаго труда. Наша наивысшая религія называется: «поклоненіе страданію». Для человѣческаго сына не существуетъ хорошо или даже скверно ношенной короны, которая не была бы терновымъ вѣнцомъ.

Вещи эти, когда-то были очень хорошо извѣстны въ сказанныхъ словахъ, или, еще лучше, въ почувствованномъ инстинктѣ, живущемъ въ каждомъ сердцѣ. Развѣ все горе, весь атеизмъ, какъ я это называю, че-

ловѣческихъ поступковъ и дѣяній настоящаго поколѣнія въ той невыразимой жизненной философіи,—не кажется претензіей быть, какъ люди это называютъ, «счастливыми». Самый жалкій бѣднякъ, который бродитъ въ образѣ человѣка, преисполненъ мыслью, что онъ, согласно всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ, имѣетъ право быть «счастливымъ». Его желанія,—желанія несчастнѣйшаго бѣдняка, должны быть исполнены. Его дни,—дни несчастнѣйшаго бѣдняка,—должны протекать въ мягкомъ теченіи наслажденія, что невозможно даже для самихъ боговъ. Фальшивые пророки проповѣдуютъ намъ: «ты долженъ быть счастливъ; ты долженъ любить пріятныя вещи и найти ихъ». И вотъ народъ кричитъ:

«Отчего мы не нашли пріятныхъ вещей?»

LI. Какая разница въ томъ, счастливъ ли ты или нѣтъ? *Сегодня* такъ скоро становится *вчера*. Всѣ «завтра» становятся «вчера», и тогда нѣтъ вопроса о «счастіи», а выступаетъ совсѣмъ иной вопросъ. Да, въ тебѣ остается такое священное состраданіе къ самому себѣ,—по крайней мѣрѣ,—что даже твои печали, разъ онѣ перешли во «вчера» становятся для тебя радостью. Сверхъ того, ты не знаешь, какое Божіе благословеніе и какая необходимая, цѣлебная сила лежала въ нихъ. Ты думаешь объ этомъ лишь спустя много дней, когда ты станешь умнѣе!

LII. Если благородный духъ украшается въ десять разъ больше побѣдой и счастьемъ, потому что онъ попадаетъ въ одинаково лучезарную, свойственную и пристойную ему стихію, то неблагородный, благодаря этому становится въ десять разъ и въ сто разъ болѣе некрасивымъ и несчастнымъ. Всѣ пороки и слабости, которыми обладалъ человѣкъ, представляются намъ въ поднявшемся человѣкѣ, точно въ солнечномъ микроскопѣ,—увеличенными до страшнаго искаженія.

LIII. Да, человѣческая природа настолько превратна, что уже издавна нашли, насколько превышающее обыкновенную мѣру счастье опаснѣе, нежели меньшее, — и на сто человѣкъ, способныхъ перенести несчастіе,— едва найдется одинъ, способный перенести счастіе.

LIV. Для духовъ, какъ Новаласъ,—земныя блага отнюдь не бываютъ сладкими и полными, и они современемъ проповѣдуютъ большую необходимость отреченія, благодаря чему только, какъ замѣтилъ мудрый человѣкъ, настоящее вступленіе въ жизнь должно считаться начатымъ. Облагораживающія вліянія несбывшихся надеждъ и любви, которая въ этомъ мірѣ всегда останется безродной,—не зависятъ также отъ достоинства и отъ любезности своихъ предметовъ, но отъ качества сердца, лелѣявшаго ихъ и умѣвшаго пріобрѣсти тихую мудрость, изъ-за такого мучительнаго разочарованія.

LV. Когда человѣкъ несчастенъ, что онъ долженъ дѣлать? Долженъ ли онъ жаловаться на того или иного человѣка, на ту или иную вещь? Долженъ ли онъ наполнять міръ и улицы жалобами?

Безусловно нѣтъ; и даже наоборотъ. Всѣ моралисты совѣтуютъ ему не жаловаться на какого-либо человѣка или предметъ, а только на себя самого. Онъ долженъ узнать правду, что когда онъ несчастенъ, то безусловно раньше былъ неумнымъ. Если бы онъ слѣдовалъ вѣрно природѣ и ея законамъ, то всегда вѣрная своимъ законамъ природа, предоставила бы ему плоды, ростъ, и блаженство. Но онъ слѣдовалъ другимъ законамъ,—не законамъ природы—и природа оставляетъ его безпомощнымъ, такъ какъ терпѣніе ея уже исчерпано,—и отвѣчаетъ ему съ очень убѣдительной важностью: «нѣтъ». Не на этомъ пути, сынъ мой, а на иномъ, найдешь ты здоровье: это же, какъ ты самъ замѣчаешь, путь къ болѣзни Оставь его!

LVI. Политическія теоріи существовали всегда и будутъ всегда су-

ществовать и во времена упадка. Пусть онѣ въ своемъ родѣ составляютъ явленія природы, которая не дѣлаетъ ничего напраснаго; да будутъ они шагами на ея пути. Нѣтъ теоріи надежнѣе того, что всѣ теоріи, какъ бы онѣ ни были серьезно и тщательно разработаны, должны быть, по своимъ свойствамъ, несовершенны, сомнительны и даже невѣрны. Ты долженъ знать, что вселенная, само собой разумѣется, *безконечна*. Не пробуй проглотить ея ради твоего логическаго желудка; радуйся, если ты,—тѣмъ что присланъ сюда и тѣмъ, что ты тамъ въ хаосѣ строишь столбъ, мѣшаешь ему проглотить тебя. Многозначительный успѣхъ въ томъ, что новое молодое поколѣніе замѣнило страстную вѣру въ Евангеліе по Руссо исповѣданіемъ скептицизма: «Во что я долженъ вѣрить».

Благословенна надежда; съ самаго начала предсказывалось тысячелѣтнее царство, священное царство; но что достойно удивленія, это то, что до этой новой эры, нѣтъ царства полнаго удовольствія и большаго излишка. Не вѣрьте этому обѣтованному царству лѣнтяевъ полнаго счастья, благоденствія и порока, избавленнаго отъ его уродства, друзья мои. Человѣкъ не то, что называется счастливое животное; его стремленіе къ благоденствію ненасытно. Какъ могъ бы бѣдный человѣкъ въ этой дикой вселенной, которая бросается на него, безконечная, угрожающая,—я не говорю: найти счастье,—какъ могъ бы онъ *жить*, имѣть твердую почву подъ ногами, если бы онъ не запасся терпѣніемъ для постояннаго труда и страданій! Сохрани Богъ, если въ его сердцѣ нѣтъ набожной вѣры, если для него не имѣетъ значенія слово «обязанность»! Что касается этихъ ожиданій, то онѣ происходятъ отъ чувствительности, годной лишь для того, чтобы быть тронутымъ романами и торжественными поводами и больше ни на что не нужной. Здоровое сердце, говорящее себѣ: «Какъ я здорово!» обыкновенно подвергается самымъ опаснымъ заболѣваніямъ. Развѣ сентиментальность не близнецъ лицемѣрной фразы, если не совсѣмъ одно и тоже? Развѣ лицемѣрная фраза дьянола не «materia prima», отъ которой вся фальшь, слабость и ужасъ можетъ получить образъ, но не можетъ выйти ничего существеннаго? Лицемѣрная фраза, въ сущности, двойная дестиллированная ложь, наивысшее могущество лжи.

Если бы цѣлый народъ предался ей? Тогда, говорю я, онъ бы, несомнѣнно, оттуда вернулся. Жизнь не хитро придуманный обманъ или самообманъ: это великая истина, что ты живешь, что у тебя есть желанія и потребности; никакой обманъ не можетъ соотвѣтствовать имъ и удовлетворить ихъ, а только дѣйствительность. Положись на это: мы возвращаемся къ дѣйствительности, къ благословенной или проклятой, смотря по тому, насколько мы мудры.

LVII. Велико «существующее», вещь спасшаяся отъ неосновательной глубины теорій и предположеній и представляется опредѣленной, неоспоримой дѣйствительностью, которой придерживается жизнь и работа человѣка и разъ навсегда придерживается. Мы хорошо поступаемъ, если держимся за

нее, пока она существуетъ и съ сожалѣніемъ покидаемъ ее, когда она подъ нами валится. Берегись слишкомъ скоро желать перемѣны! Хорошо ли ты обдумалъ, что значитъ въ нашей жизни привычка, какъ всѣ знанія и всѣ поступки чудесно витаютъ надъ безконечными пропастями неизвѣстнаго и невозможнаго, какъ все наше существо представляетъ собою безконечную пропасть, покрытую, точно тонкой земной корой,—привычкой?

LVIII. Свобода? Настоящая свобода человѣка, сказалъ бы ты, состоитъ въ томъ, чтобы найти правильный путь или быть принужденнымъ найти его и идти по немъ; учиться или быть наученнымъ тому, къ какой работѣ онъ, дѣйствительно, годенъ и быть приставленнымъ къ этой работѣ потомъ, благодаря разрѣшенію, уговариванію и даже насилію. Это его настоящее блаженство, честь «свобода» и максимумъ его благоденствія, и,—если это не свобода,—то, я лично,—больше о ней не спрашиваю. Ты не разрѣшаешь, очевидно, сумасшедшему прыгать черезъ пропасти. Ты стѣсняешь его свободу,—ты, умный,—и удерживаешь его, хотя бы то было въ сумасшедшей рубахѣ,—вдали отъ пропасти. Каждый глупый, трусливый человѣкъ только менѣе очевидно сумасшедшій, и его настоящей свободой было бы то, чтобы каждый человѣкъ, умнѣе его, видя, что онъ идетъ неправильнымъ путемъ, схватилъ бы его и заставилъ бы его идти немного вѣрнѣе. Если ты, дѣйствительно, мнѣ старшій или пастырь, если ты, дѣйствительно, *умнѣе* меня,—да заставитъ тебя благодѣтельный инстинктъ покорить меня, приказывать мнѣ! Если ты лучше меня знаешь, что хорошо и правильно, то умоляю тебя, во имя Бога, заставь меня это сдѣлать, даже если тебѣ придется пустить въ ходъ цѣлую массу кнутовъ и ручныя кандалы; не дай мнѣ ходить надъ пропастями! Мнѣ мало поможетъ, если всѣ газеты назовутъ меня «свободнымъ человѣкомъ», когда мое паломничество кончится въ смерти и горѣ. Пусть газеты назовутъ меня рабомъ, трусомъ, дуракомъ, или какъ имъ угодно, и моей долей пусть будетъ жизнь, а не смерть!—«свобода» требуетъ новаго опредѣленія.

LIX. Твоя—«слава», несчастный смертный, гдѣ будетъ она и ты самъ вмѣстѣ съ ней черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ?

Самого Шекспира хватило всего на двѣсти лѣтъ; Гомера (отчасти случайно)—на три тысячи и не окружаетъ ли вѣчность уже каждое «я» и каждое «ты»? Перестань, поэтому, лихорадочно высиживать свою славу, хлопать крыльями, и яростно шипѣть, какъ утка-насѣдка на своемъ послѣднемъ яйцѣ, когда человѣкъ позволяетъ себѣ подойти къ ней близко!

Не ссорься со мной, не ненавидь меня, братъ мой; сдѣлай, что можешь изъ своего яйца и сохрани его. Богъ знаетъ, что я не хочу его украсть у тебя, такъ какъ я думаю, что это жировое яйцо.

LX. Есть люди, которымъ боги, въ своемъ милосердіи, даютъ славу; чаще всего даютъ они ее въ гнѣвѣ, какъ проклятіе и какъ ядъ, потому что она разстраиваетъ все внутреннее здоровье человѣка и ведетъ его шумно, дикими прыжками, какъ будто его ужалилъ тарантулъ—не къ святому вѣнцу. Дѣйствительно, еслибы не вмѣшалась смерть или, что счастливѣе, если бы жизнь и публика не были бы глупыми и неожиданное несправедливое забвеніе не слѣдовало бы за этимъ неожиданнымъ, несправедливымъ блескомъ и не подавляло бы его благодѣтельнымъ, хотя и весьма болѣзненнымъ образомъ, то нельзя сказать, чѣмъ кончалъ бы иной человѣкъ, достигшій славы или, еще болѣе, бѣдная, достигшая славы женщина.

LXI. Другъ мой, всѣ разговоры и вся слава имѣютъ лишь короткую жизнь; они глупы и ложны. Одно только настоящее дѣло, которое ты добросовѣстно исполняетъ, вотъ что дѣйствительно вѣчно, какъ всемогущій Основатель и самъ Создатель міра.

LXII. Твоя «побѣда»? Бѣдный чортъ, въ чемъ состоитъ твоя побѣда? Если дѣло это несправедливое, то ты непобѣдимъ, даже еслибы горѣли костры на сѣверѣ и югѣ и звонили бы въ колокола, и редакторы газетъ писали бы передовыя статьи: справедливое дѣло было бы навсегда отстранено и уничтожено и лежало бы попраннымъ на землѣ. Побѣда? Черезъ нѣсколько лѣтъ ты умрешь и станешь мрачнымъ, — холоднымъ, окоченѣлымъ, безглазымъ, глухимъ; никакого огня отъ костровъ, никакого колокольнаго звона или газетныхъ статей, небудетъ тебѣ слышно или видно въ будущемъ. Какая же это побѣда!

LXIII. Боже, «наши потомки».—«Эти бѣдные шотландскіе бонвиваны», говорилъ я французу, такимъ французскимъ языкомъ, какой былъ въ моемъ распоряженіи,—«они взывали къ...»—«Къ потомству», перебилъ онъ меня, чтобы прійти мнѣ на помощь.—«Ахъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Они взывали къ вѣчному Богу; но никоимъ образомъ не къ потомству! Это было совсѣмъ другое дѣло».

Молчаніе.

I. *Молчаніе* и *умалчиваніе*! Еслибы въ наше время строили алтари,—то имъ были бы воздвигнуты алтари для всеобщаго поклоненія. Молчаніе—стихія, въ которой формируюся великія вещи для того, чтобы въ готовомъ видѣ и величественно выступить на свѣтъ жизни, надъ которымъ они сразу должны господствовать.

Не только Вильгельмъ Молчаливый, но и всѣ выдающіеся люди, которыхъ я зналъ,—даже самые недипломатичные изъ нихъ и самые нестратегичные избѣгали болтать о томъ, что они творили и проектировали. Да, въ твоихъ собственныхъ обыкновенныхъ затрудненіяхъ, молчи только одинъ день, и насколько яснѣе покажутся тебѣ на слѣдующее утро твои намѣренія и обязанности—какіе остатки и какую дрянь выметаютъ эти нѣмые работники, если отстраняется назойливый шумъ! Рѣчь часто, какъ французы это опредѣляютъ, не есть искусство скрыть мысли, но

окончательно останавливать и подавлять ихъ, такъ что уже нечего больше скрывать.

И рѣчь велика, но это не самое большое. Какъ гласитъ швейцарская надпись:

«Разговоръ серебро, а молчаніе золото»; или, какъ я это охотнѣе опредѣлилъ бы:

«Разговоръ принадлежитъ времени, молчаніе—вѣчности».

Пчелы не работаютъ иначе, какъ въ темнотѣ; мысли работаютъ не иначе, какъ въ молчаніи и добродѣтель точно также дѣйствуетъ не иначе, какъ въ тайнѣ. Да не узнаетъ твоя правая рука того, что дѣлаетъ лѣвая! Даже собственному своему сердцу ты не долженъ выболтать тѣхъ тайнъ, которыя извѣстны всѣмъ

Развѣ стыдливость не почва для всѣхъ добродѣтелей, для всѣхъ хорошихъ нравовъ и для всей нравственности. Какъ и другія растенія, добродѣтель не растетъ тамъ, гдѣ корень ея не спрятанъ отъ солнца. Пусть свѣтитъ на него солнце, или ты самъ на него посмотри тайкомъ, и корень завянетъ и никакой цвѣтокъ не обрадуетъ тебя.

О, друзья мои, если мы станемъ разглядывать прекрасные цвѣты, украшающіе бесѣдку супружеской жизни и окружающіе человѣческую жизнь ароматами и небесными красками,—какая рука не поразитъ позорнаго грабителя, вырывающаго ихъ съ корнями и показывающаго съ противной радостью навозъ, на которомъ они произрастаютъ!

II. Такъ глубоко въ нашемъ существованіи значеніе тайны. Справедливо поэтому древніе считали молчаніе божественнымъ, такъ какъ это основа всякаго божества, безконечности или трансцендентальной величины и одновременно источникъ и океанъ, въ которыхъ всѣ они начинаются и кончаются.

Въ томъ же смыслѣ и пѣли поэты «Гимны ночи», какъ будто ночь благороднѣе дня, какъ будто день только маленькая, пестрая вуаль, которую мимоходомъ набросили на безконечныя колѣни ночи и искажаетъ ея чистую, прозрачну вѣчную глубину, скрывая ее отъ нашихъ взоровъ. Такъ говорили они и пѣли, какъ будто молчаніе это—рельефное ядро, и полная сумма всѣхъ гармоній, а смерть,—то, что смертные называютъ смертью,—собственно и есть начало жизни.

Помощью такихъ картинъ,—такъ какъ о невидимомъ можно только говорить картинами,—люди постарались выразить великую истину—истину, забытую насколько это только возможно мастерами нашего времени, но которая тѣмъ не менѣе остается вѣчно вѣрной и вѣчно важной, и которая когда-нибудь, въ видѣ новыхъ картинъ, снова запечатлѣется въ нашихъ сердцахъ.

III. Всмотрись, если у тебя есть глаза или душа, въ это большое безбрежное царство непонятнаго, въ сердце его бушующихъ явленій, въ его запутанность и бѣшеный водоворотъ времени. Не лежитъ-ли тѣмъ не менѣе молчаливо и вѣчно «справедливое», «прекрасное, единственная дѣйствительность и конечное господствующее могущество цѣлаго? Это не слова а фактъ. Извѣстный всѣмъ животнымъ фактъ силы тяготѣнія не болѣе вѣрна, нежели этавну тренняя сущность, которая можетъ быть извѣстна всѣмъ людямъ. Знающему—это молчаливо, благоговѣйно невыразимо западетъ въ сердце. Вмѣстѣ съ Фаустомъ онъ скажетъ: «Кто смѣетъ назвать его»? большинство ритуальностей или названій, на которыя онъ теперь наталкивается, вѣроятно «названія того, что должно оставаться не названнымъ». Въ молчаніи, въ храмѣ вѣчности нужно молиться ему, если нѣтъ для него подходящаго слова. Это знаніе, вѣнецъ всего его духовнаго бытія, жизнь его жизни, пусть онъ сохранитъ и послѣ этого пусть свято

живетъ. У него есть религія. Ежечасно и ежедневно, для него самого и для всего свѣта, воздается вѣрующая, невысказанная, но и не безразличная молитва: «Да будетъ воля твоя».

IV. Для человѣка, имѣющаго вѣрное объ этомъ представленіе, праздная болтовня именно и есть начало всей пустоты, всей неосновательности и всякаго невѣрія; благопріятная атмосфера въ которой всевозможныя сорныя травы преобладаютъ надъ болѣе благородными фруктами человѣческой жизни, угнетаетъ и подавляетъ ихъ—одна изъ наиболѣе кричащихъ болѣзней нашего времени, противъ которой нужно всякими способами бороться. Самымъ умнымъ изъ всѣхъ умныхъ правилъ, которое простирается далеко за нашу мелкую глубину: «Береги свой языкъ, оттого что отъ него происходитъ теченіе жизни»! Въ сущности говоря, человѣкъ воплощенное слово; слово, которое онъ говоритъ, самъ человѣкъ. Глаза, вѣроятно, вставлены въ наши головы для того, чтобы мы *видѣли*, а не для того только чтобы мы воображали и увѣряли правоподобнымъ образомъ, что мы *видѣли*. Былъ ли языкъ вставленъ въ нашъ ротъ для того, чтобы онъ правду говорилъ о томъ, что онъ видитъ и для того, чтобы онъ дѣлалъ человѣка братомъ по духу человѣка, или для того только, чтобы издавать пустые звуки и смущающую душу болтовню и препятствовать этимъ, какъ заколдованною стѣною мрака, соединенію человѣка съ человѣкомъ? Ты, владѣющій тѣмъ осмысленнымъ, созданнымъ небомъ, органомъ—языкомъ, подумай объ этомъ хорошенько. Поэтому, очень тебя прошу, не говори раньше, чѣмъ мысль твоя молчаливо не созрѣетъ раньше чѣмъ ты не издалъ другого безумнаго или дѣлающаго безумнымъ—звука; пусть отдыхаетъ твой языкъ, пока не явится разумная мысль и не приведетъ его въ движеніе. Обдумай значеніе *молчанія*; оно безгранично, никогда не исчерпается обдумываніемъ и невыразимо выигрышно для тебя! Прекрати ту хаотическую болтовню, изъ за которой собственная твоя душа подвергается неясному, самоубійственному искаженію и оглушительности; въ молчаніи—твоя сила. «Слова—серебро, молчаніе—золото; рѣчь человѣчна, молчаніе божественно». Глупецъ! думаешь-ли ты, что оттого, что нѣтъ никого подъ рукой, чтобы записывать твою болтовню, она умираетъ и становится безвредной? Ничто не умираетъ, ничто не можетъ умереть. Праздное слово, сказанное тобой—это брошенное во-время, сѣмя,—которое всегда растетъ!

V. Что меня касается, то, въ дни громкой болтовни, я уважаю еще болѣе молчаливость. Велико было молчаніе римлянъ,—да, величайшее изъ всѣхъ, потому что это не было молчаніемъ боговъ! Даже тривіальность и ограниченность, умѣющія держаться спокойно и молчаливо, пріобрѣтаютъ сравнительно приличный видъ!

VI. Молчаніе велико: должны были бы быть и великіе молчаливые люди. Хорошо сознавать и понимать, что никакое достоинство,—извѣстное или нѣтъ—не можетъ умереть. Дѣятельность неизвѣстнаго, хорошаго человѣка подобна водяной силѣ, которая течетъ спрятанной подъ землей и тайно окрашиваетъ зеленью дно, она течетъ и течетъ и соединяется съ другими жилами и жилками; наступитъ день, когда она забьетъ видимымъ, непобѣдимымъ ключемъ.

VII. Литературный талантъ, есть ли у тебя литературный талантъ? Не вѣрь этому; не вѣрь! Природа не предназначила тебя для рѣчи и писанія, а для работы. Знай: никогда не существовало таланта для настоящей литературы,—нечего и говорить обо всемъ томъ талантѣ, который расточали и тратили на мнимую литературу,—который первоначально не былъ наклонностью къ чему-то безконечно лучшему—«молчаливому». Лучше отнесись къ литературѣ немного скептически. Гдѣ бы ты ни былъ, работай;

то, что твоя рука можетъ дѣлать, дѣлай рукой человѣка, не тѣни. Да будетъ это твоимъ тайнымъ блаженствомъ, твоей большой наградой. Пусть будетъ мало твоихъ слезъ. Лучше молчи, нежели говорить въ эти злые дни, когда изъ-за сплошнаго разговора одного человѣка голосъ его становится неяснымъ другому, когда посреди всей болтовни сердца́ взаимно остаются темными и нѣмыми. Прежде всего, не будь остроумнымъ: никому изъ насъ не предложено подъ страхомъ наказанія, всѣ мы обязаны быть умными и правдивыми.

Молодой другъ, котораго я люблю и извѣстнымъ образомъ *знаю*, хотя никогда не видѣлъ и не увижу тебя,—ты можешь то,—чего мнѣ не дано,—учиться, *быть* чѣмъ-нибудь и дѣлать что-нибудь вмѣсто того, чтобы краснорѣчиво говорить о томъ, что было и будетъ сдѣлано. Мы, старые, останемся, чѣмъ были и не измѣнимся; вы—наша надежда. Надежда вашего отечества и свѣта заключается въ томъ, чтобы когда-нибудь снова милліоны стали бы такими, какіе теперь встрѣчаются въ единичныхъ случаяхъ. «Слава тебѣ; иди счастливой стопой». Да узнаютъ лучше нашего будущія поколѣнія молчаніе и все благородное, вѣрное и божественное и да оглянутся они на насъ съ недовѣрчивымъ удивленіемъ и состраданіемъ.

VIII. На поприщѣ литературы дойдутъ еще до того, чтобы платить писателямъ за то, что онѣ *не* писали. Серьезно, не подходитъ ли дѣйствительно это правило ко всему писанію и тѣмъ болѣе ко всякой рѣчи и ко всякому поступку? Не то, что находится *надъ* землей, а то невидимое, что лежитъ подъ нею, въ видѣ корня и основного элемента, опредѣляетъ цѣнность. За всякими рѣчами, стоющими чего-нибудь, лежитъ гораздо лучшее, молчаніе. Молчаніе глубоко, какъ вѣчность, рѣчь течетъ, какъ время. Не кажется ли это страннымъ? Скверно вѣку, скверно людямъ, если это старая, какъ свѣтъ, истина стала совершенно чуждой.

IX. Тысячу лѣтъ молчаливо растетъ въ лѣсу дубъ, только на тысячномъ году, когда дровосѣкъ приходитъ съ топоромъ, раздается эхо въ тишинѣ, и дубъ даетъ знать о себѣ, когда онъ *падаетъ* съ оглушительнымъ шумомъ. Какъ тихо жолудь былъ посаженъ, снесенный случайнымъ вѣтромъ! Когда цвѣлъ дубъ и украшался листьями,—то это радостныя для него событія не возвѣщались радостными криками. Изрѣдка лишь слышалось слово признанія со стороны спокойнаго наблюдателя. Все это не было *событіемъ*,—это спокойно *свершалось*; не въ одинъ часъ, а въ теченіе многихъ дней; что можно было объ этомъ сказать? Этотъ часъ казался похожимъ на послѣдній, похожимъ на послѣдующій.

Такъ происходитъ всюду; безумная молва не болтаетъ о томъ, что было сдѣлано, а о неудачахъ и объ опозданіяхъ; и безумная исторія (болѣе или менѣе сокращенный, письменный обзоръ молвы) знаетъ мало достойнаго изученія. Нашествіе Аттилы, крестовый походъ Вальтера неимущаго, сицилійская вечеря, тридцатилѣтняя война: одинъ только грѣхъ и бѣда; никакой работы, только препятствіе и задержка всякой работы. Земля одинаково ежегодно зеленѣла и урожай ея созрѣвалъ; рука рабочаго, умъ мыслителя не отдыхали; благодаря этому, у насъ несмотря на все, остался великолѣпный, прославленный, цвѣтущій цвѣтъ. Бѣдная исторія можетъ спросить себя съ удивленіемъ: «откуда онъ происходитъ?» Мало знаетъ она о немъ, много о томъ, что задержало его и хотѣло уничтожить его. Это ея обычай и правило: благодаря ли необходимости или безумному выбору и рѣдкая фраза справедлива: «Счастливъ народъ, коего календари остаются пустыми».

X. Такъ же обстоитъ со всѣми видами интеллигентности, направлена ли она на поиски за правдой или на соотвѣтствующія сообщенія ея, на поэзію, на краснорѣчіе или на тайную проницательность, которая служитъ

основаніемъ для этихъ двухъ послѣднихъ. Характерный признакъ труда,—постоянно,—извѣстная доля безсознательности. «Здоровые не знаютъ о своемъ здоровьи; знаютъ о немъ лишь больные».

XI. Мудрость,—божественный вѣстникъ, который приноситъ съ собой въ этомъ мірѣ каждая человѣческая душа, божественное предсказаніе новой и присущей ему способности дѣйствовать, которую новый человѣкъ получилъ, по своему существу молчалива. Ее нельзя сразу и вполнѣ прочитать словами; потому что она написана въ непонятной дѣйствительности таланта, положенія, желаній и возможности, которыми снабжены люди, она кроется въ предчувствіи, въ неизвѣстной борьбѣ, страстномъ стараніи и можетъ быть вполнѣ прочитана лишь тогда, когда *исполнена* ея работа.

Не благородныя движенія природы, а низкія,—вводятъ человѣка въ искушеніе, чтобы обнаружить тайну его души въ словахъ. Если у него есть тайна, слова всегда остаются недостаточными. Слова только задерживаютъ настоящее обнаруженіе поступка, мѣшаютъ ему и сдѣлаютъ его, наконецъ, невозможнымъ. Никто изъ тѣхъ, кто совершаетъ важное на свѣтѣ, не станетъ говорить объ этомъ подробно. Вильгельмъ Молчаливый лучше всего говорилъ освобожденной страной; Оливеръ Кромвель не блисталъ краснорѣчіемъ; Гете находилъ, что когда онъ хотѣлъ писать книгу, не надо объ этомъ говорить; тогда только она будетъ удачна.

XII. Человѣкъ и его работа не оцѣниваются по тому, что называется ихъ вліяніемъ на свѣтъ, но тому, благодаря чему мы можемъ судить объ ихъ вліяніи. Вліяніе? дѣйствіе? польза? Дайте намъ *дѣлать* нашу работу; забота объ ея плодахъ принадлежитъ другимъ. Ея собственные плоды созрѣютъ; воплотятся ли они въ тронахъ калифовъ или арабскихъ завоеваніяхъ и напомнятъ ли они собой «всѣ утреннія и вечернія газеты» и всѣ историческія сочиненія (своего рода дестиллированныя газеты), или они совсѣмъ не воплотятся,—какое это имѣетъ значеніе? Это не настоящій ея плодъ. Арабскій калифъ представлялъ собою цѣнность и значеніе лишь по тому, что онъ могъ дѣлать. Если бы великое дѣло человѣчества, человѣческая работа на Божьемъ свѣтѣ не поощрялась калифомъ, то не имѣло бы никакого значенія, сколько турецкихъ сабель ему доставалось въ видѣ добычи, сколько золотыхъ монетъ онъ вкладывалъ въ карманъ, какой шумъ и тревогу подымалъ онъ на свѣтѣ,—онъ былъ лишь шумнымъ ничтожествомъ; въ сущности, его и вовсе не было. Будемъ уважать великое царство *молчанія*! Неизмѣримый кладъ, котораго мы не можемъ хвастливо пересчитать и показать людямъ! Это каждому изъ насъ болѣе всего нужно въ эти громкія времена.

XIII. Если обсудить дѣло по болѣе высокому масштабу, то мы замѣтимъ, что вѣка геройства не вѣка нравственной философіи. Если можно философствовать о добродѣтели, то она познала самое себя, она стала больной и становится все дряхлѣе.

XIV. Въ нашемъ внутреннемъ, какъ и въ нашемъ внѣшнемъ мірѣ намъ открыто лишь «механическое», но отнюдь не динамическое и имѣющее въ себѣ жизненную силу. Передъ мышленіемъ, мы лишь изъ наружной поверхности составляемъ опредѣленныя мысли,—подъ областью логическаго доказательства и сознательнаго выраженія мыслей лежитъ область созерцанія. Здѣсь, въ ея спокойной, таинственной глубинѣ, живетъ жизненная сила, которая есть въ насъ, и здѣсь, если нужно что-нибудь создать,—а не только изготовить и сообщить, — должна начаться работа. Приготовленіе понятно, но тривіально; созданіе велико и не можетъ быть понято. Поэтому, если спорящій или демонстраторъ, которыхъ мы можемъ считать наиболѣе проницательными среди настоящихъ мыслителей,—знаетъ, что онъ сдѣлалъ и какъ онъ это сдѣлалъ, то, наоборотъ художникъ, ко-

того мы ставимъ на самую высокую ступень, — не знаетъ этого; онъ долженъ говорить о вдохновеніи и на одномъ или другомъ діалектѣ назвать свое произведеніе подаркомъ Божества.

Въ общемъ же «Геній остается всегда тайной для самого себя»; мы всюду ежедневно видимъ доказательства этой старой истины.

XV. Какъ вѣрно, что всякое дѣяніе, которое дѣлаетъ человѣкъ или народъ въ *сознаніи* сдѣлать нѣчто великое,—не велико, а мало.

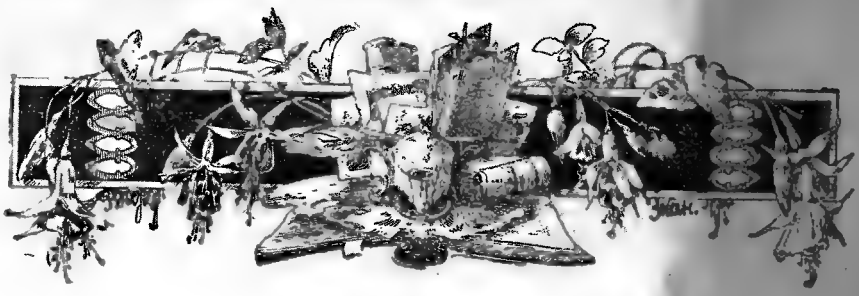
XVI. Поэтому повторяемъ еще разъ: «великое, творящее и продолжительное, всегда остается для себя тайной,—и лишь малое, неплодотворное и проходящее—иначе.

XVII. Мы, и даже строжайшіе изъ насъ, смотримъ какъ на нѣчто естественное, что всѣ люди, сдѣлавшіе что-нибудь, имѣютъ право объявлять объ этомъ по возможности громче, и приглашать публику ихъ за это вознаградить. Каждый свой собственный трубачъ,—это принятое до дѣйствительно сильной степени правило. Рекламируй, какъ можно громче, свою шляпу. Сначала придерживайся правдивой рекламы, если это достигаетъ цѣли; если нѣтъ,—то ухватись за ложную, насколько нужно для твоей цѣли, и не настолько ложную, чтобы ей нельзя было повѣрить.

Ни отъ одного человѣка природа не требуетъ, чтобы онъ рекламировалъ свои дѣйствія и дѣянія и фабрикацію своихъ шляпъ, — природа даже запрещаетъ людямъ дѣлать это. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка или шляпочника, который не чувствовалъ или не чувствовалъ бы, что онъ унижаетъ себя разговорами о своихъ предпочтеніяхъ и о своемъ превосходствѣ въ этомъ ремеслѣ. Въ глубинѣ своего сердца онъ слышитъ: «предоставь своимъ врагамъ или друзьямъ говорить объ этомъ!» Онъ чувствуетъ, что онъ уже бѣдный хвастунъ, который быстрыми шагами идетъ навстрѣчу лжи и неправдѣ. Повторяю, законы природы вѣчны и ихъ тихій голосъ, говорящій изъ глубины нашего сердца, не долженъ остаться неуслышаннымъ подъ страхомъ сильнаго наказанія. Ни одинъ человѣкъ не можетъ отдалиться отъ истины безъ вреда для самого себя; тоже самое относится и къ одному милліону или къ двадцати семи милліонамъ людей.

Покажите мнѣ націю, которая вездѣ впала въ такое поведеніе, что каждый ожидаетъ этого и позволяетъ это себѣ и другимъ, и я укажу вамъ націю, идущую единодушно по широкой дорогѣ, ведущей къ погибели.

XVIII. Счастливы смиренные, счастливы неизвѣстные. Написано: «ты желаешь себѣ великихъ вещей? Не желай этого». Живи, гдѣ ты есть, но живи умно, дѣятельно».



Списокъ книгъ, данныхъ въ приложеніяхъ къ „Вѣстнику Знанія“ за 3 г. (1903–1905).

съ обозначеніемъ цѣнъ въ отдѣльной продажѣ.*).

Отд. I. Общественно-экономическія и юридическія науки.

Мультатули и его произведенія»	—	р.	50 к.
Съ введ. проф. Оствальда. «Искусство и наука»	—	»	50 »
Проф. Ру. «Краткая исторія искусства»	1	»	— »
Проф. Арнольдъ. «Культура эпохи возрожденія»	—	»	50 »
«Литературные портреты»: Ибсенъ — проф. Брандеса, Гауптманъ—Б. Маршаль и Метерлинкъ—Гартмана	—	»	50 »
* Проф. Сеньобосъ. «Новѣйшая исторія съ 1815 г.»— 1 ч. 1 р. 50 к., II ч.—2 р.; вмѣстѣ ц.	3	»	— »
Проф. Лоліе. «Обзоръ исторіи всемірн. литерат.»	—	»	80 »
Проф. Веберъ. «Панорама вѣковъ»	1	»	— »
М. Бунзенъ. «Рескинъ, его жизнь и дѣятельность»	—	»	50 »
Проф. Мутеръ. «Старое искусство»	—	»	80 »
* Проф. Пеллисье. «Французск. литер. XIX въ 2 ч. по 80 к., вмѣстѣ	1	»	40 »
Проф. Блохъ. «Сословн. и соціальн. исторія Гюдри-Мено. «Женщина	—	»	50 »
«Соціальныя утопіи»	—	»	50 »
«Общественно-политич. жизнь Запада. Англія»	—	»	50 »
«Краткій систем. словарь экономич. наукъ, въ 2-хъ част.»	1	»	10 »
въ переплетѣ	1	»	55 »
Проф. Зомбартъ и проф. Келлесъ-Краузъ. «Соціологическіе этюды»	—	»	50 »
«Ужасы войны и ея конецъ»	1	»	— »
Проф. Клермонтъ. «Популярная политич. экономія»	—	»	60 »
*К. Каутскій. «Очерки политической экономіи. Экономическое ученіе Маркса» (полный перев.)	—	»	50 »
Поленцъ. «Страна свободы»	1	»	— »
*Проф. Монье. «Соціологія»	—	»	80 »
*Проф. А. Льесъ. «Статистика»	—	»	50 »

*) Не имѣя возможности перечислить здѣсь статьи, помѣщавшіяся въ самомъ «Вѣстникѣ Знанія» за три предыдущихъ года, мы принуждены ограничиться сообщеніемъ лишь сполна книгъ, данныхъ за это время въ видѣ безплатныхъ приложеній. Замѣтимъ лишь, что всѣ статьи, за немногими исключеніями, нисколько не утратили интереса для читателей и въ настоящее время.

*«Краткій систематич. словарь юридич. наукъ» въ 3-хъ частяхъ по 60 к. кажд. часть, вмѣстѣ	1 р.	50 к.
въ перепл.	2 »	25 »

Отд. II. Исторія и біографія, исторія литературы, критика и исторія искусствъ.

Проф. Боринскій и Жинисти. «Театръ, его задачи, исторія и представители.—Соврем. театральная жизнь»	1 р.	— к.
Мишо д'Юміакъ. «Великія легенды человѣчества»	— »	50 »
Проф. Эмерсонъ. «Великіе люди»	— »	70 »
«Историческія загадки»: проф. Шерръ. «Лжедимитрій царь Московскій». Вопросъ о Лжедим. въ русск литер. «Желѣзная маска». «Графъ Каліостро». «Загадка Тамиля» и т. д.	— »	50 »
Проф. Андерсенъ. «Исторія погибшихъ цивилизацій Востока»	— »	90 »
Проф. Мутеръ и проф. Кнакфусъ. «Изъ исторіи искусства»	— »	70 »
Проф. Гартъ. «Исторія западной литературы XIX в.»	1 »	20 »
*Проф. Уэльдстинъ. «Искусство XIX вѣка» «Римск. республики»	— »	75 »
Изъ серіи «Общедоступный Университетъ». «Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторіей» 8 част. по 50 коп. вмѣстѣ	2 »	50 »

Отд. III. Философія, психологія, логика.

Проф. Алоизъ Риль. «Введеніе въ соврем. философію»	— »	65 »
проф. Риль и проф. Кюльпе. «Введеніе въ философію» и «Совр. германск. философія»	— »	80 »
Профессоровъ Вольн. Унив. Обществ. Наукъ «Лекціи по обществ. этикѣ»	— »	90 »
Проф. Виндельбандтъ. «О свободѣ воли»	— »	70 »
Проф. Вундтъ. «Психологія и естествованіе»	— »	75 »
Д-ръ Эльзенгансъ. «Психологія и логика»	— »	50 »
В. Битнеръ. «Ницше и его произведенія»	— »	50 »

Отд. V. Естествознаніе и медицина, географія и этнографія.

Изъ серіи «Общедоступн. Университетъ» 1903 г. «Атмосфера»—3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	1 р.	— к.
«Теплота» — 3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	1 »	— »
«Свѣтъ» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	— »	70 »
«Звукъ»	— »	50 »
«Вода въ природѣ» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	— »	80 »
«Лучи и волны». 50 к., Всѣ 12 ч.	3 »	— »
Изъ серіи «Общед. Унив.» 1904 г. «Электричество и магнетизмъ» 3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	1 »	15 »
«Механика» — 50 к., вмѣстѣ съ Электрич. и магнетизмомъ».	1 »	55 »
Изъ серіи «Общед. Унив. 1905 г. * проф. Заксъ «Строеніе и дѣятельн. человѣч. тѣла» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	— »	90 »
* Проф. Крейбихъ. «Пять чувствъ человѣка» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	— »	90 »
* Д-ръ Зейлеръ. «Ученіе о здоровьѣ — Гигіена»	— »	40 »
* Проф. Гааке. «Человѣческія расы»	— »	60 »
* М. Н. Т. «Жизнь европейск. народ.» 4 ч. вмѣстѣ	2 »	— »

Проф. Серванъ. «Допотопная Европа» . . . . . — р. 70 к.
Бельше. «Завоеваніе человѣка» . . . . . — » 50 »
Его же «Исторія міросозерцанія до Колумба» . . . . — » 50 »
Проф. Бернацкій. «Современ. медицина, сущн. и пред. врачебн. знанія» . . . . . — » 50 »
Бреннеръ и В. Бельше. «Астроном. вечера» . . . 1 » — »
В. Битнеръ. «Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни» . . . . . 1 » — »
Проф. Мейеръ. «Жизнь на землѣ и ея конецъ». . . — » 70 »
Его же «Космическія и земныя катастрофы» . . . — » 50 »
Проф. Боммели и проф. Макмиланъ. «Жизнь растеній» . . . . . — » 75 »
В. Бельше. «Исторія соврем. естествозн.» . . . . — » 60 »
* Проф. Бальфуръ Стюартъ. «Курсъ физики» ч. 1-я 1 р. 40 к. ч. 2-я—1 р., вмѣстѣ . . . . . 2 » — »
* Проф. Боммели. «Міръ растеній» . . . . . 1 » — »
*. Бельше. «Основы развитія органич. міра» . . . — » 60 »
В. Битнеръ. «Популярн. химія» . . . . . — » 65 »
В. Бельше. «Происхожд. органич. жизни» . . . . — » 50 »
* Его же «Происхожд. человѣка. Будущность человѣчества» — » 80 »
* Его же «Прогрессъ дарвинизма» . . . . . — » 50 »
* К. Фламмаріонъ. «Попул. лекціи по астроном.» . . 1 » 50 »
С. Исаковъ. «Руководство для собир. ест.-ист. коллекц. и наблюд. природы» . . . . . — » 90 »
* Д-ръ Целль. «Умъ животныхъ» . . . . . — » 80 »
Проф. Оствальдъ. «Школа химіи» ч. I . . . . . 1 р. — к
» » » » ч. II . . . . . 1 » 60 »
» » » » вмѣстѣ . . . . . 2 » 10 »
«Кратк. сист. словарь біологич. наукъ», 3 части . . . . 2 » — »
въ переплетѣ . . . . 2 » 45 »
Проф. Гюнтеръ «Физическая географія» . . . . . — » 50 »

Отд. V. Языкознаніе и прикладныя науки.

«Новый самоучитель эсперантскаго языка . . . . . — р. 75 к.
А. І. Сапонько «Стенографія, ея исторія и самоучитель по слуховой методѣ для всѣхъ языковъ». Изданіе иллюстрированное . . . . . 1 » — »
«Самоучитель рисованія и живописи красками» . . . 1 » — »
Словарь научныхъ терминовъ, иностранныхъ словъ и выраженій, вошедш. въ употр. въ рус. яз.» . . . . . 3 » — »

Книги, обозначенныя звѣздочкою *, вышли въ приложеніи къ «Вѣстнику Знанія» въ 1905 г. и выпущены въ продажу на веленевой бумагѣ. Для новыхъ на 1906 г. подписчиковъ на «Вѣстникъ Знанія» и «Недѣлю», а также и «Научную Библіотеку» и *членовъ союза подписчиковъ* «Вѣстника Знанія» *дѣлается скидка* съ обозначенныхъ цѣнъ—50% (½ стоимости) на книги, вышедшія въ 1903—1904 г.г. и отпечатанныя на обыкн. бумагѣ (кромѣ систематическихъ словарей—экономическихъ наукъ и біологическихъ наукъ, —(на которые скидки не дѣлается), и 25% (¼ стоимости) на книги, обозначенныя звѣздочкою * и выпущенныя въ 1905 г. на веленевой бумагѣ. Пользующіеся скидкою принимаютъ пересылку на свой счетъ. Выписывающіе (даже не подписчики) изъ *глав. конторы редакціи «Вѣстника Знанія» С.-Петербургъ, Невскій пр. 47*, и непользующіеся скидкою за пересылку не платятъ. Для тѣхъ, кто имѣетъ право на скидку, т. е. новые подписчики и члены союза «Вѣстника

Знанія», понижена также цѣна на полные комплекты «Вѣстника Знанія» и «Недѣли» за прошлые года, а именно, по 5 р. экземпляръ «Вѣстн. Зн.» съ приложеніями за 1903 и 1904 г.г.; 6 р. 50 к. за «Вѣстн. Зн.» съ прилож. 1905 г. (осталось лишь нѣсколько экземпляровъ); 1 р.—«Недѣля» 1905 г. Пересылка на счетъ заказчиковъ. Крышки для переплетовъ (англ. коленкоръ, тиснен. золот. и краск.) «Вѣстн. Зн.» съ прилож. за 1903 (7 крышекъ) стоятъ особо 1 р. 55 к.—для «Вѣстн. Зн.» съ прилож. за 1904 г. (8 крыш.) 1 р. 75 к. Крышки для переплетовъ «Вѣстн. Зн.» съ прилож. за 1905 г. (10 крыш.) 2 р. 20 к. Пересылка крышекъ отдѣльно 55 к. Желающіе выписать прошлые года «Вѣстн. Зн.» съ прилож. въ переплетахъ приплачиваютъ по 20 к. за вставку каждаго тома, т. е. 1 р. 40 к., 1 р. 60 к. и 2 р. (1903—7 т., 1904—8 т., 1905—10 т.). Переплеты для «Научной Библіотеки» ц., по подпискѣ, 30 к. для каждаго тома. Адресъ *Главной конторы «Вѣстника Знанія» и «Научной Библіотеки»*: уголъ Владимирскаго и Невскаго № 1—47.

Слѣдующія книги, написанныя и редактированныя В. В. Битнеромъ, но въ чужихъ изданіяхъ, могутъ быть выписываемы черезъ контору «Вѣстника Знанія», при чемъ за пересылку слѣдуетъ прилагать приблизительно 20 к. съ рубля.

Вѣрить или не вѣрить? Экскурсіи въ область таинственнаго. Научное объясненіе загадочныхъ явленій (спиритизма и пр.). Изданіе Павленкова. Ц. 1 р. 50 к. *Первые обитатели Москвы.* Разсказъ изъ временъ сѣдой старины. Изд. Сойкина. Ц. 50. *Общедоступный химическій анализъ почвы.* Ц. 40 к.

Изъ серіи книгъ подъ заглавіемъ «Народный Университетъ»:

«Міръ въ каплѣ воды». Ц. 50 к. *Доисторическій человѣкъ.* Въ двухъ частяхъ. I. Происхожденіе и сѣдая древность человѣчества. II. На зарѣ исторіи. Ц. 1 р. *Мозгъ, какъ органъ мышленія.* Ц. 50 к. *Невидимые враги и друзья.* Ц. 50 к. *Прогулки по небу.* Ц. 50 к. *Происхожденіе органическаго міра.* Ц. 50 к. *Происхожденіе и значеніе денегъ.* Ц. 50 к. *Чудеса электричества.* Ц. 1 р. *Отъ полюса до экватора.* Ц. 1 р. *Въ Новый Свѣтъ прежде и теперь.* Ц. 50 к. *Силы природы и пользованіе ими.* Ц. 1 р. *Страна чудесъ Новаго Свѣта.* Ц. 50 к.

На рубежѣ столѣтій. *Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и культурныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка.* Болѣе 1200 стр. со множествомъ иллюстрацій лучшихъ художниковъ, отдѣльныхъ картинъ въ краскахъ и пр.

Томъ первый въ двухъ частяхъ:

I. *Исповѣдь земли.* Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи. II. *Сѣдая древность человѣчества.* Очеркъ успѣховъ археологіи. Ц. 3 р. съ пересылкою 3 р. 50 к.; въ переплетѣ 4 р. съ перес. 4 р. 50 к. Томъ второй, въ трехъ частяхъ:

III. *Откуда, кто и куда мы?* Очеркъ успѣховъ естествознанія. IV. *Въ волнахъ безконечности.* Очеркъ успѣховъ астрономіи. V. *Научный театръ—будущая школа для народа.* Очеркъ успѣховъ народнаго образованія.

Языкъ для всѣхъ народовъ міра—эсперанто проф. Оствальда и Л. Горскаго. Ц. 40 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ и КРАЙНЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

„Научная Библіотека"

имѣющее въ виду отвѣчать потребности необладающей большими средствами интеллигенціи въ хорошей дешевой книгѣ, изданной со всею допускаемою содержаніемъ роскошью въ отношеніи иллюстрацій. Основною цѣлью этого изданія является желаніе удовлетворить очевидной нуждѣ въ капитальныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ популярно и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчающихъ строгимъ требованіямъ, предъявляемымъ ко всякому серьезному научному труду, разсчитанному на широкій кругъ читателей. Сочиненія, входящія въ «Научную Библіотеку», отличаясь достаточною полнотою, не переходящею, однако, за предѣлы, отдѣляющіе научно-образованнаго человѣка отъ узкаго спеціалиста, могутъ, тѣмъ не менѣе, давать солидныя познанія, являющіяся основою для дальнѣйшаго спеціальнаго изученія, и служить для справокъ. «Научная Библіотека», такимъ образомъ, является изданіемъ, которое должно служить для завершенія образованія,—дальше уже начинается область спеціальнаго изученія.

Общій планъ «Научной Библіотеки» слѣдующій. Она дѣлится на 14 отдѣловъ, съ особою годовою подпискою на каждый отдѣлъ—**2** р. **50** к. въ годъ (по 12 выпусковъ каждый отдѣлъ въ годъ) безъ пересылки и **3** р. съ пересылкой. Отдѣлы будутъ слѣдующіе: 1) **Біологическій и естествознаніе вообще**, 2) **Физико-математическій**, 3) **Обществовѣдѣнія** (соціологія, политическая экономія, политика), 4) **Философскій**, 5) **Этическій** («Вопросы духа, вѣры и нравственности»), 6) **Землевѣдѣнія** (общая географія и описаніе Россіи), 7) **Историческій**. 8) **Историко-литературный и критическій**, 9) **Міровой литературы** (классики литературы, ихъ произведенія и біографіи), 10) **Искусства**, 11) **Юридическій**, 12) **Языкознанія и языковѣдѣнія**, 13) **Сельскаго хозяйства** и 14) **Техники, промышленности и торговли.**

Представляя собою рядъ капитальныхъ сочиненій, написанныхъ вполнѣ популярно, «Научная Библіотека», несмотря на очень низкую цѣну, будетъ издана со всею возможною роскошью—**множествомъ иллюстрацій черныхъ и въ краскахъ—на особыхъ листахъ и въ текстѣ.**

Въ первое время подписка принимается только на 6 отдѣловъ:

I. **Біологическій и общее естествознаніе.** Въ первую очередь пойдетъ здѣсь великолѣпное по содержанію и изложенію сочиненіе **КАРУСА ШТЕРНЕ. Міръ. его прошлое, настоящее и будущее.** Исторія развитія вселенной и ея обитателей въ общедоступномъ изложеніи. Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія, подъ редакціей **В. БЕЛЬШЕ** Русское изданіе подъ редакціей и дополненіями **В Битнера.** Со многими рисунками въ текстѣ, картинами и таблицами въ краскахъ—число иллюстрацій русскаго изданія будетъ значительно увеличено въ сравненіи съ нѣмецкимъ. **Подписная** цѣна на 12 выпусковъ **2** р **50** к. безъ пересылки и **3** р. съ пересылкой.

II. **Обществовѣдѣніе.** Печатаніе этого отдѣла начнется съ двухъ сочиненій: **«Политическіе мыслители XVIII и XIX вѣковъ»** — профессоровъ **Ф. АЛЬБЕРТА** и **А. ВЕЙЕ** и **«Основы соціальной политики»** профессора **ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРГТА.** Множество портретовъ и др. иллюстрацій на мѣловой бумагѣ и въ текстѣ. **Подписная ц. на 12 вып. 2** р. **50** к. безъ пересы **3** р. съ перес.

III. **Всемірная исторія.** Будетъ дано только-что вышедшее блестящее сочиненіе молодого профессора **Г. ШИЛЛЕРА «Всемірная исторія съ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія».** Этотъ трудъ будетъ въ русскомъ изданіи нами роскошно иллюстрированъ портретами, снимками памятниковъ старины и историческихъ документовъ, таблицами въ краскахъ и проч. **Подписная ц. на 12 вып. 2** р. **50** к. безъ перес. и **3** р. съ перес.

IV. **Философскій.**—**«Классики философіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней».** Это громадная исторія философіи, представляющая сочетаніе историческаго изложенія съ критическимъ освѣщеніемъ и выдержками изъ подлинныхъ сочиненій философовъ. Множество портретовъ и картинъ. **Подписная ц. на 12 вып. 2** р. **50** к. безъ перес. и **3** р. съ перес.

V. **Землевѣдѣніе.**— Параллельно будутъ выходить два сочиненія—**«Общая иллюстрированная физическая и политическая географія»** и **«Россія, полное всестороннее описаніе»**, составленное русскими учеными. Изданіе роскошно иллюстрированное, между прочимъ, оригинальными акварелями русской природы. **Подписная ц. на 12 вып. 2** р. **50** к. безъ перес. и **3** р. съ перес.

VI. Этическій (**Вопросы духа, вѣры и нравственности**).—Начнется съ печатанія двухъ сочиненій: **«Иллюстрированная исторія религій съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней»** и **«Бесѣды по вопросамъ воспитанія, вѣры и нравственности и о цѣли жизни».** Эти «бесѣды» написаны цѣлымъ рядомъ ученыхъ, мыслителей и общественныхъ дѣятелей. Все изданіе будетъ роскошно иллюстрировано. **Подписная ц. на 12 вып. 2 р. 50** к. безъ пересы **3** р. съ перес.

Порядокъ выхода «Научной Библіотеки»: Каждый отдѣлъ въ годъ выходитъ въ количествѣ 12 выпусковъ, т. е. въ шести отдѣлахъ въ годъ 72 выпуска. Отдѣльный выпускъ состоитъ изъ 48 или 64 страницъ большого формата и кромѣ того отдѣльныхъ портретовъ и картинъ на мѣловой бумагѣ. Если къ выпуску прилагаются дорогостоющія картины въ краскахъ, то онъ имѣетъ только 48 стр., если-же картинъ въ краскахъ не приложено, то выпускъ будетъ состоять изъ 64 стр. Такимъ образомъ, въ годъ въ каждомъ отдѣлѣ будетъ выходить по два тома приблизительно по 300 стр., не считая хромолитографированныхъ таблицъ, картинъ и проч. Отдѣлы въ которыхъ хромолитографированныхъ таблицъ не будетъ, а только черные портреты и проч, будутъ выходить тоже по два тома, но болѣе толстыхъ — по 300—400 стр.. въ каждомъ (768 въ обоихъ).

Въ редакціи «Научной Библіотеки» принимаютъ участіе лучшія научныя силы, работающія въ «Вѣстн. Знанія» и спеціально приглашенныя.

Для «Научной Библіотеки» будутъ заготовлены **роскошныя** крышки для переплетовъ изъ англійскаго каленкора, тисненнаго золотомъ и краской. Каждая крышка для одного тома будетъ стоить по подпискѣ 30 к. безъ пересылки. Желающіе получать изданіе уже переплетеннымъ доплачиваютъ сверхъ подписной суммы за каждый томъ по 55 к.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Невскій пр., 47. Главная контора редакціи «Вѣстника Знанія», «Недѣли» и «Научной Библіотеки».**

Редакторъ-издатель *В. БИТНЕРЪ*